

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

2023, Том 2, № 3

Подписано к публикации: 20.09.2023

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор
Краснощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) — доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) — доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) — доктор филологических наук, доцент
Чезрчиев Мугума Чезрчиевич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Адрес редакции, издателя: 308015, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Гостенская 16-101

ISSN 2949-4656 (online)

Е-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2023

Содержание

Алещенко Е.И., Шацкая М.Ф., Фатеева Ю.Г. Гендерная специфика манипулятивных приемов	5-15
Карданова Б.Б., Гагуа Л.А. Некоторые факторы, повлиявшие на формирование литературных и музыкально-исполнительских традиций средневековых ногайских сказителей	16-22
Крячко В.Б., Задорожная В.В. Символотворчество и символика цвета в поэтических текстах И. Бродского	23-28
Сафаралиева Л.А. Литература как средство коммуникации народов мира	29-35
Абдуллаева Э.К. Жемчужины мировой литературы	36-42
Гасанова С.Х. Актуализация фольклористики сквозь призму воспитания патриотизма	43-49
Гагуа Л.А., Койлубаева М.С. Современное состояние этнохудожественной культуры ногайцев	50-57
Каракаев Ю.И. Историческое развитие ногайского языка и письменности	58-65
Лутфуллина Г.Ф. Кореферентность и одновременность глагольно имплицированных и неглагольно эксплицированных интервалов (на материале татарского языка)	66-70
Балута А.А., Михайлов М.К. История изучения греческого койне как языка Нового Завета	71-77

Илова Е.В., Готуалт В.С., Календр А.А.

Лингвопрагматические особенности речи педагога-манипулятора
в педагогическом дискурсе (на материале английского языка) 78-83

Абдуллаева Самира Али, Гаджиева Сабина Мубариз

Философия лингвистики 84-91

Черкасова И.П.

Лингвоаксиологические характеристики поэтического метасмысла
«ангел» в творчестве М.И. Цветаевой и Р.М. Рильке 92-103

Буряковская В.А.

Массовая журналистика: психологические блоги как часть дилетантского дискурса 104-109

Джалилова Туркан Музадил, Асланова Малейка Исфандияр

Язык как инструмент коммуникации и раскрытие культурной реальности 110-117

*Алещенко Е.И., доктор филологических наук, доцент,
Шацкая М.Ф., доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Фатеева Ю.Г., кандидат филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный медицинский университет*

Гендерная специфика манипулятивных приемов

Аннотация: коммуникативные приемы манипуляций до сих пор представляли научный интерес в аспекте использования в рамках определенных стратегий и тактик. Однако манипулятивные приемы с точки зрения гендерного предпочтения не являлись объектом научного изучения до сих пор. Этим обусловлена актуальность данной работы, т.к. современные исследователи в большинстве случаев сосредоточены на невербальных особенностях коммуникации, речевых характеристиках участников общения в соответствии с половой принадлежностью. Материалом для анализа стали художественные произведения русской литературы XIX-XX вв.: М.А. Булгакова, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.С. Грибоедова, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и т.д. Авторами были проанализированы 29 уловок, таких как абсурдная гиперболизация, кунктуация, обструкция и т.д. В результате проведенного анализа становится очевидным, что существуют приемы манипуляции, выбор которых определяется полом героя-коммуниканта. Так, женские персонажи чаще используют эмоции в попытке подчинить собеседника, например, уловки «чтение в сердцах», «ссылка на возраст, образование и положение», «инсинуации» и пр. Мужские персонажи чаще прибегают к «силовым» манипулятивным техникам: довод к городскому, палочные доводы, подтасовка карт и др.

Ключевые слова: литературный герой, манипуляция, коммуникация, гендер

Для цитирования: Алещенко Е.И., Шацкая М.Ф., Фатеева Ю.Г. Гендерная специфика манипулятивных приемов // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 5 – 15.

Поступила в редакцию: 4 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 3 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Введение

В парадигме современных гуманитарных наук язык как объект и предмет исследования занимает особое место, потому что представляет собой не только способ познания действительности, но и средство объективации своего места в мире и взаимодействия с ним. Потому изучение речевого поведения представляет несомненный интерес, в том числе привлекают внимание различные аспекты коммуникативных тактик и стратегий. В различных классификациях учитываются этнические, социальные, психологические причины выбора той или иной стратегии, отражающиеся на коммуникативном поведении в целом. Не последнее ме-

сто занимает и гендерный аспект речи, так как «гендер выступает одним из базовых измерений социальной структуры общества, наряду с классовой принадлежностью, возрастом» [13, с. 87].

Гендерные различия в речевом поведении и речи стали объектом лингвистических исследований достаточно давно. Родоначальником гендерной лингвистики (в частности, грамматики) принято считать Н. Хомского [17]. Гендерная лингвистика как направление филологических исследований формируется во второй половине XX века, в ее основу ложится труд Р. Лакоффа «Язык и место женщины» [18]. В последующих работах автор постулировал учет социального и культурного контекста при проведении лингвистического анализа. Исследования гендерных различий в коммуникативном и речевом поведении представляется перспективным научным направлением, т.к. «изучение роли полов в развитии культуры, их символического и семиотического выражения в философии, истории, языке, литературе и искусстве помогает увидеть новые аспекты развития социума, глубже проникнуть в суть происходящих процессов» [1, с. 97].

Примечательно, что мужское и женское начала присутствуют по всех космогонических мифах, с ним часто связывают мифы зарождения мира, поэтому современная философия относит их к категории архетипов. Однако однозначного понимания взаимодействия мужского и женского в современном мире не существует. Так, например, общеизвестны и достаточно популярны, в том числе и в нашей стране, китайские символы указанных противоположностей «инь» и «ян». При этом в китайской философии они существуют в паре и никогда отдельно. Однако во многих языках и культурах мужское и женское начала выступают именно в противопоставлении: «"мужское – женское" ... представляет собой инструмент, с помощью которого как индивидуальное, так и коллективное сознание воспринимает и оценивает мир, все многообразие человеческих отношений в котором сводится к истории главной пары – Мужчины и Женщины» [13, с. 94].

В сфере риторики, в частности манипулятивного воздействия, употребление тех или иных приёмов представителями разных полов может отличаться: «Специалисты полагают, что склонность к использованию тех или иных эристических приёмов имеет гендерную обусловленность...» [10, с. 378]. Однако мишени манипулирования (слабые места адресата) чаще всего относятся к эмоциональной сфере. По справедливому замечанию В.П. Москвина: «Многие специалисты не без основания полагают, что апелляция к эмоциям иногда бывает гораздо более значима для процесса убеждения, чем логические доводы, особенно при работе с малообразованной публикой (low-intelligence people), а также в процессе так называемой бытовой аргументации...» [10, с. 353]. При этом «Практически любая эмоция, любое чувство может стать мишенью манипуляции...» [10, с. 359].

Материалы и методы

Объектом нашего исследования стали художественные произведения русской литературы XIX-начала XX вв.: М.А. Булгакова, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.С. Грибоедова, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и т.д. Выбор источников определялся отражением в них гендерно обусловленных риторических различий в речевом поведении героев произведений в разнообразных коммуникативных ситуациях.

Цель исследования – выявить возможную гендерную специфику манипулятивных приемов, которые используют литературные герои в ходе общения.

Теоретическую базу статьи составили работы, в которых описаны манипулятивные приёмы, известные в настоящее время (Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б., Л.А. Введенская, Ю.В. Ивлев, Н.Г. Милорадова, Е.А. Ножин, Л.Г. Павлова, О.В. Петров, В.П. Москвин и др.).

В связи с необходимостью устанавливать факты и явления для последующего исследования основным методом в работе является описательный в совокупности с семантико-стилистическим методом. Необходимость наряду с индивидуальными признаками явления учитывать признаки контекстов обусловила использование метода контекстуального анализа, сопоставление нескольких явлений по определенным критериям проводилось в соответствии с правилами сравнительного анализа. При работе с литературным материалом также использовались метод дистрибутивного анализа, предполагающий классификацию языковых единиц и изучение их свойств на основе распределения (дистрибуции) в потоке речи – контексте единицы; лингвопрагматический анализ как разновидность функционального метода исследования, предусматривающий анализ функционирования языковых знаков в речи с учётом адресанта (субъекта), адресата (получателя сообщения), их взаимодействия в акте коммуникации.

Результаты и обсуждение

Авторы статьи «Гендерное различие мужской и женской речи» считают, что «особенности речевого стиля мужчин и женщин проявляется на двух уровнях: речевого поведения и речи. Например, мужчины чаще перебивают, более категоричны, стремятся управлять тематикой диалога. Существенно, что в отличие от распространенного мнения мужчины говорят больше, чем женщины» [13, с. 91].

По замечанию В.П. Москвина, проблема типологизации различных способов убеждения до сих пор остается не до конца разработанной, однако сам лингвист предлагает делить «... по двум параметрам: 1) по их функции, т. е. направленности либо во зло, либо во благо; 2) по способу воздействия на адресата, какими являются либо принуждение, либо привлечение какой-нибудь приманкой. По этим параметрам можно выделить два типа психологических уловок: функциональные и инструментальные» [10, с. 365]. К первому типу относятся две разновидности – «... корыстный и альтруистический (В.П. Шейнов), или, в иной терминологии, непродуктивный (используемый в корыстных целях, во зло) и продуктивный (во благо) – применяемый, в частности, в целях «педагогического воздействия на детей», предотвращения массовых психозов и паники, поддержания добрых отношений в коллективе и т.д.» [10, с. 367]. Ко второму – «... 1) приёмы психологического давления на оппонента, когда последний вынужден принять определённую линию поведения поневоле; 2) приёмы психологической аттракции – добровольного привлечения его к этой линии поведения. В первом случае инструментом воздействия является кнут, во втором – пряник» [10, с. 368]. Если исходить из этой классификации, то уловки, применяемые мужчинами, заключают в себе психологическое давление. Представим их анализ.

Прямые оскорбления направлены на скорейший подрыв авторитета противника и создание негативного отношения к кому-либо или к чему-либо, имеющему отношение к спору [3, с. 410]. Брань в качестве последнего аргумента часто использует Дикой в пьесе А.Н. Островского «Гроза». Ею, например, изобилует его беседа с Кулигиным.

Герой в различных ситуациях использует разные по интенсивности негативной окраски лексические единицы, активно употребляет невербальные средства:

Дикой. Отстань ты от меня! Отстань! (С сердцем.) Глупый человек! [12].

Эпитет «глупый», несомненно, относится к словам с отрицательным значением, однако «усиление» эффекта происходит с помощью повтора императива «отстань» и авторской ремарки, комментирующей интонации Дикого – «с сердцем».

Интересным представляется следующий эпизод из пьесы А.Н. Островского:

Дикой (топнув ногой). Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник! <...> Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? говори! Татарин? [12].

Помимо невербальных средств (топнуть ногой – жест, выражающий крайнюю степень раздражения) автор использует синтаксические способы создания необходимого эмоционального эффекта: восклицание со словосочетанием «...еще там...» дает понять, что автор реплики считает услышанное абсурдом. Оскорбительным является и изначально нейтральное слово «татарин», которое в данном контексте имеет значение «иноверец», «враг».

К прямым оскорблениям прибегают и герои Н.В. Гоголя. Например, Ноздрев начинает бранить Чичикова, когда понимает, что тот не хочет заключать сделку на его условиях:

– Дрянь же ты! <...> Фетюк просто! Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения. <...> совершенный Собакевич, такой подлец! [4].

Достается от него и зятю, который хочет уехать, потому что его ждет жена:

– А и вправду! – сказал Ноздрев. – Смерть не люблю таких растепелей! – и прибавил вслух: – Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк! (там же)

Петр Иванович Адуев из романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» без церемоний характеризует деревенских родственников, ругая их, хотя и не в лицо, но в присутствии племянника, который оказывается ошарашен подобным обращением:

– Глупая старуха! – проворчал он и читал... <...> – Тетушке твоей пора бы с годами быть умнее, а она, я вижу, все такая же дура, как была двадцать лет тому назад... <...> Да, он пишет ко мне... У вас еще не перевелись такие ослы? [5].

Прямые оскорбления часто становятся финальными репликами диалога, способствуя окончанию коммуникации на негативной ноте и приводя к возникновению или эскалации конфликта. Пример использования оскорбительных слов в дружеской беседе представляет собой разговор Раскольникова, Разумихина и Порфирия Петровича:

– Ей-богу, не знаю, чего он на меня взбесился. Я сказал ему только дорогой, что он на Ромео похож...

– Свинья! – отозвался, не оборачиваясь, Разумихин.

– Значит, очень серьезные причины имел, чтобы за одно словечко рассердился, – рассмеялся Порфирий.

– Ну, ты! следовательно!.. Ну, да черт с вами со всеми! <...>

– Шабаш! Все дураки... [6].

«Довод к городовому» «... активно применяется в условиях тоталитарных обществ... тезис или аргумент объявляется опасным для общества или государства» [8, с. 164].

В произведении М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» государство приветствует атеистическую идеологию (В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически вежливо сказал Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге, преследуя религиозную, что обуславливает жестокую критику романа, написанного главным героем, а по отношению к нему не обошлось без «навешивания ярлыков»:

– Через день в другой газете за подписью Мстислава Лавровича обнаружилась другая статья, где автор ее предполагал ударить, и крепко ударить, по Пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить (опять это проклятое слово!) ее в печать.

Остолбенев от этого слова «Пилатчина», я развернул третью газету. Здесь было две статьи: одна – Латунского, а другая – подписанная буквами «Н.Э.». Уверяю вас, что произведения Аримана и Лавровича могли считаться шуткою по сравнению с написанным Латунским. Достаточно вам сказать, что называлась статья Латунского «Воинствующий старообрядец» [2].

«Палочные доводы» «...можно определить как особую форму интеллектуального или психологического насилия. Суть его заключается в том, что участник спора приводит такой довод, который оппонент должен принять из боязни чего-либо неприятного, опасного или на который не может правильно ответить по той же причине и должен молчать или придумывать "обходные пути"» [8, с. 164]; так происходит реализация угроз.

В поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» Плюшкин грозит служанке за якобы украденный ею лоскуток бумаги адскими муками.

– Куда ты дела, разбойница, бумагу? <...> Вот погоди-ка: на Страшном Суде черти припекут тебя за это железными рогатками! вот посмотришь, как припекут! <...> А вот черти-то тебя и припекут! скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала!», – да горячими-то тебя и припекут! [4].

В пьесе А.Н. Островского «Гроза» Дикой упрекает Бориса за то, что тот якобы нарочно попадаете ему на глаза, в то время как ему велено держаться подальше и заняться делом.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом! <...> Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все неймется! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет? <...> Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. (Уходя.) Вот навязался! (Плюет и уходит.) [12].

В интерпретации Дикого молодой человек делает это нарочно, назло ему, что вызывает новую порцию гнева дяди, направленного на племянника.

Во время визита Раскольникова на место преступления после болезни герой ведет себя странно, но при этом жаждет диалога, однако собравшиеся там простые люди желают избежать разговора, используя довод к городовому как способ саботирования коммуникации:

– Да вы кто таков?..

– Я Родион Романович Раскольников, бывший студент...

<...>

— А вот взять да свести в контору?

— Пойдем!

— Да и свести! [6].

«Разделяй и властвуй»: расчленение сил коллективного оппонента путем нахождения разногласий в его рядах [9, с. 136]. Примечательно, что этот прием может быть избран в качестве манипулятивной стратегии. Так, Павел Петрович Кирсанов и Евгений Базаров используют данный прием применительно к Аркадию: оба непримиримых оппонента борются за влияние на младшего Кирсанова.

– Вот видишь ли, Евгений, – промолвил Аркадий, оканчивая свой рассказ, – как несправедливо ты судишь о дяде!.. <...>

– Воспитание? – подхватил Базаров. – Всякий человек сам себя воспитать должен – ну хоть как я, например... А что касается до времени – отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня. Нет, брат, это все распушенность, пустота! И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество. Пойдем лучше смотреть жука [14].

Общение женщин происходит несколько по-другому, чем мужчин, поэтому и тактические приемы, применяемые ими, тоже специфичны.

Ссылки на свой возраст, образование и положение встречаются в речи женщин, однако этот способ не всегда действенен, поскольку «... человек, старший по возрасту, имеющий высшее образование, занимающий определенную должность, далеко не всегда бывает прав» [1, с. 402]. Эта уловка, например, используется в споре с целью подчеркнуть непреодолимость разногласий. Так, Павел Петрович Кирсанов, применяя данный прием в совокупности с самоиронией, пытается добиться противоположного результата, намекая на наивность и нежизнеспособность идеи нигилизма:

– Вот как. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы, люди старого века, мы полагаем, что без принципов (Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер, Аркадий, напротив, произносил «прынцип», налегая на первый слог), без принципов, принятых, как ты говоришь, на веру, шагу ступить,дохнуть нельзя [14].

В пьесе А.Н. Островского «Гроза» Кабаниха постоянно утверждает, что только пожилые люди знают, как нужно поступать в том или ином случае, а молодежь «ни ступить, ни молвить» не умеет, и это скоро приведет к «последним временам». Кроме того, Кабаниха постоянно подчеркивает свою исключительность и недооценку детьми:

Кабанова. Не очень-то нынче старших уважают. <...> Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать [12].

Полной хозяйкой в доме ощущает себя и героиня пьесы Д.И. Фонвизина «Недоросль» госпожа Простакова, которая всерьез полагает, что ее решения должны быть обязательны для всех, даже для невесты, которой она нашла жениха, но не сообщила ей об этом:

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают её замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали [16].

«Чтение в сердцах». Спорщик не столько разбирает слова противника, сколько ссылается на те мотивы, которые заставили их высказать («Выговорите из жалости к нему..., Вас заставляют так говорить интересы данной организации..., Вы преследуете личные интересы...») [3, с. 410].

В романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» подобным образом Анна Павловна Адуева обращается к соседу Антону Иванычу, извиняясь и одновременно оправдываясь за то, что потревожила его приглашением к себе. Героиня объясняет это отношением последнего к ее семейству.

– Уж не погневайтесь, что потревожила вас – вместе размыкать горе; вы нас так любите, как родной (гончаров «Обыкновенная история»).

Точно так же провожает Евсея, едущего вместе с молодым баринном в Петербург, Аграфена:

– На вот тебе! – сказала она, вынув из-под передника и сунув ему мешок с чем-то. – То-то, чай, там с петербургскими-то загуляешь! – прибавила она, поглядев на него искоса. И в этом взгляде выразилась вся тоска ее и вся ревность [5].

Тоскуя по нему, она решает за Евсея, как он будет вести себя в Петербурге.

При аргументационном споре может быть употреблен такой риторический прием, как прогнозирование ответа. Иногда он может быть использован и в качестве манипулятивной техники. Полагаем, что контаминация данного приема и «чтения в сердцах» имеет значительный манипулятивный потенциал. Интересный пример данного манипулятивного приема встречаем в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказания». Главный герой получает письмо матери, в котором женщина сообщает о неприятных новостях последних месяцев. Так, например, подробно рассказав о злоключениях своей дочери Дуни Раскольниковой, Пульхерия Александровна объясняет длительное утаивание новостей следующим образом:

Что могла я тогда тебе написать в ответ? Если б я написала тебе всю правду, то ты, пожалуй бы, все бросил и хоть пешком, а пришел бы к нам, потому я и характер и чувства твои знаю; Подумай теперь, что могла я тебе написать в письме, в ответ на твое, полученное мною два месяца назад, и о чем писать? Сама я была в отчаянии; правду написать тебе не смела, потому что ты очень бы был несчастлив, огорчен и возмущен, да и что мог бы ты сделать? Пожалуй, еще себя погубить... [6].

Приведенный фрагмент – пример комплексного применения различных манипулятивных приемов: не только «чтение в сердцах», но и домысливание ответа, и «подтасовка карт» с целью избежать спора с сыном.

Попрыгунья из одноименного рассказа А.П. Чехова применяет популярный среди женщин аргумент – «чтение в сердцах», чтобы сказать о своем отчаянии, не стараясь для себя понять главную причину сложившейся ситуации – холодность недавно пылкого любовника.

У Ольги Ивановны задрожало лицо, она отошла к печке и заплакала.

– Да, недоставало только слез. Перестаньте! У меня тысячи причин плакать, однако же я не плачу.

– Тысячи причин! – всхлинула Ольга Ивановна. – Самая главная причина, что вы уже тяготитесь мной. Да! – сказала она и зарыдала. – Если говорить правду, то вы стыдитесь нашей любви. Вы всё стараетесь, чтобы художники не заметили, хотя этого скрыть нельзя, и им всё давно уже известно [17].

«**Абсурдная гиперболизация**» [11, с. 274] или «**бабий/дамский аргумент**»: «Ошибка заключается в усилении аргумента противоположной стороны до такой степени, что он оказывается ложным» [7, с. 184]. Рассмотрим применение этой уловки. Сваха Красавина, героиня комедии «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)», во время первого появления в пьесе прибегает к нему. В ответ на достаточно грубое приветствие (Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!) и оскорбительные высказывания в адрес гостыи (...надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать) госпожи Бальзаминовой, Красавина отвечает:

У меня совесть-то чище золота, одно слово – хрусталь...

Уверения в своей искренности и честности Красавина продолжает с помощью той же уловки:

Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! [12].

Использование уловок обусловлено событиями, произошедшими в прошлом героев, о которых читатель может лишь догадываться, однако использование абсурдной гиперболизации для склонения заказчиков на свою сторону органично вписывается в образ героини: предприимчивая сваха выбирает стиль общения в зависимости от социального статуса собеседника и может быть грубой в обращении с бедными и зависимыми от нее людьми, с людьми же богатыми не позволяет себе подобного.

Желая просватать за Бальзаминова богатую, но малопривлекательную вдову, Красавина так описывает материальное положение невесты:

Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть! [12].

Уловка абсурдной гиперболизации в данном фрагменте является составной частью приема «**подтасовка карт**», согласно которому в подтверждение собственной правоты приводятся лишь те аргументы, которые способствуют достижению цели, невыгодные или недостаточно убедительные умалчиваются («... открытая дезинформация, одностороннее освещение фактов...» [11, с. 270]). Не менее абсурдно из-за гиперболизации выглядит и дом невесты:

... Заведи тебя в середку да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала [12].

Ольга Ивановна, героиня рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья», попыталась дамским аргументом вернуть себе любовь художника, а Рябовский в свою очередь этой же уловкой пытается отделаться от назойливой женщины:

– Но поклянитесь, что вы меня всё еще любите!

— Это мучительно! – процедил сквозь зубы художник и вскочил. – Кончится тем, что я брошусь в Волгу или сойду с ума! Оставьте меня!

– Ну, убейте, убейте меня! – крикнула Ольга Ивановна. – Убейте! [17].

Заключение

Таким образом, считаем возможным предположить, что гендерная принадлежность участников коммуникации имеет значение для выбора манипулятивного приема. В ходе исследования были проанализированы 29 уловок, среди которых обструкция, подтасовка карт, подмазывание аргумента, притворство, огульное несогласие и т.д.

Мужчины более прямолинейны в высказываниях, так как «для мужчин само общение является не целью, а средством решения возникающих проблем. <...> В самом начале диалога мужчины вводят приемлемую для них схему субординации» [1, с. 100]. Таким образом, мужчины выбирают более агрессивные уловки, например, прямые оскорбления, довод к городовому, палочные методы, разделяй и властвуй и т.д.

Женщины чаще используют «игру» на эмоциях и смыслах, потому что «”женский” стереотип ... предполагает определенные усилия по созданию ... психологического климата» [1, с. 101]. К типично «женским» манипулятивным приемам относятся «абсурдная гиперболизация», чтение в сердцах, ссылки на возраст, образование и положение.

Литература

1. Белая Н.В. О проявлении гендерных различий в языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 3. С. 91 – 96.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989-1990.
3. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2004. 512 с.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 6. Мертвые души. Т. 1. М.Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 923 с.
5. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. Обыкновенная история; Стихотворения; Повести и очерки; Публицистика, 1832-1848. СПб.: Наука, 1997. С. 172 – 469.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: [В 30 т.]. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1972-1976.
7. Ивлев Ю.В. Теория и практика аргументации. М.: Проспект, 2011. 288 с.
8. Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной, Н.Я. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. 560 с.
9. Милорадова Н.Г. Мышление в дискуссиях и решениях задач. М.: Издательство АСВ, 2000. 160 с.

10. Москвин В.П. Риторика и теория аргументации. М.: Издательство «Юрайт», 2019. 725 с.
11. Ножин Е.А. Основы советского ораторского искусства. М.: Издательство «Знание», 1973. 352 с.
12. Островский А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1950.
13. Поплевко А.В., Надольская Е.П. Гендерное различие мужской и женской речи // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов X Междунар. науч. практ. конф., Минск, 23 ноября 2016 г.: в 6 ч. Часть 2. Мн.: БГУ, 2017. С. 87 – 96.
14. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953-1958.
15. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли: пер. с англ. / Предисл. Б.П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
16. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
17. Чехов А.П. Попрыгунья // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892-1894. М.: Наука 1977. С. 7 – 31.
18. Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society. Vol. 2. № 1 (Apr., 1973). P. 45 – 80.

References

1. Belaja N.V. O prozavlenii gendernyh razlichij v jazyke. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Filologicheskie nauki. 2009. № 3. S. 91 – 96.
2. Bulgakov M.A. Sbranie sochinenij: v 5 t. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1989-1990.
3. Vvedenskaja L.A., Pavlova L.G. Delovaja ritorika. M.: ИКС «MarT», Rostov-na-Donu: Izdatel'skij centr «MarT», 2004. 512 s.
4. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. T. 6. Mertvyje dushi. T. 1. M.L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 923 s.
5. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 1. Obyknovennaja istorija; Stihotvorenija; Povesti i ocherki; Publicistika, 1832-1848. SPb.: Nauka, 1997. S. 172 – 469.
6. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: [V 30 t.]. L.: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1972-1976.
7. Ivlev Ju.V. Teorija i praktika argumentacii. M.: Prospekt, 2011. 288 s.
8. Kul'tura russkoj rechi. Pod red. L.K. Graudinoj, N.Ja Shirjaeva. M.: Izdatel'skaja gruppa NORMA-INFRA M, 1998. 560 s.
9. Miloradova N.G. Myshlenie v diskussijah i reshenijah zadach. M.: Izdatel'stvo ASV, 2000. 160 s.
10. Moskvin V.P. Ritorika i teorija argumentacii. M.: Izdatel'stvo «Jurajt», 2019. 725 s.
11. Nozhin E.A. Osnovy sovetskogo oratorskogo iskusstva. M.: Izdatel'stvo «Znanie», 1973. 352 s.
12. Ostrovskij A.N. Sbranie sochinenij: v 10 t. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1950.
13. Poplevko A.V., Nadol'skaja E.P. Gendernoe razlichie muzhskoj i zhenskoj rechi. Idei. Poiski. Reshenija: sbornik statej i tezisov X Mezhdunar. nauch. prakt. konf., Minsk, 23 nojabrja 2016 g.: v 6 ch. Chast' 2. Mн.: BГУ, 2017. S. 87 – 96.

14. Turgenev I.S. *Sobranie sochinenij*: v 12 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1953-1958.
15. Homskij N. *Kartezijskaja lingvistika. Glava iz istorii racionalisticheskoj mysli*: per. s angl. Predisl. B.P. Narumova. M.: KomKniga, 2005. 232 s.
16. Fonvizin D.I. *Sobranie sochinenij*: v 2 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959.
17. Chehov A.P. *Poprygun'ja*. Chehov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: v 30 t. Sochinenija: v 18 t. T. 8. [Rasskazy. Povesti], 1892-1894. M.: Nauka 1977. S. 7 – 31.
18. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. *Language in Society*. Vol. 2. № 1 (Apr., 1973). R. 45 – 80.

*Aleshchenko E.I., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Shatskaya M.F., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Fateeva Yu.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Volgograd State Medical University*

Gender specificity of manipulative techniques

Abstract: communication techniques of manipulation have so far been of scientific interest in terms of use within certain strategies and tactics. However, manipulative techniques from the point of view of gender preference have not been the object of scientific study until now. This is due to the relevance of this work, since modern researchers in most cases focus on non-verbal features of communication, speech characteristics of communication participants in accordance with gender. The material for the analysis was the works of Russian literature of the 19th – 20th centuries: M.A. Bulgakov, N.V. Gogol, I.A. Goncharov, A.S. Griboedov, F.M. Dostoevsky, A.N. Ostrovsky, A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, I.S. Turgenev, etc. The authors analyzed 29 tricks, such as absurd hyperbolization, cunctuation, obstruction, etc. As a result of the analysis, it becomes obvious that there are manipulation techniques, the choice of which is determined by the sex of the communicant hero. Thus, female characters more often use emotions in an attempt to subjugate the interlocutor, for example, the tricks "reading in hearts," "reference to age, education and position," "insinuations," etc. Male characters more often resort to "power" manipulative techniques: an argument to the city policeman, stick arguments, card rigging, etc.

Key words: literary hero, manipulation, communication, gender

For citation: Aleshchenko E.I., Shatskaya M.F., Fateeva Yu.G. Gender specificity of manipulative techniques. *Philological Bulletin*. 2023. 2 (3). P. 5 – 15.

Received: May 4, 2023; Revised: August 3, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Карданова Б.Б., кандидат искусствоведения, доцент,
КЧОО «Союз композиторов России»,
Гагуа Л.А., старший преподаватель,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Дж. Алиева*

Некоторые факторы, повлиявшие на формирование литературных и музыкально-исполнительских традиций средневековых ногайских сказителей

Аннотация: в статье рассматриваются предпосылки формирования литературных и музыкально-исполнительских традиций средневековых ногайских сказителей, а также факторы, повлиявшие на их формирование. Музыкально-поэтическое искусство средневековых ногайских сказителей представлено авторскими (опусными) произведениями, многие из которых получили широкое распространение среди ногайцев и других тюркских народов. Актуальность тематики данного исследования обусловлена не изученностью в ногаеведении многих аспектов сказительского искусства народа. Целью исследования является рассмотрение факторов, повлиявших на формирование ногайских сказительских традиций. Задачи исследования: 1) выявление истоков сказительского искусства ногайцев и предпосылок их формирования; 2) рассмотрение факторов, повлиявших на мировоззрение средневековых ногайских сказителей; 3) выделение фольклорных и литературных жанров, нашедших отражение в их творчестве; 4) определение особенностей и предпосылок формирования традиций сказительского музицирования. Отмечается, что мировоззрение средневековых ногайских сказителей формировалось не только на основе богатой духовной культуры древних и средневековых тюрков, но и под влиянием культуры Арабо-мусульманского Востока и других культур: индо-иранской, иудейской (христианской) и исламской мифологии, разных религиозных воззрений, богатого повествовательного и музыкального фольклора, письменности, древних и средневековых литературных памятников. К факторам, сформировавшим музыкально-поэтические исполнительские традиции средневековых ногайских сказителей, можно отнести преобладание в этногенезе ногайцев тюркского компонента. Так, принадлежность к тюркскому Восточноконтинентальному антропологическому стволу обусловили формирование у них монодического интонационного мышления (монодического склада) и традиции сольно-инструментального музицирования.

Ключевые слова: средневековые ногайские сказители, фольклор, письменность, литература, монодическое пение, музицирование

Для цитирования: Карданова Б.Б., Гагуа Л.А. Некоторые факторы, повлиявшие на формирование литературных и музыкально-исполнительских традиций средневековых ногайских сказителей // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 16 – 22.

Поступила в редакцию: 5 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 3 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Музыкально-исполнительские и литературные традиции средневековых ногайских сказителей были объектами собирания и изучения исследователей разных исторических периодов: Ч. Валиханова, В. Радлова, И. Березина (XIX в.), А. Умерова, А.-Х. Джанибекова, А. Сикалиева, Б. Карасова (XX в.), Ю. Каракаева, Ф. Кусегеновой (XXI в.) и др. Однако, при наличии публикаций по обозначенной проблеме, многие аспекты сказительского искусства ногайцев остаются не изученными, что актуализирует тематику данного исследования.

Сказительское искусство ногайцев развивалось в двух направлениях – фольклорном и авторском (опусном). До наших дней дошли имена и творения таких, известных и среди других народов, сказителей, как: Сыбра йырав (XIV в.), Шал-Кийиз (XV в.), Досмамбет Азавлы (XVI в.), Асан Кайглы (XVI в.), Казтуган Суюниш улы (XVII в.) и др. К сожалению, многие их произведения были безвозвратно утеряны либо дошли до нас в статусе народных произведений (в фольклорных вариантах), при этом в самих поэтических текстах, как правило, упоминаются их имена как авторов данных произведений.

На мировоззрение и творческие предпочтения средневековых ногайских сказителей-*йырав* (жанровые, тематические, исполнительские) оказывали многие факторы. Перечислим некоторые из них.

Этнокультурный фактор. Ногайцы, являясь неотъемлемой частью огромного тюркского мира, безусловно, считаются наследниками его богатой культуры (литературы, словесного и музыкального фольклора), формирование которой происходило длительное время и в несколько этапов (периодов). Наиболее ранний из них – эпоха предков ногайцев (многочисленных тюркских племен, являвшихся этническим субстратом ногайцев и родственных с ними народов, до их объединения в Золотой Орде. Завершился этот период распадом Орды и началом формирования ногайской народности (со своей этнической и этнокультурной идентичностью) и раннефеодального ногайского государства со всеми его признаками.

Мировоззренческие факторы. К эпохе средневековья у ногайского народа уже сформировались мифологическое, религиозное, языковое, этническое, когнитивное и другие представления картины мира, утвердились религиозные догматы и институты. И именно в этой среде формировалось мировоззрение и творческие интересы ногайских сказителей, отразившиеся в их произведениях. Так, некоторые эпические сказания, являющиеся творениями ногайских сказителей («Эдиге» Сыбра йырав и др.), овеяны сюжетами из древней мифологии и библейскими сюжетами.

Определенное воздействие на мировоззрение средневековых сказителей могли оказывать ранние религиозные верования и мировые религии, которые были распространены в разные исторические периоды у протоногайских племен и средневековых ногайцев. Так, у их предков были распространены ранние (родоплеменные) и этнические религиозные верования (тотемизм, анимализм, анимизм, фетишизм, магия, культ предков, шаманизм, тенгрианство). В отдельных регионах проживания ногайцев получали распространение религии, имевшие в своей основе эпизодичный и локальный характер: несторианство, манихейство, арианство, католицизм, православие, суфизм, отчасти православие и католицизм, которые также могли оказывать влияние на мировоззрение отдельных сказителей. Однако, в конечном счете, основной религией ногайцев, вытеснившей все предыдущие религии, стал традиционный ислам.

Фольклорные факторы. Поэзия ногайских сказителей во многом опиралась на богатейший ногайский (тюркский) фольклор предыдущих столетий. Показательным для нас является тот факт, что к многочисленным фольклорным жанрам обращается и Махмуд Кашгари в своей книге «Диван лугатат-турк», в которой им приводятся фольклорные тексты, использованные в качестве наглядных примеров, с самой разнообразной тематикой (мифологической, бытовой, морально-этической, лирической, элегической и др.). В огромном количестве в его книге представлены и паремические жанры (загадки, пословицы, поговорки).

Истоками многих произведений средневековых ногайских сказителей являются фольклорные жанры, уходящие своими корнями в глубокую древность. В их числе *приуроченные вокальные жанры*: семейно-обрядовые (*бесик йырлар, бала йырлар, сынсув, тилек, алгыс, бозлав* и др.), календарные, а также скотоводческо-земледельческие попевки и песни.

На творчество средневековых ногайских сказителей оказал влияние богатейший *внеобрядовый* фольклор народа: древние мифы, легенды (*энгиме*), предания (*таварых*), сказочный эпос (*эртеги*), паремические жанры: загадки (*юмаклар*), пословицы (*такнаклар*), поговорки (*айтувлар*), приметы (*сынамалар*), крылатые слова (*канатлы соьзлер*), благопожелания (*тилеклер, алгыслар*), проклятия (*каргыслар*), напутствия и благословения (*бата/баьте*), острословия (*танкыр соьзлер*), назидания (*акыл уьйретьуьвлер*) и др. Особое место у ногайских сказителей занимали музыкально-поэтические состязания (*айтыс*), сочинения (исполнение) хвалебных од (*мактав*), посвящений (*орнав*), корильных произведений, монологов-размышлений (*толгав*) и др.

На творчество протоногайских и средневековых ногайских сказителей повлияли и эпические традиции народа, сформированные на основе более ранних богатырских сказок (*баьтир эртегилер*), с которыми их сближали отдельные сюжеты, обязательное присутствие главного героя – батыра (баьтир), наделенного положительными качествами, совершение им ряда подвигов, предысторией с необычным рождением и взрослением, прохождением инициационных обрядов и т.д.

Литературные факторы. По утверждению некоторых исследователей, уже с V по X вв. протоногайцы широко использовали древнетюркский рунический алфавит [6], а с VIII в. среди них стал распространяться чагатайский язык, являвшийся языком всех древних тюрков. Исследователи упоминают и о существовании у средневековых ногайцев литературных музыкально-поэтических произведений на ногайском языке [5], причем часть их исполнялась и писалась на староногайском (литературном) языке и была понятна лишь избранному кругу слушателей и читателей, а другая часть, понятная и доступная широким массам, записывалась и заучивалась ими наизусть, что со временем породило их множество музыкально-стихотворных вариантов. Многие из этих произведений дошли до наших дней как фольклорное музыкально-поэтическое наследие народа.

На творчество средневековых ногайских сказителей повлияли *орхоно-енисейские рунические* памятники, написанные на языке тюрки. Значительная часть племен, вошедших позже в состав ногайской общности, в эпоху создания орхоно-енисейских рунических текстов, находилась на той территории, где они были обнаружены, а названия некоторых племен (*канглы, конгар* или *кангар, кенгерес* и др.) встречаются в самих текстах [4].

Определенное влияние на мировоззрение и в целом творчество средневековых сказителей оказывали литературные памятники *караханидского периода*: «Книга гаданий» («Гадательная книга») (середина VIII – IX вв.), «Диван лугатат-турк» («Собрание тюркских слов») Махмуда Кашгари (Махмуд ибн Хусейн ибн Мухаммед ал-Кашгари), «Кутадгу билиг» (Наука о том, как быть счастливым) Юсуфа Баласагуни (XI в.) и др.

Другой значимый памятник средневековья – поэма Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг», состоящая из 6500 бейтов, представляет собой дидактический трактат-поучение, посвященный правителю Кашгара Богра-хану, в котором освещена вся жизнь «идеального» правителя. Интересно, что в последующие столетия идея идеального правителя и идеального общества будет пронизывать поэзию протоногайских и ногайских сказителей. Например, Сыбра йырав осуждал внутреннюю политику Тохтамыш-хана и в противовес ему восхвалял Кубугула, другой ногайский сказитель – Шал-Кийиз Тиленши улы – критиковал внутреннюю политику хана Темира. Известны также назидания-назмы хану Золотой Орды Джанибеку, созданные сказителем Асан Кайглы и др.

Определенное воздействие на средневековых ногайских сказителей оказали суфийские поэты и религиозные проповедники XII-XIII вв., в числе которых можем назвать Ходжа-Ахмед Ясави (Йассави) (1100-1166) и шейх Сулейман Бакыргани (1091-1186). В литературных произведениях обоих поэтов-суфистов описываются жизнь и быт древнетюркских племен, решаются актуальные для их времени мировоззренческие и социально-этические проблемы того времени: «Диван-и-Хикмет» (Собрание мудростей), «Ахыр заман китаби» (Книга о кончине мира) (Ясави), «Бакырган Китабы» (Книга Бакыргана/Бакыргани).

Антропологический фактор. Следует не забывать и тот факт, что музыкально-поэтическое исполнительство ногайцев, в том числе и средневековых сказителей, во многом представляет собой синтез музыки и слова – чередование прозаического, поэтического и вокально-инструментального исполнительства. Ногайские сказители были не только авторами прозаических, поэтических и музыкальных текстов, но и исполнителями народных, авторских, а также своих собственных сочинений. Они же аккомпанировали своему пению (речитированию с вокализными обрамлениями) на домбре или *кылкобызе* (ногайской скрипке).

Музыкально-интонационное мышление (музыкальный язык) и исполнительские традиции ногайских сказителей-*йырав*, сформированные в довольно ранний исторический период, типологически близки интонированию и музицированию некоторых тюркских народов (казахов и каракалпаков и др.).

Преобладающее музыкальное мышление ногайцев – монодическое, в основе которого лежит сольное музицирование (продуцирование одной мелодической линии), к которому, видимо, в последующем подключилось сопровождение струнных инструментов. Такая форма музицирования связана с многовековым развитием инструментальной музыки всего тюркского Мира, которая в тесной связи с устным поэтическим фольклором обусловила появление синкретической формы музицирования (т. н. рассказ с игрой) [1, с. 119].

Истоки сольного-инструментального исполнительства ногайских сказителей, как нам думается, следует искать в шаманизме (ритуальных практиках древних шаманов (*камлавы, бакшы*) с использованием струнных музыкальных инструментов *домбры* и *кылкобыза*), которые, по утверждению многих исследова-

телей, помимо выполнения магических, лечебно-магических и других ритуалов, были искусными музыкантами, обязательными участниками всех семейных и общественных праздников и обрядов.

Не изучалась в полной мере также проблема предпосылок и истоков *музыкально-интонационного мышления народа*, лежащая и в основе музыкально-исполнительских традиций средневековых ногайских сказителей. Отечественные и зарубежные ученые (в частности, грузинские этномузыкологи и российские антропологи [2]) выдвигали разные гипотезы о возможности влияния на интонационное мышление любого этноса различных факторов: языкового, социального, климатического, антропологического. С учетом палеоантропологических данных, ими делалось предположение о том, что необходимость приспособления к суровым климатическим условиям в восточном расообразовательном стволе (в местах обитания далеких предков ногайцев – *Б.К.*) приводила к более раннему их переходу на членораздельную речь, что обуславливало раннюю (стадиально первичную) утрату вокально-коммуникативной системы (и как следствие этого, у ногайцев, как и многих тюркских народов, отсутствует развитое многоголосное пение – *Б.К.*) [2, с. 276]. На основании данных заявлений мы можем предполагать, что музыкальное мышление ногайцев сформировалось, помимо всего, как монодическое в контексте Восточноконтинентального антропологического ствола, в процессе приспособления этносов к суровым, резко-континентальным географо-климатическим условиям [3].

Таким образом, на формирование литературных и музыкально-исполнительских традиций ногайских средневековых сказителей, ставших идеологической и эстетической платформой для последующих сказительских традиций ногайцев и всей Великой Степи, оказались следующие факторы:

- этногенетические – преобладание в этногенезе ногайцев тюркского компонента;
- мировоззренческие, основанные на мифологических, религиозных представлениях предков и средневековых ногайцев, на сформированных веками картинах мира;
- фольклорные – достояние устного народного творчества (поэтического, прозаического, музыкального) предков и средневековых ногайцев;
- литературные – опусные (авторские) памятники, созданные в разные исторические времена, на разных языках и разной письменностью (рунической, уйгурской, чигатайской, караханидского и др.);
- антропологические – принадлежность к тюркскому Восточноконтинентальному антропологическому стволу, обусловившему сложение у ногайцев монодического склада музыкального мышления и традиции сольно-инструментального музицирования.

Литература

1. Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 544 с.
2. Жордания И.М. Грузинское традиционное многоголосие в международном контексте многоголосных культур. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета. 1989. 382 с.

3. Карданова Б.Б. Жанрово-стилевые нормы ногайских народных песен древнего периода // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (70). С. 65 – 67.
4. Кляшторный С.Г. Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах // СЭ. 1951. № 3. С. 54 – 63.
5. Корнис И. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольский уезд Таврической губернии // Телескоп. 1836. № 9. С. 272 – 274.
6. Махмутов А. Как возник древнетюркский алфавит? // Исследования по тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 141 – 148.
7. Нурмухамедов М. Каракалпак жазба адебиятынын дореуи хаккында // Амударья. 1968. № 6. С. 120 – 125.
8. Сикалиев А.И.-М. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы // Советская тюркология. 1970. № 4. С. 131 – 135.
9. Сикалиев А.И.-М. Ногайская литература XIV – начала XX в. // Вестник КЧИГИ. Черкесск: Изд-во КЧИГИ, 2002. С. 228 – 234.
10. Сикалиев А.И.-М. Ногайские народные сказители // Фольклор народов Карачаево-Черкесии (традиционные жанры и сказительское мастерство). Черкесск: Изд-во «Адыгея», 1991. С. 81 – 112.

References

1. Amanov B.Zh., Muhambetova A.I. Kazahskaja tradicionnaja muzyka i XX vek. Almaty: Dajk-Press, 2002. 544 s.
2. Zhordania I.M. Gruzinskoe tradicionnoe mnogogolosie v mezhdunarodnom kontekste mnogogolosnyh kul'tur. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. 1989. 382 s.
3. Kardanova B.B. Zhanrovo-stilevyje normy nogajskih narodnyh pesen drevnego perioda. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija Tambov: Gramota, 2013. № 3 (70). С. 65 – 67.
4. Kljashtornyj S.G. Kangjujskaja jetnotoponimika v orhonskih tekstah. SJe. 1951. № 3. S. 54 – 63.
5. Kornis I. Kratkij obzor polozhenija nogajskih tatar, vodvorenyh v Melitopol'skij uezd Tavricheskoj gubernii. Teleskop. 1836. № 9. S. 272 – 274.
6. Mahmutov A. Kak vznik drevnetjurkskij alfavit? Issledovanija po tjurkologii. Alma-Ata: Nauka, 1968. S. 141 – 148.
7. Nurmuhamedov M. Karakalpak zhazba adebijatynyn doreui hakkynda. Amudar'ja. 1968. № 6. S. 120 – 125.
8. Sikaliev A.I.-M. Drevnetjurkskie pis'mennye pamjatniki i nogajcy. Sovetskaja tjurkologija. 1970. № 4. S. 131 – 135.
9. Sikaliev A.I.-M. Nogajskaja literatura XIV – nachala XX v. Vestnik KChIGI. Cherkessk: Izd-vo KChIGI, 2002. S. 228 – 234.
10. Sikaliev A.I.-M. Nogajskie narodnye skaziteli. Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkesii (tradicionnye zhanry i skazitel'skoe masterstvo). Cherkessk: Izd-vo «Aдыгея», 1991. S. 81 – 112.

*Kardanova B.B., Candidate of Art Criticism (Ph.D.), Associate Professor,
KCHOOO "Union of Composers of Russia",
Gagua L.A., Senior Lecturer,
U.Dzh. Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Some factors that influenced the formation of literary and musical-performing traditions of medieval Nogai storytellers

Abstract: the article examines the prerequisites for the formation of literary and musical-performing traditions of medieval Nogai storytellers, as well as the factors that influenced their formation. The musical and poetic art of medieval Nogai storytellers is represented by the author's (opus) works, many of which have become widespread among the Nogai and other Turkic peoples. The relevance of the subject of this study is due to the lack of knowledge in Nogai studies of many aspects of the folk storytelling art. The purpose of the study is to consider the factors that influenced the formation of Nogai storytelling traditions. Research objectives: 1) identification of the origins of the Nogai storytelling art and the prerequisites for their formation; 2) consideration of the factors that influenced the worldview of medieval Nogai storytellers; 3) identification of folklore and literary genres reflected in their work; 4) determination of the features and prerequisites of the traditions of storytelling music. It is noted that the worldview of medieval Nogai storytellers was formed not only on the basis of the rich spiritual culture of the ancient and medieval Turks, but also under the influence of the culture of the Arab-Muslim East and other cultures: Indo-Iranian, Jewish (Christian) and Islamic mythology, various religious views, rich narrative and musical folklore, writing, ancient and medieval literary monuments. The predominance of the Turkic component in the ethnogenesis of Nogais can be attributed to the factors that formed the musical and poetic performing traditions of medieval Nogai storytellers-poets. Thus, belonging to the Turkic Eastern Continental anthropological stem led to the formation of their monodic intonation thinking (monodic warehouse) and the tradition of solo instrumental music-making.

Keywords: medieval Nogai storytellers, folklore, writing, literature, monodic singing, music making

For citation: Kardanova B.B., Gagua L.A. Some factors that influenced the formation of literary and musical-performing traditions of medieval Nogai storytellers. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 16 – 22.

Received: May 5, 2023; Revised: August 3, 2023; Accepted: September 20, 2023.

**Крячко В.Б., кандидат филологических наук, доцент,
Задорожная В.В.,
Волжский политехнический институт, филиал
Волгоградского государственного технического университета**

Символотворчество и символика цвета в поэтических текстах И. Бродского

Аннотация: в основе статьи – анализ авторской концептологии Иосифа Бродского, представляющей сложную систему взаимосвязанных мыслительных образований, отличающихся высокой степенью неопределенности. Поэт формирует пространство своего языка, основными характеристиками которого, являются глубина и бесконечность. Зачастую образ становится единственной формой поэтического концепта, по которой о нем можно сложить какое-то представление, например, Родина, изгнание, свобода, творчество. Вся поэзия И. Бродского глубоко символична. Символом являются не только слова, но и цвет. Цель работы заключается в выявлении области символизируемого того или иного цвета – основной содержательной базы, с помощью которой поэт рисует свой мир. В качестве решаемых задач можно назвать следующие: 1) Выявление в ограниченном контексте всех употребляемых цветов и проведение количественного анализа методом сплошной выборки. 2) Построение шкалы значимости цветового ряда методом концептуального анализа. Методы исследования: концептуальный анализ, количественный анализ, компонентный анализ. Полученные выводы показали, что главным культурным знаком в творчестве И. Бродского является иконический символ, то есть знак, обладающий образностью – естественной способностью знака с потенциально бесконечным числом значений быть актуализированным в образе или метафоре. Наибольшим потенциалом или содержательной глубиной с точки зрения частотности обладают черный, белый и синий цвета. Однако для знаков с высокой степенью неопределенности частотность может и не быть показателем их актуальности.

Ключевые слова: семиотика, концептология, символ, символика цвета, сема, образ, метафора

Для цитирования: Крячко В.Б., Задорожная В.В. Символотворчество и символика цвета в поэтических текстах И. Бродского // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 23 – 28.

Поступила в редакцию: 15 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 18 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Семиотика поэзии И. Бродского произрастает из пространства, основными характеристиками которого являются *глубина* и *бесконечность*. Отсюда и авторская концептология, определяющая тематический ряд, и неповторимая поэтика, важнейшей особенностью которой, можно, пожалуй, назвать сочетание несочетаемого, трудно определяемого в понятии или даже невозможного, что только и возможно передать поэтическим языком, схватить в образе. Образ универсален. С одной стороны, он является первой, а в поэтике

Бродского зачастую единственной возможностью поговорить о любви и нелюбви, свободе и несвободе, достоинстве и бесстыдстве, Родине и изгнании. Все мыслительные конструкты поэта сложны, многомерны, обладают высокой степенью неопределенности и потому трудноизмеримы, если не сказать больше – были неизмеримы до встречи с И. Бродским. Иными словами, так о любви, свободе, Родине, судьбе или Рождестве никто прежде не говорил.

С другой стороны, образ становится не просто средством языка, метафорой в самом широком ее понимании, но средством средства, если под последним понимать язык поэзии, как нечто самостоятельное и намекающее на другое – нечто большее, а вернее бесконечное, во что перетекает сама поэзия.

Таков, например, образ моря у Бродского. Часто оно описывается во всей своей мощи и бесконечности, становится символом пространственной свободы, свободы от ограничений и тесноты человеческого существования («Я родился и вырос в балтийских болотах» [4]). Море как пространственная категория в поэзии Бродского предстаёт как величественная, поглощающая сущность, самостоятельная форма жизни. Море необъятно, это выход, освобождение от проблем и забот («Письма римскому другу» [1]). Правда, это освобождение не всегда радостное, поскольку сопряжено с беспокойством – море всегда больше человека («С видом на море» [3]). Важно отметить, что пространство в данном случае не столько физическое, сколько философское, духовное. Море гораздо значительнее человека, оно не подвластно ему. Оно манит его, но не приносит искомого облегчения, лишь только осознание своего ничтожества перед непоколебимым, вечным. Поэт советует

*«Сядь в поезд, высадись у моря.
Оно обширнее. Оно
и глубже. Это превосходство –
не слишком радостное. Но» [4].*

С точки зрения знака море становится метафорой плана содержания, принятого как означаемое или символизируемое. Но с другой стороны море само может оказаться в роли символа: «море слез» [1, с. 142] – символ страдания; «подковы волн» [1, с. 264] – символ непрерывности и неизбежности (судьба); «море все морщинистей» [1, с. 151] – антропометафора как символ временности; «плеск вины» [1, с. 17] – символ жизни.

Море в стихотворениях Бродского часто используется для передачи идеи о временных аспектах жизни и человеческого существования. Море становится символом непрерывного потока времени, его неустанного движения и неуловимости. Однако есть и проявления данной категории, привязанные ко времени года.

*«Море поутру
лежит щекой на волнорезе» [3] – антропометафра.*

Море само по себе является частью времени благодаря своей величественности и вечности.

В поэзии Бродского море также выступает в качестве символа пути и путешествия. Оно олицетворяет идею плавания и пересечения границ. Отчетливее всего это проявляется в стихотворении «С видом на море» [3].

Однако не только слово выполняет роль символа. Известно, что цвет несет свою особенную дополнительную смысловую нагрузку. В поэтическом тексте это особенно важно. Каждая лексема цвета становится символом, подразумевающим нечто большее и многое говорящим о личности автора. Весьма своеобразна в поэзии И. Бродского символика цвета. На материале поэтического сборника И. Бродского «Письма римскому другу» [1] был проведен количественный анализ символики цвета И. Бродского, который показал следующие результаты (замер делался по количеству употреблений той или иной лексической единицы, обозначающей цвет).

Черный – 42; белый (бледный) – 15; красный – 9; синий – 8; темно-синий (ультрамарин) – 5; голубой – 5; желтый – 7, золотой (золотистый) – 7; серый – 7; коричневый – 6; зеленый – 3; бесцветный – 3; оранжевый – 1; розоватый – 1; красноватый – 1; сизый – 1; серебристый – 1; радужный – 1.

Судя по частотности словоформ, обозначающих цвет, мир И. Бродского сопоставим с черно-белым кино. В нем мало красок и цветовой игры. Он сдержан и задумчив, порой печален (желтый), выразителен и глубок. Изредка печаль начинает светиться и тогда она становится золотой или золотистой. Но это уже не печаль, а нечто ей противоположное.

Выразительность цвета у И. Бродского построена не на богатстве красок и колоритности форм, а на контрасте черного и белого. Печаль тоже по-своему выразительна. Она тоже сдержанна и вклинивается в общую ткань редким вкраплением черного и желтого – «на желтой лестнице печальной» [1, с. 39] или белого и желтого – «желтые болота» [1, с. 86].

Черное и белое – основные рабочие цвета И. Бродского, план содержания которых отличается высокой неопределенностью и уходит в бесконечность.

Черный. У этого цвета самый широкий план выражения и самая высокая частотность: *черные ветви, черные сосны, черные леса, черные кусты, черная вода, черный пруд*. Для поэта все эти выражения – прежде всего прямые, лишённые опосредованных переносов. Очевидно, автор смотрит на мир ночью, из ночного окна, засиживаясь перед ним допоздна. Отсюда и краска, подсказанная ближайшей реальностью.

Однако за ней открывается нечто иное – иная реальность, как живое и бесконечное, чему поэт не дает точного имени, но изображает в виде метафоры (аллегории) *черного* (иногда *вороного*) *коня* [1, с. 56-57]. В тексте стихотворения «В тот вечер возле нашего огня» дается ряд сравнений коня с *тьмой, мглой, тенью, чернотой, деревьями* (если на них смотреть из ночного окна) и что вызывает у самого автора страх. Возникает аллюзия на есенинского «Черного человека». Вместе с тем ощущается попытка поэта найти пределы антропосу, что естественно, нарушается. Поэт выходит за пределы человеческого. Об этом говорят оксюмороны «черный воздух» и «черный свет». Воздух не может быть черным, он бесцветен, то есть *никакой*. Для И. Бродского это невозможно – сущее не может быть *никаким*. Бесцветной для Бродского является смерть – «бесцветное пальто» («На смерть друга» [1, с. 189] или *ничто* (по Бродскому «нигде» [1, с. 194]).

Свет также не может быть черным, поскольку понятие черный в значении цвет с точки зрения физики означает *отсутствие света*; это черная дыра, вызывающая аллюзию на «Черный квадрат» К. Малевича – бездна, предупреждающая человека об опасности долго смотреть в нее. Иными словами, перед нами метафизическая картина мира, которую поэт рисует, прибегая к весьма сдержанным тонам.

Подобным образом видится также выражение «черная тьма» в стихотворении «Сретенье» [1, с. 165]. Оно сквозит избыточностью. Тьма не может быть никакой иной, кроме как черной. Подобное выражение, стоящее на границе абсурда, можно так и трактовать, как чернота черноты, тьма тьмы или абсурд абсурда. И тогда его надо понимать как метафизическое. Вместе с тем необходимо признать, что подобное утверждение, построенное на двойном отрицании, является отправной точкой для утверждения смысла [2, с. 417]. Смысл появляется там, где видится абсурд; свет, там, где отрицается тьма.

Белый. Этот цвет является контрагентом черного. В качестве означаемого для черного и белого можно отметить область нечеткого знания, что коренится в глубинах подсознания. Возвращаясь к физическому толкованию цвета, как знака, если черный цвет предполагает отсутствие цвета как такового, то есть значение, равное «0» (неразвернутое событие), то белый цвет означает совокупность всех цветов и тоже, как ни странно, равен «0» (свернутое событие) – то, что надо понимать в значении *свет*. Но свет бел или бесцветен. Поэтому то, и другое, и третье у Бродского могут означать что-то конечное, какой-то предел в *бесконечном* [1, с. 193], за которым открывается что-то новое.

В целом по Бродскому белое можно представить в виде ряда сем:

- *начало, Рождество*: «белый пар» [1, с. 75]; *Новый год*: «белое царство» [1, с. 76-78];
- *творчество*: «белоснежный лист бумаги» [1, с. 209];
- *психушка, тюрьма*: «белизна потолка» [1, с. 79];
- *изгнание*: «белизна» [1, с. 83].

Изгнание предполагает *начало* – начало новой жизни, жизни с чистого белого листа. Для поэта это означало еще и *творчество* – все вбирал в себя белый цвет.

Красный цвет – не столь выразителен, как языковое средство. Чаще всего он используется для того, чтобы подчеркнуть *детали изысканного интерьера* [1, с. 268, 270], *холод* [1, с. 39], *тесноту* [1, с. 86] или *усталость* [1, с. 94]. Однако есть у него и особое значение, которое можно обозначить через сему *благодарность* и к которому И. Бродский прибегает для того, чтобы выразить свое глубокое почтение в стихотворении-посвящении «А.А. Ахматовой» [1, с. 58].

Синий и темно-синий цвет (ультрамарин) – это цвет неба, утра или моря, даже если оно городское [1, с. 39, 237]. Поэт часто обозначает символом ‘ультрамарин’ небо, связывая его со словом «зенит» [1, с. 229]. Очевидно для него это символ Вечности. *Глубина* и *бесконечность* – основные ее показатели, символом которых становится тональность цвета, его насыщенность и оттенок. По мере уменьшения темного и увеличения светлого оттенка у предмета как будто появляется некоторая свобода, как желание выделиться, а у поэта желание его выделить. Так, у дома оказывается темно-синий фасад («Стансы» [1, с. 66]), совершенно необычный среди серых зданий Васильевского острова, а у А. Ахматовой синее платье – обычное для нее и приметное нас.

Голубой цвет уже более приземлен: «голубое исподнее» [1, с. 269], «голубой глаз» [1, с. 241] – экран телевизора.

Серый – «цвет времени и бревен» [1, с. 252] – то, что получается, если размывать границу между черным и белым. Это серость: будней, праздников и самой жизни, как результат привычки к бессмысленному

и пустому. Она приходит естественным путем, то есть путем ничегонеделанья. Поэтому у него такой унылый вид. Это символ неопределенности, безрадостной жизни, ее неизменности или, как бы мы сегодня сказали, стабильности.

Золотой (золотистый) – цвет, который поэт использует нечасто. *Символизируемое* – область, обозначающая содержательный план символа *золотой* у И. Бродского связана в значительной мере с религиозным чувством. По нашему мнению, оно питает такие выражения, как «золотое окно» [1, с. 54], *золотой нимб* [1, с. 154], *золотой ореол* [1, с. 285].

Первое – сема *творчество* – взято из одного из самых загадочных стихотворений И. Бродского «Под вечер он видит, застывши в дверях». Два других – сема *Рождество* – посвящены Богородице и Младенцу. *Золотой нимб* и *золотой ореол* – символы непреходящей святости и блага, присущие Святому Семейству. В то же время они становятся символами веры, исповедуемой поэтом. Примечательно, что И. Бродский посвятил теме Рождества более двух десятков своих стихотворений, большая часть которых была написана им в советское время, когда про Рождество Христово большинство населения СССР не вспоминали или даже не слышали. Позже они были изданы отдельным сборником «Рождественские стихи» (С.-Петербург 2016). Также важно заметить, как факт уникальный, что едва ли не самый большой поэтический вклад в тему Рождества в России был сделан человеком нецерковным. Сегодня эта тема сохраняет свою актуальность в пространстве русского языка.

В поэтических текстах настоящего сборника встречаются и другие цветообозначения: *коричневый, зеленый, оранжевый, серебристый, лиловый, пунцовый, алый*. На наш взгляд они играют менее заметную роль, хотя, возможно, и малоизученную.

Таким образом в основе авторской концептологии И. Бродского находится символ, в качестве которого может выступать не только слово, но и цвет. Важными характеристиками символа у И. Бродского становятся глубина и бесконечность. Именно этими свойствами обладают черное, белое, синее – основные цвета в символотворческой палитре поэта, а также золотое, несмотря на свою небольшую частотность.

Литература

1. Бродский И. Письма римскому другу: избранные стихотворения. СПб: «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2018. 320 с.
2. Померанц Г.С. Выход из транса. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 592 с.
3. С видом на море – Бродский // Культура.рф URL: <https://www.culture.ru/poems/30519/s-vidom-na-more> (дата обращения: 17.04.2023)
4. Я родился и вырос в балтийских болотах – Бродский // Культура.рф URL: <https://www.culture.ru/poems/31018/ya-rodilsya-i-vyros-v-baltiiskikh-bolotakh> (дата обращения: 17.04.2023)

References

1. Brodskij I. Pis'ma rimskomu drugu: izbrannye stihotvorenija. SPb: «Lenizdat», «Knizhnaja laboratorija», 2018. 320 s.
2. Pomeranc G.S. Vyhod iz transa. M.-SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. 592 s.
3. S vidom na more – Brodskij. Kul'tura.rf URL: <https://www.culture.ru/poems/30519/s-vidom-na-more> (data obrashhenija: 17.04.2023)
4. Ja rodilsja i vyros v baltijskih bolotah – Brodskij. Kul'tura.rf URL: <https://www.culture.ru/poems/31018/ya-rodilsya-i-vyros-v-baltiiskikh-bolotakh> (data obrashhenija: 17.04.2023)

*Kryachko V.B., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Zadorozhnyaya V.V.,
Volzhsky Polytechnic Institute (branch) Volgograd State Technical University*

Symbolic creativity and colour symbolism in the poetic texts of J. Brodsky

Abstract: the article is based on the analysis of the author's conceptology of Joseph Brodsky, which is a complex system of interrelated thought formations characterised by a high degree of uncertainty. The poet forms the space of his language, the main characteristics of which are depth and infinity. Often the image becomes the only form of a poetic concept, by which one can form some idea about it, for example, Motherland, exile, freedom, creativity. The whole poetry of I. Brodsky is deeply symbolic. Not only words, but also colour is a symbol. The aim of the work is to identify the area of symbolised by this or that colour – the main content base with the help of which the poet draws his world. The tasks to be addressed are as follows: 1) Identifying in a limited context all the colours used and conducting a quantitative analysis by solid sampling method. 2) To construct a scale of significance of colour series by conceptual analysis method. Research methods: conceptual analysis, quantitative analysis, component analysis. The findings showed that the main cultural sign in I. Brodsky's work is the iconic symbol, i. e. a sign possessing imagery – the natural ability of a sign with a potentially infinite number of meanings to be actualised in an image or metaphor. The colours black, white and blue have the greatest potential or meaningful depth in terms of frequency. However, for signs with a high degree of uncertainty, frequency may not be an indicator of their relevance.

Keywords: semiotics, conceptology, symbol, colour symbolism, sema, image, metaphor

For citation: Kryachko V.B., Zadorozhnyaya V.V. Symbolic creativity and colour symbolism in the poetic texts of J. Brodsky. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 23 – 28.

Received: May 15, 2023; Revised: July 18, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Сафаралиева Л.А., кандидат филологических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов*

Литература как средство коммуникации народов мира

Аннотация: художественная литература является средоточием таких глубинных процессов человеческого бытия, как традиции, верования, духовные ценности, нравственность и мораль, которые могут различаться в зависимости от той страны, где родился и вырос писатель, и того государства, куда попала его книга. Таким образом, чтение иностранной литературы представляет из себя диалог культур – дистантную модель межкультурной коммуникации автора произведения и его читателя, в которой возникает тесная взаимосвязь не только адресанта и адресата, но и целых наций, и даже эпох.

«Мировая литература», вошедшая в культурный дискурс всех развитых стран мира, стала предшественницей глобализационных коллизий. Данный феномен, с одной стороны, обусловил межкультурную интеграцию, с другой – позволил читателям зарубежных произведений обогатить свой духовный опыт, открыть для себя богатства иных традиций, нравов и обычаев, проникнуться мировоззренческой позицией, сформированной в контексте другой ментальности, что становится мощным потенциалом для становления творческого, эстетического и критического начал реципиента.

Современная зарубежная культура сквозь призму международного общения имеет широкий спектр разнообразных функций: от внутриличностного развития до утилитарной функции, сосредоточенной преимущественно на идеологической борьбе.

Ключевые слова: мировая литература, коммуникация, межкультурное общение, диалог культур, художественное произведение, цитата

Для цитирования: Сафаралиева Л.А. Литература как средство коммуникации народов мира // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 29 – 35.

Поступила в редакцию: 15 мая 2023 г.; Принята в доработанном 18 июля виде: 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Введение

Глобализационные процессы, затронувшие в настоящее время весь мир, во многом были обусловлены тенденцией читать зарубежную литературу, которая возникла несколько веков назад. На первых этапах чтение художественных произведений на другом языке было проблематично вследствие того, что иностранной речью овладевали только богатые люди, преимущественно торговцы, а также церковные и политические деятели – это детерминировало изучение соответствующего пласта лексики, что затрудняло и умаляло целесообразность чтения других книг. Однако усиление переводческой деятельности и развитие коммуникаций между писателями и читателями в эпоху подъема буржуазной культуры обусловило распро-

странение «мировой литературы» [2, с. 11], которая в итоге стала институциональной. Как следствие, трансформация читательских практик повлекла за собой феномен межкультурного общения.

Материалы и методы исследования. В данной статье использовались такие методы, как теоретическое исследование научной литературы по обозначенной проблематике и смежным наукам, в том числе, анализ, синтез, конкретизация и обобщение.

Результаты и обсуждения

Литература и культура сегодня – взаимообусловленные феномены, так как каждое художественное произведение проходит сквозь призму той культурной среды автора, где он родился и воспитывался, а культура развивается в контексте литературы. Между тем, чтение зарубежных источников меняет мировоззрение реципиента: он обогащается духовно, проходит определенные психоэмоциональные перипетии, узнает об иных народах, их менталитете и традициях, что приобретает характер дистантного диалога культур.

Исходя из концепции С. Тинг-Туми, общение между культурами – это процесс символического обмена, посредством которого индивиды из двух (или более) разных культурных сообществ обсуждают общие значения в интерактивной ситуации. Культуру в литературном обрамлении, исходя из мнения ученой, можно представить в виде айсберга: более глубокие слои (например, традиции, верования, ценности) скрыты от взгляда людей; они слышат и видят только самые верхние слои культурных артефактов (например, моду, тенденции, поп-музыку), а также вербальных и невербальных символов. Однако, чтобы понять культуру сколь-нибудь глубоко, необходимо точно сопоставить лежащие в ее основе ценности с соответствующими нормами, значениями и символами. Это основополагающий набор убеждений и ценностей, который управляет мышлением, реакцией и поведением людей [10, р. 10; 9, р. 4-5]. Все перечисленные феномены являются средоточием художественных произведений, чтение которых становится мостом для обмена культурными парадигмами, их взаимопроникновения и ознакомления, а также перенятия лучших традиций. Акцент на культуре как составной части текста и, следовательно, перевода, в значительной степени сформировался из понимания перевода как акта межкультурной или кросс-культурной коммуникации, а не просто как межъязыкового общения.

Согласно мнению М.М. Бахтина, художественная литература представляет из себя коммуникативный (коммуникационный) канал между «отстраненными друг от друга (как во времени, так и в пространстве) читателем и писателем» [1, с. 471], в то время как чтение зарубежной литературы можно сопоставить с процессом межкультурного общения.

Возвращаясь к иноязычному образованию, которое стало предшественником всех межкультурных коммуникаций, важно подчеркнуть, что в России положительные изменения в иноязычном образовании начались с появлением Петра I (1672-1725 гг.), который «преобразовал социальную, общественную, политическую и экономическую жизнь России» [8, с. 308] – именно при Петре Великом в стране стала активно процветать переводная литература. В Европе «буржуазная культура с присущей ей тягой к интеллектуальной коммуникации, независимости, крайнему индивидуализму и расширению кругозора за счет печатного слова» [3, с. 40; 2, с. 11], реализуемая сквозь призму распространения «мировой литературы», берет свое нача-

ло с учений Гете (1749-1832 гг.), внимание которого стало приковано к литературам других стран в результате практики культурного обмена [2, с. 10-11].

Дефиниция «мировая литература» превалировала в культурном дискурсе с эпохи Гете и вплоть до второй половины XX в., объединяя под своей эгидой художников слова большинства стран Европы, а также Советского Союза и Америки. Позже в результате европоцентричного культурного нарратива, ее значение учеными стало ставиться под сомнение. Однако в XXI в. полемика вокруг «мировой литературы» вновь разгорелась, что было усиленно глобализационными процессами [2, с. 7-8]. При этом возник закономерный вопрос: «мировая литература» обусловила межкультурную интеграцию, или слияние культур детерминировало возникновение феномена «мировой литературы». Тем не менее, все вышеперечисленные процессы были спровоцированы переводоведческой деятельностью.

Таким образом, как показывает опыт истории, литература как средство межкультурной коммуникации, стала широко доступна для людей благодаря переводчикам. В качестве яркого примера следует упомянуть современное творчество Мо Яня (род. 1955 г.). А именно, согласно исследованиям Н. Кумар (2020), восприятие литературных произведений в разных культурах может быть взаимоскоррелятивно с международными премиями. Творчество китайского писателя известно на весь мир – переводы его произведений выполнены более чем на пятьдесят языков, в результате чего он удостоен множества международных премий. Как следствие, в 2012 г. Мо Ян стал первым китайским писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе. Между тем, некоторые литературные критики и литературоведы утверждают, что данная премия принадлежит его переводчику Говарду Голдблатту, который сделал произведения Мо Яня доступными для англоязычных читателей за пределами Китая [9, р. 1-2]. Таким образом, перевод становится важным компонентом интеграции художественных текстов в другие культуры и, как следствие, создания среды для межкультурной коммуникации [9, р. 7].

Таким образом, научные диспуты вокруг тех или иных литературных произведений (результатом которых является также Нобелевская премия) способствовали возникновению еще одного такого источника коммуникации народов мира, как литературная критика. Как подчеркивает А.А. Козлова (2015), «Взаимная оценка народов в художественной (а также и нехудожественной) литературе стала одним из объектов изучения литературоведческой компаративистики» [5, с. 115]. Изучение, оценка, сравнение и интерпретация иностранной литературы сопоставимы с процессом межкультурной коммуникации, так как и автор, и критик являются представителями разных культур. При этом процесс понимания и трактования текста обуславливают возникновение культурно-детерминированных когнитивных процессов и формирование стереотипных представлений, созданных на базе художественных образов.

Между тем, одним из основных источников средств международной коммуникации являются цитаты: именно они в себе несут элементы культурной памяти, народного опыта и «ималогического словаря» для страны-реципиента. Помимо цитатного материала, различные фразеологизмы положили начало созданию утопической идеи космополитического содружества наций, с одной стороны, и теории «непереводимости текста», с другой стороны. А именно, непосредственно данные языковые единицы как правило являются идеалом средоточия народной и писательской мудрости, что очень импонирует читательской аудитории, и,

в то же время, они подвержены коллизиям уникального мировоззрения, посредством которого цитаты переосмысливаются, в результате чего им приписывается новое значение – «иное в системе контекстуального взаимодействия» [6, с. 48] и инокультурного сообщества.

Пройдя сквозь призму интертекстуальности / прецедентности и вертикального контекста, заимствованные фрагменты текстов именитых писателей стали приобретать свои закономерности цитирования в разных типах дискурса и разные культурные вариации интерпретации данных фразеологизмов. При этом с течением времени цитатный материал стал настолько ценным и искусным средством ведения диалог (или даже диспута), что был возведен до уровня общения политиков, став мощным инструментом манипулятивного языкового воздействия, что предопределило их активное использование в средствах массовой информации (СМИ), рекламе, в речи медийных личностей и т.д. [7, с. 47].

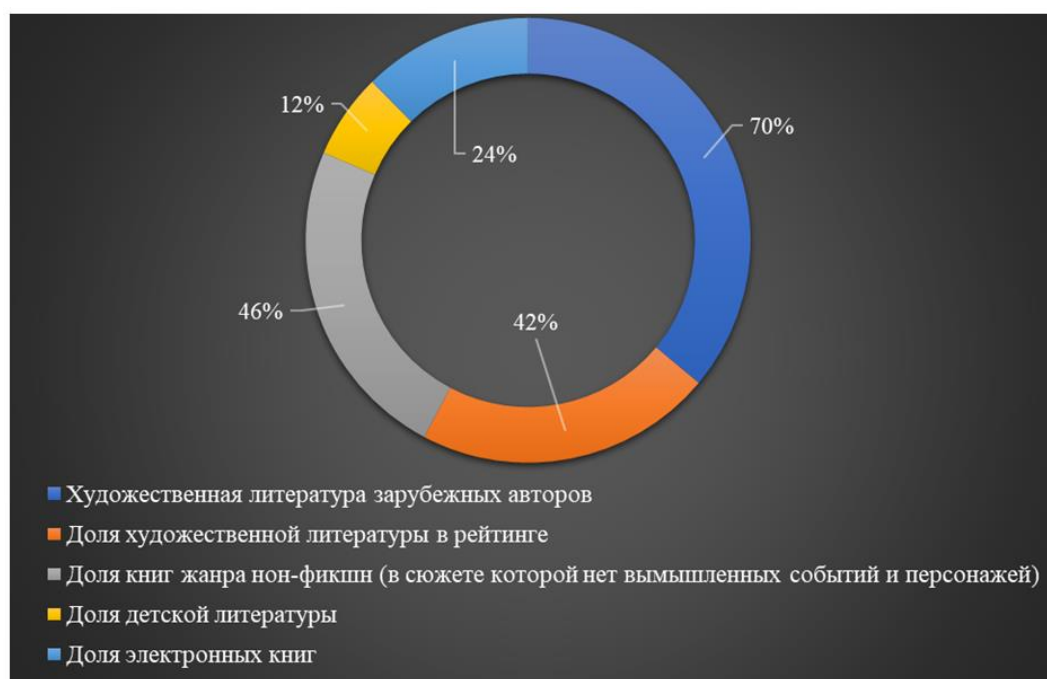

Рис. 1. Топ второго Всероссийского книжного рейтинга 2021 г.

Согласно вышепредставленному рис. 1, например, в России в 2021 г. была наиболее популярна зарубежная литература – она составила 70% от общего списка приобретаемой литературы на букинистическом рынке (в т.ч. электронном) [4].

Между тем, существует предположение, что писательская творческая коммуникация, вероятно, направлена не только в прошлое или будущее (описание минувших событий или обращение к читателю будущего), но и выполняет определенные функции внешней политики, т.е. выступает в роли посредника культурной дипломатии, а также является идеологическим инструментом воздействия на читательскую аудиторию.

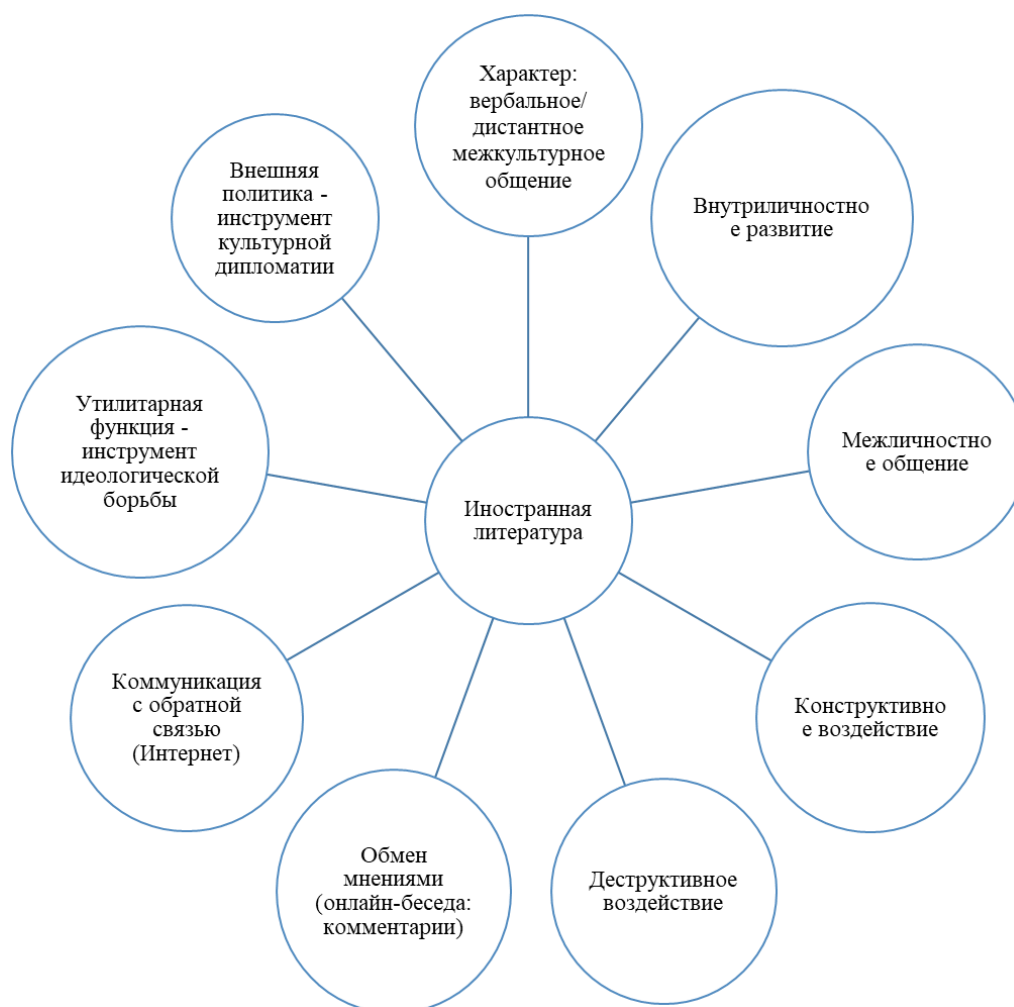

Рис. 2. Функции литературы как средства межкультурной коммуникации

Выводы

Мировая литература стала средоточием межкультурной коммуникации, реализуемая посредством общения авторов произведений, а также переводческой, журналистской и критической деятельности. В том числе, чтение иностранной литературы способствует общению в рамках «писатель-читатель» – отстраненных друг от друга как во времени, так и в пространстве субъектов.

Литература

1. Бобкова Т.А. Художественное произведение в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Башкирск. ун-та. 2009. № 2. С. 471 – 475.
2. Богомолова А.В. «Мировая литература» и коммуникация: литературные связи, читательские практики // Имагология и компаративистика. 2021. № 16. С. 7 – 28.
3. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Изд. группа «Гранд-Фаир», Всероссийская б-ка иностранной лит. им. М.И. Рудомино; авт. ст.: Й. Свенбро и др.: пер. с фр. М.А. Руновой, Н.Н. Зубкова, Т.А. Недашковой. Москва: Фаир, 2008. 542 с.

4. Книги зарубежных авторов составляют 70% в топе-50 второго Всероссийского книжного рейтинга. ТАСС. Статья от 17.06.2021. URL: <https://tass.ru/kultura/11674125> (дата обращения: 14.04.2023)
5. Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 114 – 118. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-3-114-118>
6. Николаева И.С. Эмоционально-смысловые приращения непереводаемых выражений в художественной прозе // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2008. №3. С. 48-50.
7. Полубиченко Л.В. К вопросу о цитатной речи во взаимном межкультурном общении американских и советских/постсоветских политиков // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 47 – 61.
8. Ростовцева П.П. Иноязычное обучение: с древних времен до наших дней // Вестник ГУУ. 2012. № 13-1. С. 307 – 311.
9. Kumar N. Literature as a Medium of Intercultural Communication: A Case Study of Mo Yan's Literature Nobel. 2020. 20 p. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2625>
10. Ting-Toomey, S. Communicating across cultures. New York; London: The Guilford Press, 1999. P. 9 – 10.

References

1. Bobkova T.A. Hudozhestvennoe proizvedenie v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii. Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2009. № 2. S. 471 – 475.
2. Bogomolova A.V. «Mirovaja literatura» i kommunikacija: literaturnye svjazi, chitatel'skie praktiki. Imagologija i komparativistika. 2021. № 16. S. 7 – 28.
3. Istorija chtenija v zapadnom mire ot Antichnosti do nashih dnejj. Izd. gruppa «Grand-Fair», Vserossijskaja b-ka inostranojj lit. im. M.I. Rudomino; avt. st.: J. Svenbro i dr.: per. s fr. M.A. Runovoj, N.N. Zubkova, T.A. Nedashkovskoj. Moskva: Fair, 2008. 542 s.
4. Knigi zarubezhnyh avtorov sostavljajut 70% v tope-50 vtorogo Vserossijskogo knizhnogo rejtinga. TASS. Stat'ja ot 17.06.2021. URL: <https://tass.ru/kultura/11674125> (data obrashhenija: 14.04.2023)
5. Kozlova A.A. Imagologičeskij metod v issledovanijah literatury i kul'tury. Observatorija kul'tury. 2015. № 3. S. 114 – 118. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-3-114-118>
6. Nikolaeva I.S. Jemocional'no-smyslovyje prirashhenija neperevodnyh vyrazhenij v hudozhestvennoj proze. Izvestija DGPU. Obshhestvennyje i gumanitarnyje nauki. 2008. №3. S. 48-50.
7. Polubichenko L.V. K voprosu o citatnoj rechi vo vzaimnom mezhkul'turnom obshhenii amerikanskih i sovetskih/postsovetskih politikov. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19, Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2016. № 3. S. 47 – 61.
8. Rostovceva P.P. Inojazychnoe obuchenie: s drevnih vremen do nashih dnejj. Vestnik GUU. 2012. № 13-1. S. 307 – 311.
9. Kumar N. Literature as a Medium of Intercultural Communication: A Case Study of Mo Yan's Literature Nobel. 2020. 20 r. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2625>
10. Ting-Toomey, S. Communicating across cultures. New York; London: The Guilford Press, 1999. P. 9 – 10.

*Safaraliev L.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Peoples' Friendship University of Russia*

Literature as a means of communication of the peoples of the world

Abstract: fiction is the focus of such deep processes of human existence as traditions, beliefs, spiritual values, morality and morality, which may vary depending on the country where the writer was born and grew up, and the state where his book got to. Thus, reading foreign literature is a dialogue of cultures – a distant model of intercultural communication between the author of a work and its reader, in which there is a close relationship not only between the addressee and the addressee, but also entire nations, and even epochs.

"World literature", which entered the cultural discourse of all developed countries of the world, became the precursor of globalization collisions. This phenomenon, on the one hand, led to intercultural integration, on the other – allowed readers of foreign works to enrich their spiritual experience, discover the riches of other traditions, mores and customs, imbue themselves with a worldview position formed in the context of another mentality, which becomes a powerful potential for the formation of creative, aesthetic and critical principles of the recipient.

Modern foreign culture through the prism of international communication has a wide range of diverse functions: from intrapersonal development to a utilitarian function focused mainly on ideological struggle.

Keywords: world literature, communication, intercultural communication, dialogue of cultures, artwork, quotation

For citation: Safaraliev L.A. Literature as a means of communication of the peoples of the world. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 29 – 35.

Received: May 15, 2023; Revised: July 18, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Абдуллаева Э.К., доктор философских наук в филологии, старший преподаватель,
Гянджинский государственный университет, Азербайджан*

Жемчужины мировой литературы

Аннотация: чтение о любой культуре, чуждой собственной, имеет тенденцию вызывать у читателя своего рода культурный шок. На уроках мировой литературы учащиеся часто сталкиваются с текстами, которые им совершенно незнакомы, и у них возникает типичный культурный шок. Нам не нравятся вещи, которых мы не понимаем, отчасти потому, что нам не нравится чувство незнания. что-нибудь. У меня были ученики, которые жаловались, что им не «нравилась» история до того, как мы обсудили ее в классе, а затем после обсуждения в классе те же самые ученики решали, что теперь она им нравится. Опять же, понимание и симпатия идут рука об руку. Дайте литературе шанс; что-то, что поначалу может показаться бессмысленным, может оказаться одной из ваших любимых историй после того, как вы найдете способ подойти к этому.

Ключевые слова: мировая литература, избранные произведения, жемчужины литературы, публикации, гениальные писатели

Для цитирования: Абдуллаева Э.К. Жемчужины мировой литературы // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 36 – 42.

Поступила в редакцию: 27 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 25 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

В европейском контексте эпоху Возрождения традиционно относят к моменту прибытия Христофора Колумба в Северную Америку в 1492 году н.э. Конечно, поскольку Колумб думал, что достиг Ост-Индии. Только в 1513 году нашей эры, когда конкистадор Бальбоа пересек Панамский перешеек и увидел Тихий океан, европейцы начали полностью осознавать чудовищность того, что было обнаружено: два континента, о которых они ничего не знали. В каком-то смысле европейская перспектива мира только что перевернулась с ног на голову. Все, что было «известно» раньше, потенциально могло быть подвергнуто сомнению, что привело к различным реакциям в литературе: отбросить правила, порассуждать о том, как общество может – или должно – измениться, или попытаться объяснить Новый Свет в контексте Старый мир.

Распространение книг и письменности по всему миру привело к записи устных рассказов. Поскольку рассказы находились в обращении в течение длительного времени, прежде чем они были записаны, в этих произведениях очень мало от Ренессанса по европейскому определению. Однако сам процесс их записи иногда представлял собой перевернутый мир, поскольку средства записи историй пришли из других культур. В Гватемале Пополь Вух сохранился как письменный документ, потому что христианские миссионеры учили майя переводить Библию; вместо этого один писец использовал новую систему письма, чтобы со-

хранить историю происхождения майя. В Африке эпос о Сундиате/Соньяре, возможно, был впервые записан в эпоху Возрождения, но в устной форме он существует и по сей день. В Азии период Возрождения не особенно хорошо соответствует датам возникновения различных литературных течений, которые продолжали концентрироваться на поэзии и возникающих жанрах прозы и драмы [2, p. 100].

Ренессанс в Европе относится к периоду между Средневековьем и Новым периодом. Хотя разные части Европы переживали Ренессанс в разное время по-своему, можно сказать, что он примерно варьируется от четырнадцатого века до семнадцатого века. Вместо того, чтобы иметь четкое разграничение с предыдущим и более поздним периодами, он сходится с поздней фазой Средневековья (от пятого века до пятнадцатого века) и с значительной частью периода раннего Нового времени (от 1450 г. н.э. до 1750 г.).

Как указывает буквальное значение слова «ренессанс» – «возрождение», европейское Возрождение было периодом возобновления интереса к классическому миру Греции и Рима и интеллектуальному движению, называемому гуманизмом. В гуманизме светские ученые стремились помочь людям освободиться от психических ограничений, основанных на религиозной ортодоксии, поощрять свободное интеллектуальное исследование и расширять возможности человеческого мышления и творчества. Это развитие впервые началось в Италии и повлияло на все части Европы. Другие важные изменения включают упадок феодальной системы, рост торговли и применение таких инноваций, как бумага, книгопечатание, порох и морской компас. Изобретение металлического подвижного шрифта (ок. 1450 г. н.э.) обычно приписывают Иоганну Гутенбергу; с изобретением книгопечатания возросла грамотность и появилась народная литература. Протестантская Реформация под руководством Мартина Лютера представила новую форму христианства, которая фокусируется на внутренних переживаниях человека, а также вызвала Контрреформацию в католических странах. Европа эпохи Возрождения также добилась больших успехов в освоении новых континентов. Христофор Колумб прибыл в Америку в 1492 году, что привело к далеко идущим последствиям в виде создания европейских заморских империй. Например, Испания во времена правления Филиппа II (1556–1598 гг. н.э.) представляла собой могущественную империю, контролировавшую многие территории в Азии, Африке и Америке, хотя со временем обанкротилась и вступила в период упадка.

Выборки в этой главе отражают многие характеристики этого периода. Томас Мор, Макиавелли, Сервантес и Шекспир – все это хорошие примеры интеллектуального движения гуманизма. «Дон Кихот» Сервантеса, обычно считающийся первым западным романом, по использованию юмора и сатиры можно сравнить с «Гаргантюа» и «Пантагрюэлем» Рабле. В Англии «Утопия Мора» представляла мир, полностью управляемый разумом. Кроме того, в Англии особенно процветала драматургия, главным драматургом которой был Шекспир. И записи Колумба, и «Буря» Шекспира раскрывают встречу Европы с Новым Светом и его воображение.

Дон Кихот (Don Quixote)

Мигель де Сервантес (1547-1616 гг. н.э.)

Опубликовано в 1605 г. (Часть 1) и 1615 г. (Часть 2) в Испании.

«Дон Кихот» был написан Мигелем де Сервантесом (испанским писателем, драматургом и поэтом) и опубликован в двух частях. Роман, созданный под влиянием гуманизма эпохи Возрождения, сразу же стал

популярным, хотя его литературная значимость была признана лишь позже. Как говорится в прологе первой части романа, он был задуман как комическая сатира на рыцарско-романтическую литературу того времени. Однако роман представляет собой несколько уровней смысла, помимо атаки на предыдущую литературную традицию. Разнообразный жизненный опыт Сервантеса в качестве солдата, раба, государственного служащего и писателя, возможно, дал ему выгодные позиции, с которых он мог высмеивать различные аспекты своего современного общества. В 1612 году появился английский перевод первой части Томаса Шелтона, и вскоре Сервантес стал известен за пределами Испании, особенно в Англии, Франции и Италии.[3, p. 65-69]

ГАРГАНТУА И ПАНТАГРЮЭЛЬ (Gargantua and Pantagruel)

Франсуа Рабле (ок. 1494 г. – ок. 1553 г.)

Опубликовано в пяти книгах ок. 1532–1564 гг. Франция.

Франсуа Рабле раскрыл весь потенциал эпохи Возрождения, прославляя в своих произведениях идею «человека эпохи Возрождения». Рабле взял народные сказки о великане по имени Гаргантюа, дал ему сына по имени Пантагрюэль и сделал из великанов метафоры: Гаргантюа – символ взглядов Рабле на средневековое образование (комично изображенное как делающее ученика менее образованным), а его сын Пантагрюэль – продукт мышления эпохи Возрождения, изучая все и вся во всех областях обучения. Комедия Рабле полна излишеств, высоких идей, смешанных с фарсом; Термин «раблезианец» теперь означает непристойный юмор и крайнюю карикатуру. Сам Рабле прожил жизнь, полную крайностей; он оставил жизнь монаха (потому что считал ее слишком строгой), стал врачом и использовал свое впечатляющее образование для написания работ, бросающих вызов установленному порядку, особенно тем светским и религиозным властям, которые запрещали изучение греческих текстов и пытались ограничить образовательные возможности. Все пять книг Гаргантюа и Пантагрюэля были запрещены якобы за непристойность, но в равной степени и за вызов статус-кво, который они представляли (пятая книга, вышедшая после его смерти, возможно, была собрана из его записей). Они также пользовались бешеной популярностью, оставив след как у публики, так и у авторов комедий. [7, p. 86-89]

ГАМЛЕТ (HAMLET)

Уильям Шекспир (1564-1616 гг.)

Впервые исполнен 1600-1601 гг. н.э. Англия

Мы относительно мало знаем о жизни Шекспира, и то, что мы знаем, не обязательно добавляет нам понимания его пьес. Однако влияние этих пьес не подлежит сомнению. Шекспиру приписывают введение в английский язык около 1700 слов (путем изобретения, путем превращения существительных в глаголы, путем заимствования слов из других языков и т.д.). Когда мы говорим о порыве ветра, о том, как кто-то вваливается в комнату или натывается на кого-то, мы используем слова Шекспира. Многие фразы, введенные Шекспиром, также широко используются: например, если кто-то простудился после слишком большого количества хороших дел и теперь представляет собой жалкое зрелище, знавшее лучшие дни. Именно использование языка Шекспиром сделало его таким популярным; основной сюжет «Гамлета» основан на исторических событиях, рассказанных Саксоном Грамматиком и написанных предыдущими авторами, но, как

и гомеровская версия истории Троянской войны, шекспировская подача материала превосходит все остальные. Горе Гамлета из-за смерти отца – и последующего брака его матери с его дядей – могло привести к простой трагедии мести елизаветинской эпохи. В руках Шекспира пьеса вместо этого исследует философские, психологические и физические последствия мести. Пьесы Шекспира хорошо известны во всем мире и оказали влияние на бесчисленное количество авторов. «Гамлет» – особенно хороший пример этого явления; «Фауст» Гете (сам по себе шедевр) включает цитаты из «Гамлета» и переписывает отношения Гамлета и Офелии в контексте романтизма, тогда как Федор Достоевский переписывает эти отношения в контексте реализма в своих «Записках из подполья». Пьесы Шекспира были успешно адаптированы во многих странах, что является аргументом в пользу их вечной привлекательности. Например, в фильме японского режиссера Акиры Куросавы «Трон крови» (1957) «Макбет» разворачивается в феодальной Японии, а главный герой – самурай. Из всех пьес «Гамлет» является одновременно самой известной и самой часто адаптируемой как на сцене, так и в кино. [6, p. 55-58]

Дневники Христофора Колумба (The Journals of Christopher Columbus) [1, p. 28]

Христофор Колумб (1451-1506 гг. н. э.)

Написано между 1492-1493 гг. н.э., Италия.

Христофор Колумб был генуэзским итальянским моряком и мореплавателем, который убедил испанского короля Фердинанда и королеву Изабеллу профинансировать экспедицию в 1492 году, чтобы найти более короткий путь в Индию, плывя на запад. В октябре 1492 года Колумб и его команда прибыли на Багамы, полагая, что нашли Азию. Колумб совершил четыре трансатлантических путешествия и писал о своих путешествиях письма, отчеты и дневниковые записи (не частные записи, а записи, которые должны были прочитать другие люди). Некоторые записи журнала были полностью или частично утеряны. Журнал первого путешествия утерян, но частично реконструирован. Хотя Колумба когда-то прославляли как героя, «открывшего» Америку, эта точка зрения была поставлена под сомнение другими записями более ранних путешественников и разрушительными последствиями, которые европейское исследование и колонизация Америки оказали на коренные народы. Дневники и письма Колумба проливают свет на трансатлантические межкультурные встречи в пятнадцатом и шестнадцатом веках.

ПРИНЦ (THE PRINCE)

Никколо Макиавелли (1469-1527 гг. н. э.)

Впервые опубликовано в 1532 году н. э., Италия.

«Принц» написан Никколо Макиавелли, итальянским политическим философом эпохи Возрождения, государственным деятелем, драматургом, писателем и поэтом. Этот буклет, состоящий из двадцати шести глав, представляет собой политический трактат, предлагающий правителям советы о том, как получить и сохранить власть. Предполагается, что версия рукописи распространялась с 1513 года, тогда как впервые официально она была опубликована посмертно в 1532 году. Используя уроки римского историка Ливия, его новаторство заключается в том, что трактат фокусируется на эффективности правления, что существенно контрастирует с традиционными наставлениями для правителей, основанными на христианской морали.

Хотя некоторые даже интерпретировали его как сатиру, прилагательное «Макиавеллист» приобрело уничижительный оттенок из-за очевидного безразличия текста к моральным и этическим проблемам [5, p. 22].

БУРЯ (THE TEMPEST)

Уильям Шекспир (1564-1616 гг.)

Опубликовано в Первом фолио 1623 года н. э., Англия.

«Буря» считается последней пьесой, написанной Шекспиром в одиночку, поскольку в ней используется материал, доступный только в конце 1610 г. н.э., и она была поставлена перед королем Джеймсом в Ночь Хэллоуина 1611 г. н.э. После написания этой пьесы Шекспир вскоре удалился в Стратфорд, но он также участвовал как минимум в двух других пьесах. Ученые относят «Бурю» к поздним пьесам Шекспира, называемым «романсами», современным термином для жанра пьес, сочетающих в себе элементы трагедии и комедии. Он был опубликован в Первом фолио 1623 года, которое является первым опубликованным изданием собрания сочинений Уильяма Шекспира. Действия «Бури» происходят в одном месте в течение одного дня (сохраняя единство времени и места), начиная с бури, поднятой Просперо, бывшим герцогом Миланским, положение которого было узурпировано его братом Антонио и королем. Алонзо Неаполитанский. По пьесе было сделано множество адаптаций, в том числе постколониальная адаптация Эме Сезера 1969 года «Une Tempête» («Буря») [4, p. 53].

УТОПИЯ (UTOPIA)

Томас Мор (1477-1535 гг. н.э.)

1516 г., Англия.

Томас Мор изобрел слово «утопия», слово, которое буквально переводится как «не место» (от греческого «у-топос») или «нигде», хотя по звучанию оно звучит как «хорошее место» (по-гречески «эу-топос»). Как указывает двойное значение, придуманное Мором общество может звучать великолепно, но на самом деле оно не существует. В произведении Мора страна Утопия находится в Новом Свете, а подробности о ней сообщает Хитлодей, моряк, имя которого переводится как «говорящий вздор». Далее следует фактически критика Старого Света, поскольку утопийцы преуспевают во всем, что, по мнению Мора, его общество делает плохо; например, когда Мор хвалит утопистов за сознательное презрение к золоту, он косвенно осуждает свое собственное общество, которое, по его словам, вряд ли поверит, что какое-либо общество не желает золота. Другие авторы последовали его примеру (например, Джонатан Свифт, который играет с идеей утопии в «Путешествиях Гулливера»), и в конечном итоге утопическая литература привела к другому жанру: литература-антиутопия, такая как «Скотный двор» Джорджа Оруэлла и «1984», такие фильмы, как «Бегущий по лезвию», и список романов для молодежи, включая «Голодные игры».

КАННИБАЛОВ (OF CANNIBALS)

Мишель де Монтень (1533-1592)

Опубликовано в 1580 г., Франция.

Мишель де Монтень наиболее известен благодаря литературному жанру, который он во многом изобрел: эссе. Его обширное «Опыты», переведенные первым английским переводчиком Монтеня Чарльзом Коттоном в 1685-1686 годах как «Попытки», представляют собой собрание более коротких письменных

произведений, которые поднимают вопросы и важные проблемы, но часто откладывают окончательные отчеты по темам, которые он рассматривает. «Очерки» характеризуются откровенным, скептическим и (необычным для того времени) личным сознанием, сочетающим в себе серьезный философский дискурс с остроумными биографическими анекдотами в оригинальном и поразительно современном стиле. Его непредвзятый и вопрошающий подход к предмету напрямую повлиял на Декарта и других мыслителей, которые проложили путь современным научным исследованиям. Будучи молодым и выросшим в аристократической семье, Монтень получил образцовое гуманистическое образование, разработанное его отцом, который настоял на том, чтобы его сын выучил латынь как свой родной язык. Позже, будучи выдающимся придворным и адвокатом при дворе Карла IX, Монтень стал свидетелем дорогостоящих и жестоких религиозных конфликтов, натравливавших протестантов на католиков, и презрение к нетерпимости пронизывает его произведения. Эссе «О каннибалах», известное Шекспиру и упомянутое в его поздней пьесе «Буря» (1610-1611), содержит центральную иронию, которую часто можно встретить в произведениях Монтеня. Опираясь на современные описания варварства и дикости народов Нового Света, Монтень противопоставляет колонизированных их европейским колонизаторам, у которых есть свои собственные программы жадности и насилия. В конечном счете, он считает, что война («человеческая болезнь») более распространена и более эгоистична среди европейцев, чем среди якобы нецивилизованных туземцев. В характерной манере Монтень ставит под сомнение общепринятую бинарность, в данном случае цивилизованный/нецивилизованный, и просит своего читателя переосмыслить предмет исследования.

Литература

1. Cabot, John, Columbus, Christopher, and Gaspar Corte-Real. *The Journal of Christopher Columbus and Documents Relating to the Voyages of John Cabot and Gaspar Corte Real*. Trans. Clements R. Markham, C.B., and F.R.S. London: Hakluyt Society, 1893. The Internet Archive. n.d. Web. 30 Jul. 2015. P. 28 – 36.
2. “Cherokee.” *Encyclopædia Britannica*. *Encyclopædia Britannica Online Academic Edition*. Encyclopædia Britannica Inc., 2015. Web. 26 Feb. 2015. P. 98 – 103.
3. “Don Quixote.” *Encyclopædia Britannica*. *Encyclopædia Britannica Online Academic Edition*. Encyclopædia Britannica Inc., 2015. Web. 5 Feb. 2015. P. 65 – 69.
4. Greenblatt, Stephen. “The Tempest.” *The Norton Shakespeare*. Eds. Stephen Greenblatt, et al. New York: Norton, 1997. 3047-53. Print.
5. “The Prince.” *Encyclopaedia Britannica*. *Encyclopaedia Britannica Online Academic Edition*. Encyclopaedia Britannica Inc., 2015. Web. 5 Feb. 2015. P. 22 – 24.
6. Shakespeare, William. “Hamlet, Prince of Denmark.” *William Shakespeare*. Collins Edition. Nov. 1998. Web. 30 Jul. 2015. P. 55 – 58.
7. Le Cadet, Nicolas (2009) Marcel De Grève, *La réception de Rabelais en Europe du XVIe au XVIIIe siècle*, Cahiers de recherches médiévales et humanistes, Comptes rendus (par année de publication des ouvrages), 2009, [En ligne], mis en ligne le 20 avril 2010. Consulté le 22 novembre 2010. P. 86 – 89.

References

1. Cabot, John, Columbus, Christopher, and Gaspar Corte-Real. *The Journal of Christopher Columbus and Documents Relating to the Voyages of John Cabot and Gaspar Corte Real*. Trans. Clements R. Markham, C.B., and F.R.S. London: Hakluyt Society, 1893. The Internet Archive. n.d. Web. 30 Jul. 2015. P. 28 – 36.
2. “Cherokee.” *Encyclopædia Britannica*. *Encyclopædia Britannica Online Academic Edition*. Encyclopædia Britannica Inc., 2015. Web. 26 Feb. 2015. P. 98 – 103.
3. “Don Quixote.” *Encyclopædia Britannica*. *Encyclopædia Britannica Online Academic Edition*. Encyclopædia Britannica Inc., 2015. Web. 5 Feb. 2015. P. 65 – 69.
4. Greenblatt, Stephen. “The Tempest.” *The Norton Shakespeare*. Eds. Stephen Greenblatt, et al. New York: Norton, 1997. 3047-53. Print.
5. “The Prince.” *Encyclopaedia Britannica*. *Encyclopaedia Britannica Online Academic Edition*. Encyclopaedia Britannica Inc., 2015. Web. 5 Feb. 2015. P. 22 – 24.
6. Shakespeare, William. “Hamlet, Prince of Denmark.” *William Shakespeare*. Collins Edition. Nov. 1998. Web. 30 Jul. 2015. P. 55 – 58.
7. Le Cadet, Nicolas (2009) Marcel De Grève, *La réception de Rabelais en Europe du XVIe au XVIIIe siècle*, Cahiers de recherches médiévales et humanistes, Comptes rendus (par année de publication des ouvrages), 2009, [En ligne], mis en ligne le 20 avril 2010. Consulté le 22 novembre 2010. P. 86 – 89.

*Abdullayeva E.K., Doctor of Philosophy in Philology, Senior Lecturer,
Ganja State University, Azerbaijan*

The pearls of world literature

Abstract: reading about any culture that is alien to one’s own tends to cause a kind of cultural shock in the reader. In world literature lessons, students often encounter texts that are completely unfamiliar to them, and they experience a typical cultural shock. We do not like things we cannot understand, partly because we do not like the feeling of not knowing something. I had students complain that they did not “like” the story before we discussed it in class, and then after discussing it in class, those same students decided that they liked it now. Again, understanding and sympathy go hand in hand. Give literature a chance; something that may seem pointless at first may turn out to be one of your favorite stories after you find a way to approach it.

Keywords: world literature, selected works, pearls of literature, publications, brilliant writers

For citation: Abdullayeva E.K. The pearls of world literature. *Philological Bulletin*. 2023. 2 (3). P. 36 – 42.

Received: May 27, 2023; Revised: July 25, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Гасанова С.Х., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический университет*

Актуализация фольклористики сквозь призму воспитания патриотизма

Аннотация: современные глобализационные процессы характерны аккультурацией и стиранием межкультурных границ, умалением духовных ценностей в пользу становления «общества потребления», а также превалированием искаженной идеологии, навязывающей некорректное представление об институте семьи и Родине. Данные тенденции все чаще уступают место актуальности формирования национальной идентичности и патриотического воспитания, реализуемого в контексте народной культуры и ее истоков, в том числе, явно прослеживающихся в фольклорных литературных произведениях.

Проблема воспитания в молодёжи патриотизма обусловлена заботой о будущем страны и её народе, так как именно новое поколение станет в последующем приемником всех социально важных институтов. Первостепенной задачей выступает при этом воспитание патриотических качеств молодых людей – данный феномен взаимокоррелятивен с такими дефинициями, как «семья», «уважение к родителям», «детско-родительские отношения», «конструктивные сиблинговые связи между родными братьями и сестрами», «общинно-родовые понятия», «социально-трудолюбивые нравственные аспекты», «семья как малая церковь» и важность преемственности и углубления знаний и силы, накопленных родом – русские народные произведения способствуют развитию этих качеств в личности и противодействуют такому деструктивному феномену, активно интегрируемому в современное общество, как «манкуртизм» – деформации исторического сознания и потери социальной памяти.

Ключевые слова: патриотизм, фольклор, воспитание, семейные ценности, русские народные сказки, сиблинговые отношения

Для цитирования: Гасанова С.Х. Актуализация фольклористики сквозь призму воспитания патриотизма // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 43 – 49.

Поступила в редакцию: 12 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 10 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Введение

В процессе рассмотрения и анализа концепта дефиниции «патриотизм» как правило делается упор на таких его составляющих, как «уважение к историческому прошлому своей страны», «любовь к Родине», «служба в армии» и «участие в боевых сражениях против врагов народа» и т.д. В то время как умалется значение таких постулатов формирования патриотизма в личности, как «семья», «трудолюбие», «традиции», «гуманизм» и прочих их компонентов, которые только в корреляции способны воспитать в человеке исследуемое системно-комплексное качество. В противном случае у индивида, не имеющего никаких се-

мейных ценностей, уважения к предкам, любви к народу, который с пренебрежением относится к искусству и традициям своей страны, никак не сможет сформироваться адекватная идеология патриотического воспитания – такой человек не способен встать на защиту своего государства и уважать его в принципе.

Фольклорные произведения испокон веков несут в себе информацию о былинных героях, богатырях и народе, которые свято почитают своих предков, родную землю, веру, пожилых людей и друг друга, что определяет культурно-нравственную составляющую личности [2, с. 1]. При этом в поступке каждого положительного персонажа обнаруживается смелость, смекалистость, преданность и стойкость.

Идеология человека формируется исходя из того, какие принципы были заложены в него с детства. Соответственно, фольклорная детская литература является посредником между детским восприятием окружающей действительности и становлением взрослого мировосприятия.

Фольклорные произведения являются для современной молодёжи своеобразным «историографическим» представлением о жизни и принципах экзистенциализма наших предков. Практически в каждом произведении чётко прослеживается линия поведения героя в отношении родителей, родной земли, страны, веры, а также внутрисемейных взаимоотношений супругов и их детей. Если даже нет прямого эксплицитного упоминания о важности духовных ценностей и культурно-нравственной парадигмы жизни каждого человека, имплицитно прослеживаются «народные» интенции касательно антропоцентрических корреляций героев произведений и их окружающей действительности.

Таблица 1

Базовые концепты и ценности патриотизма

Концепт	Ценности	Фольклорные произведения
Гуманизм и социальная солидарность	Система построения общества, где высшей ценностью является жизнь человека. Система общепринятых символов [5, с. 53], в т.ч. выражающаяся в толерантности, согласии, сочувствии, сотрудничестве, помощи.	«Аленький цветочек» – сказка С. Аксакова, записанная им со слов ключницы Пелагеи; «Заюшкина избушка»; «Баба Яга», «Садко», «Верлиока» и т.д.
Культура, традиции, обряды, обычаи	Символические элементы традиций, идей и верований, экспрессивные символы, а также ценностные образцы культуры [5, с. 52].	«Воцарение Ивана Грозного» (Предание – народ избирал царя из простых людей путем использования зажженных свечей)
Гражданственность	Ценность Родины, готовность личности активно содействовать процветанию общества.	«Лиса и журавль» (первую очередь надо думать об окружающих); «Большой дом из одного кирпичика» (сказка о том, что не стоит жадничать, а лучше поделиться с ближним) и т.д.

Продолжение таблицы 1

Институт семьи	(1) Взаимоотношения между супругами; (2) Детско-родительские отношения; (3) Эмоциональный аспект сиблингов (любовь и взаимопомощь братьев и сестер); (4) Близкородственные связи; «уважение и любовь друг к другу, стремление к единству в желаниях и поступках» [4, с. 48].	(1) «Повесть о Петре и Февронии Муромских»; «Царевна лягушка» и т.д. (2) Адыгейская сказка о мудрости старших «О юноше, который не выполнил заветы отца»; башкирская сказка о приемных родителях «Падчерица»; «Маша и медведь», «Снегурочка» и т.д. (3) «Два брата», «Гуси-лебеди», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Шемякин суд», «Чудесная рубашка» и т.д. (4) «Репка»; «Курочка ряба»
Трудолюбие и творчество	Активность, инициативность, добросовестность в трудовой деятельности, в т.ч., увлеченность и удовлетворенность процессом труда [8, с. 5].	«Теремок»; «Зимовье зверей»; «Птица сирин и всадник на белом коне»; «Крошечка – Хаврошечка»; «Сказка о Василисе Прекрасной», «Морозко», «Вольга и Микула Селянинович» (Былина) и т.д.
Наука и знания	Научные открытия и достижения, а также знаниевый потенциал личности (в т.ч. хитрость, смекаливость и изворотливость), способствующий прогрессированию и благополучию Родины.	«Умный работник», «Каша из топора», «По щучьему велению» (сказка об удаче и сообразительности); «Про прекрасную Василису Микулишну», «Водяной» (Былина) и т.д.
Вера	Формирование духовных ценностей, связанных с «русской идеей сердца»: «главное в жизни любовь и что именно этой любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле... предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства...» [7, с. 369] – концепция патриотизма А.А. Ильина.	«Святогони повесть о епископе Василии»; «Сороки-ведьмы» (Предание о том, что настоящий государь должен радеть о сохранении веры православной и бороться с колдовством); «Поп и Николай чудотворец»; «Миколай Угодник и охотники»; «Об отце Николае»; «Сын Давыда – Солóман» «Побывальщина»; «Царь Агапий и дочь его Елизавета» и т.д.

Продолжение таблицы 1

Природа	Трепетное и уважительное отношение к родной земле-кормилице, животным, птицам и рыбам, солнцу и другим небесным светилам.	«О молодильных яблоках и живой воде»; «Арысь – поле»; «Дурак и береза»; «Как звери и птицы достали Солнце»; «Когда расцветает сосна»; «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» и т.д.
Мужество и героизм, «добро побеждает зло»	Способность встать на защиту своей Родины и противостоять врагу.	«Тридцать лет и три года – Повесть об Илье Муромце»; «Волк и семеро козлят» (даже в самой сложной ситуации можно найти выход, если сохранять присутствие духа); «Иван крестьянский сын и Чудо-Юдо», «Алёша Попович и Тугарин Змей»; «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (Былина); «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» и «Добрыня и Алёша (Былины)» и т.д.

Составлено автором

Важно упомянуть, что все вышеупомянутые фольклорные произведения в таблице 1 содержат в себе несколько взаимообусловленных концептов с превалярованием основного идеологического посыла, который указан в одноименном разделе («Концепт»). Рассмотрим несколько определенных ценностей, способствующих воспитанию патриотизма. Итак, среди основных аспектов актуальности фольклорных произведений в воспитании поколений России важно упомянуть следующие:

1. Формирование адекватных представлений об институте брака, смещении фокуса в сторону эгалитарной семьи (например, в «Повести о Петре и Февронии Муромских»), а также восприятия детей как ценности и всех остальных принципов, рассматриваемых фамилистикой [6, с. 117]. Такие произведения способствуют положительным демографическим процессам и трансформациям существующих социальных институтов.

2. Психологические механизмы формирования уважительного отношения детей к родителям, описываемые в фольклоре, также являются важной составляющей патриотического воспитания. Развитие четких представлений о родителях как образцах взрослости прослеживается в таких русских народных сказках, как «Снегурочка», «Маша и медведь» и пр., где в качестве основной задачи детей в семье стояло сохранение уважительного отношения к своим предкам и родителям, что реализуется в таких базовых действиях, как «помощь», «послушание» и «любовь». В народных сказках со взрослыми героями данный принцип очевиден в контексте фразеологизма «Береги землю родимую как мать любимую».

3. Социально-трудовые и нравственные аспекты патриотического воспитания молодежи обнаруживаются в таких сказках, как «Теремок» или «Зимовье зверей». Данные произведения повествуют о том, что настоящая семья должна быть дружной, трудолюбивой, все должны помогать друг другу и проявлять взаи-

моуважение. В том числе, несмотря на то, что в семье все разные (и по возрасту, и по внешности, и по способностям, и по уровню знаний), важно взаимопонимание, при этом необходимо ценить друг друга, дорожить, заботиться, и любить родных, а при неудачах трудолюбием преодолевать все невзгоды.

Таким образом, в русских народных сказках описываются психологические аспекты любви к труду, в том числе, взгляд на данный феномен «как сублимацию, т.е. механизм психологической защиты при неудачах в личной жизни» [8, с. 2]. Например, в сказке про «Конька Горбунка» трудолюбие Ивана противодействовало деструктивному воздействию братьев на его личность.

4. Говоря о ценностном потенциале любви и взаимовыручке братьев и сестер, важно упомянуть сказки «Шемякин суд», «Два брата» и «Чудесная рубашка», а также «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», «Гуси-лебеди» и т.д. – данные произведения способствуют формированию представления о конструктивных сиблинговых отношениях между родными, а именно, таких «психологических факторах, как эмоциональное внимание между братьями и сестрами и тепло, которые влияют на элемент близости между сиблингами» [1, с. 31].

5. Фольклор противоборствует развитию среди российской молодёжи «манкуртизму», под которым подразумевается «отсутствие исторической и генетической памяти к своему прошлому, расшатывающему основы патриотизма» [8, с. 2].

6. Знания и сила, накопленные родом, исходя из русских народных сказок, являются конгломерирующим звеном в противостоянии россиян общим неприятностям. Одними из самых ярких сюжетов, доказывающих данный аспект, являются сказки с глубоким философским смыслом «Иван-царевич и серый волк», а также «Репка». Важно подчеркнуть, что данные произведения формируют в читателях «семейно-родственные, клановые, всевозможные корпоративные, этнические, национальные отношения, т.е. отношения, являющиеся либо непосредственно общинно-родовыми, либо производными из них» [3, с. 5].

7. Семья является одной из главных ценностей в человеческой жизни. Данные принципы обозначены в сказке «Царевна лягушка», где Иван изначально любил свою жену невзирая ни на что, защищал перед своей семьёй (не жаловался на неё, а справлялся с внутрисемейными проблемами самостоятельно). При этом семья изначально видела в молодой жене «лягушку» – незначимую чужую фигуру, появление которой противоестественно (на первый взгляд) в сложившихся годами взаимоотношениях детей и родителей; ни на что не способную и без надлежащего жизненно-бытийного опыта. Тем не менее, когда лягушка достойно прошла все испытания (испечь каравай хлеба; вы ткать ковер; приход царских сыновей на пир с женами), семья наконец-то увидела в ней Царевну – Василису Премудрую.

Таким образом, «Царевна Лягушка» – сказка, несущая в себе глубинный философский смысл о том, что семья – это одна из основных ценностей в человеческой жизни. В произведении делается упор на нравственные ценности и трудолюбие, выступающие в роли фундаментообразующего концепта конструктивных взаимоотношений, первостепенными показателями которых являются духовно-нравственные ориентиры. А именно, «семья является социальным институтом и источником установок, ценностей и ориентаций» [9, с. 273], в том числе, патриотических основ воспитания, ядром которых является идеология о том, что любовь к семье – это малая форма любви к Родине.

Итак, патриотизм тесно взаимосвязан с институтом семьи – об этом свидетельствует в том числе способность российских войск как в древние времена (о чём описано во многих народных сказках и былинах), так и в годы Второй Мировой Войны противостоять врагу. А именно, вследствие того, что в стране придерживались концепции, что семья в русском национальном сознании как Малая Церковь – её надлежит так же защищать и беречь, как и веру в Христа и Родную землю-кормилицу (примером являются Русские сказки и былины о богатырях, защищавших Родину – «Богатырь является воином-патриотом» [10, с. 41]). Данный концепт является неотъемлемой частью и фольклорных произведений, и исследуемого в данной статье системно-комплексного качества.

Выводы

В национальном искусстве и литературе воспеты духовные ценности народа, значимость патриотического воспитания, примеры стойкости и непоколебимости России, формировавшиеся на протяжении многих веков.

Патриотизм как социальное явление целесообразно рассматривать в таких нескольких взаимообусловленных плоскостях, как: «гуманизм и социальная солидарность», «культура, традиции, обряды, обычаи»; «гражданственность», «институт семьи», «трудолюбие и творчество», «наука и знания», «вера», «природа», «мужество и героизм».

Формирование патриотических качеств сквозь призму изучения фольклора способствует снижению девальвации духовных ценностей, которые стираются в эпоху глобализационных процессов путем умаления принципов национальной идентичности и самосознания, а также культурных достижений страны.

Литература

1. Алибегашвили Н.М. Основные подходы в изучении сиблинговых отношений // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 4. С. 31.
2. Бердяева О.С. Фольклор в системе современного школьного и вузовского образования: к вопросу формирования личности // Ученые записки НовГУ. 2020. № 1 (26). С. 1 – 10.
3. Бородин Е.Т. От родовой общины к всечеловеческой общности – земляне // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 12. С. 5 – 27.
4. Глотова Е.А. Семья в русском национальном сознании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (4). С. 47 – 50.
5. Жалкиев В.Т. Современные социально-философские концепции солидарности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4. С. 51 – 56.
6. Костина С.Н., Зайцева Е.В., Банных Г.А. Дети как ценность: современные подходы в фамилистике // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 183 – 188.
7. Лутовинов В.И., Гостев А.А., Шувалов А.В. Духовно-религиозная концепция патриотизма Ивана Александровича Ильина и вызовы современности // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 2 (25). С. 368 – 385.

8. Самраилова Е.К., Вашаломидзе Е.В. Социально-трудовые и нравственные аспекты патриотического воспитания молодежи в современном российском обществе // Вестник евразийской науки. 2015. № 5 (30). С. 1 – 10. DOI: 10.15862/110EVN515
9. Селезнёва Е.А. Анализ понятий семья и семейные ценности // Проблемы современного образования. 2021. № 5. С. 270 – 280. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280
10. Хакимова Л.Ш. Патриотическое воспитание старших дошкольников средствами фольклора // Science Time. 2019. № 12 (72). С. 39 – 41.

References

1. Alibegashvili N.M. Osnovnye podhody v izuchenii siblingovyh otnoshenij. Mir nauki. Peda-gogika i psihologija. 2019. № 4. S. 31.
2. Berdjajeva O.S. Fol'klor v sisteme sovremennogo shkol'nogo i vuzovskogo obrazovanija: k voprosu formirovanija lichnosti. Uchenye zapiski NovGU. 2020. № 1 (26). S. 1 – 10.
3. Borodin E.T. Ot rodovoj obshhiny k vsechelovecheskoj obshhnosti – zemljane. Social'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 12. S. 5 – 27.
4. Glotova E.A. Sem'ja v russkom nacional'nom soznanii. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. 2014. № 3 (4). S. 47 – 50.
5. Zhalkiev V.T. Sovremennye social'no-filosofskie koncepcii solidarnosti. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2010. № 4. S. 51 – 56.
6. Kostina S.N., Zajceva E.V., Bannyh G.A. Deti kak cennost': sovremennye podhody v familistike. Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. 2019. № 3. S. 183 – 188.
7. Lutovinov V.I., Gostev A.A., Shuvalov A.V. Duhovno-religioznaja koncepcija patriotizma Ivana Aleksandrovicha Il'ina i vyzovy sovremennosti. Bereginja. 777. Sova. 2015. № 2 (25). S. 368 – 385.
8. Samrailova E.K., Vashalomidze E.V. Social'no-trudovye i нравstvennye aspekty patrioticheskogo vospitanija molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve. Vestnik evrazijskoj nauki. 2015. № 5 (30). S. 1 – 10. DOI: 10.15862/110EVN515
9. Seleznjova E.A. Analiz ponjatij sem'ja i semejnye cennosti. Problemy sovremennogo obrazovanija. 2021. № 5. S. 270 – 280. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280
10. Hakimova L.Sh. Patrioticheskoe vospitanie starshih doskol'nikov sredstvami fol'klora. Science Time. 2019. № 12 (72). S. 39 – 41.

*Gasanova S.Kh., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State Pedagogical University*

Actualization of folklore studies through the prism of education of patriotism

Abstract: modern globalization processes are characterized by acculturation and the erasure of intercultural boundaries, the diminution of spiritual values in favor of the formation of a "consumer society", as well as the prevalence of a distorted ideology that imposes an incorrect idea of the institution of the family and the Motherland. These trends are increasingly giving way to the relevance of the formation of national identity and patriotic education, implemented in the context of folk culture and its origins, including those clearly visible in folklore literary works.

The problem of fostering patriotism in young people is due to concern for the future of the country and its people, since it is the new generation that will become the successor of all socially important institutions in the future. The primary task is to educate the patriotic qualities of young people – this phenomenon is mutually correlative with such definitions as "family", "respect for parents", "child-parent relations", "constructive sibling relationships between siblings", "community-generic concepts", "socially hardworking moral aspects", "the family as a small church" and the importance of continuity and deepening the knowledge and strength accumulated by the family – Russian folk works contribute to the development of these qualities in a person and counteract such a destructive phenomenon, actively integrated into modern society, as "mankurtism" – deformation of historical consciousness and loss of social memory.

Keywords: patriotism, folklore, upbringing, family values, Russian folk tales, sibling relations

For citation: Gasanova S.Kh. Actualization of folklore studies through the prism of education of patriotism. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 43 – 49.

Received: June 12, 2023; Revised: August 10, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Гагуа Л.А., старший преподаватель,
Койлубаева М.С.,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Дж. Алиева*

Современное состояние этнохудожественной культуры ногайцев

Аннотация: в статье рассматривается современное состояние художественной культуры, как традиционной, так и современной, ногайцев, проживающих в разных регионах Российской Федерации и за её пределами. Отмечается, что художественная культура народа является хранителем его культурного кода – национальных традиций, нравственно-этических, эстетических, мифологических, религиозных и философских воззрений. Обозначаются факторы, определившие специфику художественной культуры ногайцев, к которым можно отнести: дисперсность их проживания, этническая неоднородность, соседство с разноэтническими культурами, географические и климатические особенности регионов их проживания и т.д. Сведения о разных видах и жанрах художественной культуры народа содержатся в разного рода публикациях отечественных и зарубежных исследователей. Однако многие их аспекты остались вне поля зрения искусствоведов, культурологов, этнологов, фольклористов и литературоведов, что актуализирует тематику настоящего исследования. Целью работы является комплексное рассмотрение художественной культуры ногайцев. Задачи исследования: 1) определить наиболее распространенные в народе виды и жанры художественной культуры; 2) рассмотреть особенности каждого вида и жанра художественной культуры; 3) обозначить современное состояние их бытования. Выводами исследования являются следующие: 1) художественная культура ногайцев представлена многочисленными видами ремесел, декоративно-прикладным, изобразительным, музыкальным, поэтическим, хореографическим, театральным искусством и т.д.; 2) объединяющими все виды художественной культуры и искусства ногайцев факторами были: присутствие национального (этнического) и локально-регионального компонентов; отражение преимущественно кочевнического (кочевого и полукочевого) образа жизни народа.

Ключевые слова: ногайцы, традиционная, современная, художественная культура, искусство, виды и жанры

Для цитирования: Гагуа Л.А., Койлубаева М.С. Современное состояние этнохудожественной культуры ногайцев // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 50 – 57.

Поступила в редакцию: 10 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 12 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Этническую основу древних ногайцев составляли тюрко-монгольские племена, обитавшие на обширных евразийских просторах. Современные же ногайцы (самоназвание «ногайлар») проживают дисперсно в разных регионах Российской Федерации и за её пределами. Основная часть ногайского населения живёт на Северном Кавказе (Карачаево-Черкесии, Дагестане, Чечне, Ставропольском крае) и делится на этнические

группы: караногайцы (Дагестан и Чечня); кубанские ногайцы (Карачаево-Черкесия, Кочубеевский район Ставропольского края). Последние, в свою очередь, делятся на подгруппы: ембойлуки; етишкульцы и ети-санцы. Говорят эти субгруппы на разных диалектах ногайского языка, относящихся к канглынской (арало-каспийской) подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Важность данных сведений в контексте нашего исследования обусловлена тем фактом, что национальный язык и его диалекты формируют языковую картину мира народа в разных сферах художественной культуры.

Изучением разных видов и жанров художественной культуры и искусства ногайцев занимались специалисты разных научных направлений: искусствоведы (Б.Б. Карданова [5-10], Ф.Ю. Канокова [2-4]), этнологи (З.З. Зинеева [7; 8]), фольклористы, литераторы (А.И.-М. Сикалиев [11]), педагоги (Б.Х. Калмыков [1]) и др. Однако многие аспекты художественной культуры народа до настоящего времени не изучались.

Этническая неоднородность, дисперсность проживания, соседство с разноэтничными культурами определили специфику художественной культуры народа, представляющую собой совокупность художественных произведений разных жанров и видов, а также формы и способы художественно-творческой деятельности.

Художественная культура ногайцев, как и любого другого народа, является хранителем его культурного кода – национальных традиций, нравственно-этических, эстетических, мифологических, религиозных и философских воззрений.

Художественная культура народа включает разные *жанры*, под которыми в искусствоведении понимается исторически сложившее внутреннее деление видов искусства в отдельные классы или категории по наличию каких-либо признаков. К исторически сложившимся у ногайцев жанровым видам относятся следующие: 1) декоративно-прикладное искусство; 2) изобразительное искусство; 3) повествовательный фольклор; 4) музыкальный фольклор и музыкальное искусство; 5) хореографический фольклор; 6) игровой фольклор; 7) театр; 8) национальная литература и др. Выделим из них наиболее популярные у ногайцев.

Народные танцы, пляски и хороводы с древних времен составляли обязательную часть семейных, общественных, календарных праздников и обрядов ногайцев. По количественному составу ногайские танцы делятся: на групповые (*хоран*), парно-групповые (*тогерек*), парные (*узун, кадав*) и сольные (*куьев сый, кайтага*). У ногайцев были распространены отдельные пляски мужчин и женщин. По функциональному назначению они делились на обрядовые и внеобрядовые. В прошлом танцы сопровождалась игрой на домбре или инструментальным ансамблем.

В современной культуре ногайцев народная хореография бытует в двух видах – аутентичном (в форме естественного бытования) и сценическом (в исполнении самодеятельных и профессиональных коллективов). В настоящее время в каждом ногайском регионе созданы и функционируют многочисленные хореографические коллективы. Особую известность в разных ногайских регионах получил фольклорно-этнографический ансамбль «*Айланай*», в репертуаре которого имеются фольклоризированные танцы и хореографические сцены: «*Ак шалув*», «*Янбикеш*», «*Айлана-Ай*». «*Ак шалув*» и др.

Игровой фольклор. Игровые традиции ногайцев берут свое начало от языческих магических ритуалов и древнетюркской мифологии, а также театрализованных элементов в семейно-бытовых, календарных и зем-

ледельческих обрядах. Во многих приуроченных к ним песнях, забавах, плясках и хороводах прослеживаются театральные элементы по разным параметрам: в наличии действующих лиц, включении в театрализованное действие зооморфных и антропоморфных персонажей, масок [1, 7, 8]. В настоящее время у ногайцев сохраняются игровые элементы в народных и семейных праздниках и обрядах. В традиционной культуре народа игры и игровые формы поведения являются своеобразными механизмами, способствующими переходу одних ритуальных форм в другие, отмечая тем самым проникновение ранних форм культовых практик в обряды более поздних этапов этноистории народа. Как следствие, игровая составляющая наиболее ранних пластов традиционной культуры и в качестве элемента исторической памяти, хранимо старожилками, – дожила до наших дней [8].

Народные (фольклорные) театры являются новым этапом в становлении театрального искусства ногайцев, что проявляется в следующих моментах: в них происходит разграничение исполнителя и зрителя, обязательное наличие костюмов, реквизитов, диалогов и т.д. Из всех разновидностей народных театров успехом у ногайцев пользовались кукольные театры *оьртеке*, изготавливаемые из скрепленных деревянных дощечек в форме квадрата, верхняя часть (подставка) обтягивалась кожей, боковые стороны украшались национальным орнаментом. Во второй половине XX – XXI вв. произошло перерастание фольклорных театров в *самодельные театры*, которые активно функционировали в разных ногайских регионах: аул Канглы Ставропольского края, театр «Тулпар», созданный на базе Дома культуры аула Адиль-Халк (КЧР), детский театр-студия «Ногайстан» (РД), Народный театр мод костюма «Суюмбике» в ауле Эркин-Юрт (КЧР) и др. Сюжеты для спектаклей заимствовались из прошлой и современной жизни ногайского народа [9].

Современное изобразительное искусство ногайцев Северного Кавказа формировалось на протяжении всего XX в. К первым профессиональным ногайским художникам относятся: Ю. Карасов [2, 4], С. Батыров, К. Зарманбетов, А. Койлакаев, Ф. Махмудова [2] и др. Тематика их произведений весьма разнообразна – здесь представлены и исторические сюжеты, и народные обычаи и праздники, и бытовые зарисовки, и портреты родных, знакомых и известных в народе людей, эпических и исторических героев. Причем особое внимание ими уделяется национальному колориту, так, со скрупулёзной точностью изображаются знакомая для ногайцев степная природа, традиционные жилища, предметы быта, детали домашнего интерьера, одежды, эмоциональное состояние людей. К примеру, говоря о творчестве С. Батырова, ногайский искусствовед Ф. Канокова делает любопытные наблюдения: «Его картины – это странствия во времени и пространстве... . Степь, выжженная палящим солнцем земля, воздух, напоенный степными ароматами, сообщили живописи Батырова свою цветовую гамму, поэтому его полотна, выполненные преимущественно в охристо – оливковых тонах, так узнаваемы. В своих живописных произведениях Батыров воспел свой край и народ, на его картинах мы видим только ногайцев – мужчины и женщины, подростки и дети, старики и юные девушки, изображенные в типичном окружении: степь, ногайский аул, интерьер ногайского дома. Но через традиционные формы жизни ногайцев художник раскрывает духовную сущность народа вообще, которую мы постигаем как свою собственную независимо от национальной принадлежности» [2].

Этот же автор обозначает тенденции современного изобразительного искусства ногайцев на примере картины астраханской художницы Ф. Махмудовой. Отмечая её обращение к лучшим традициям русского реализма, она пишет: «Эти работы во многом определили характер и пути развития современной ногайской классической живописи. Картина «Ногайский танец» богата художественным языком, многофигурность композиционного решения пронизана ощущением динамики, полета. ... Изумительная плавность и в то же время динамичность композиции внушают зрителю чувство музыкальной легкости и преподнесенности. На картине «Скачки», народные соревнования джигитов. Серые, голубые краски свежи и определили цветовой колорит всего произведения. Все всадники в движении и все лошади одинаково красивы и по исполнению все выразительны и удивительно индивидуальны. Это ценный всенародный праздник в жизни ногайцев» [2, с. 151].

Современное музыкальное искусство. Современное музыкальное искусство ногайцев функционирует в трёх направлениях - народном, самодеятельном и профессиональном [5, 6]. Музыкальная подготовка ногайских кадров осуществляется в консерваториях, институтах искусств, музыкально-педагогических факультетах Саратова, Баку, Астрахани, Нальчика, Ростова-на-Дону, Майкопа, Махачкалы, Карачаевска и других городов. Первые национальные профессиональные музыканты – хоровики-дирижеры – появились в 1960-е годы: А.Я. Кохова-Еслимесова (КЧР), Л.М. Джанибекова (г. Москва), Н.Х. Кубекова (КЧР) и др. Позже появляются профессиональные вокалисты: К.Т. Зарманбетов (РД), Л.А. Гагуа-Карасова (КЧР), М.А. Тамазова (КЧР) и др.) [5]. В 2000-е годы появляются профессиональные инструменталисты-народники: Н.А. Кубекова-Карасова (КЧР), Ф. Мусаев (РД) и др. В настоящее время выросло новое поколение музыкантов, работающих в разных сферах культуры и искусства. Профессиональные артисты активно сотрудничают с фольклорными, академическими и эстрадными коллективами, выступают с сольными концертами в разных регионах Северного Кавказа, России и за ее пределами, принимают участие в международных и всероссийских конкурсах и фестивалях.

Театральное искусство. Профессиональные Ногайские драматические театры созданы в Дагестане и Карачаево-Черкесии сравнительно недавно. Первый театр - *Ногайского Государственного Драматического театра РД* - открылся в 2001 г. премьерой комедии «Хюлледжи» Появление театра стало культурным событием огромной значимости в жизни ногайского народа. Коллектив театра составили выпускники актерского отделения факультета культуры Дагестанского государственного университета. За время своего существования театр поставил около полусотни спектаклей на бытовые темы, на произведения зарубежной и русской классики. Другой театр - *Ногайский драматический театр КЧР* – создан в 2014 г. В театре ставятся спектакли, где показаны обычаи, обряды, разнопланово представлена этническая культура и быт народа: воспроизводятся сцены из народных обрядов, звучит этническая музыка [9, 10]. Оба театра пытаются осмыслить историю ногайского народа через призму современности, ставят спектакли, в которых ярко показаны характеры героев на фоне самобытных народных песен, танцев, обрядов и культуры.

Ногайская национальная литература. Формировалась она, имея за плечами многовековой фольклор [11], ногайскую литературу и сказительские традиции, представленные произведениями таких известных

мастеров XIII-XXвв., как Сыбра йырав, Йиренше Шешен, Кутан Аргын улы, Асан Кайглы, Шал-Кийиз Тиленши улы, Досмамбет Азавлы, Казытуган Суйиниш улы и др.

Современная ногайская литература представлена такими писателями и поэтами, как: Х. Булатуков, Ф. Абдулжалилов, Суюн и Иса Капаевы, М. Киримов, Б. Карасов, Г. Аджигельдиев, А. Киреев, М. Авезов, А. Култаев, К. Кумратова, К. Темирбулатова, Дж. Туркменов, Ф. Сидрахметова, Р. Канглиева и др.

В произведениях современных ногайских писателей и поэтов затрагивались различные проблемы: человеческие взаимоотношения, показ самоотверженной борьбы народа в разных войнах, становление характера человека, поиски смысла жизни, осмысление опыта поколений; обращение к духовным основам ногайского народа и многое другое.

Итак, на протяжении многовековой истории ногайцы сумели создать самобытную художественную культуру, представленную, помимо всего, многочисленными видами ремесел, декоративно-прикладным, изобразительным, музыкальным, поэтическим, хореографическим, театральным искусством и т.д.

Объединяющими все виды художественной культуры и искусства факторами были:

- присутствие национального (этнического) и локально-регионального компонентов;
- отражение преимущественно номадического (кочевого и полукочевого) образа жизни народа.

Литература

1. Калмыков Б.Х. Самобытные физические упражнения и игры у тюркских народов // Половецкая луна. 1994. № 1/8. С. 129 – 134.
2. Канокова Ф.Ю. Искусство ногайцев: эволюция художественно-образной целостности: дис. ... д-ра искусствовед. М., 2019.
3. Канокова Ф.Ю. Комплексы традиционного мужского и женского костюма ногайцев // Человек и культура. 2017. № 1. С. 80 – 87.
4. Канокова Ф.Ю. Прикосновение к вечности» в творчестве Юрия Карасова // Актуальные проблемы художественного образования и эстетического воспитания в контексте культуры и искусства. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Института культуры и искусств (художественно-графического факультета). Карачаевск, 2018. С. 88 – 94.
5. Карданова Б.Б. Ногайская музыка // «Возрождение». 2006. № 9. С. 144 – 145.
6. Карданова Б.Б. Современное бытование музыкального искусства ногайцев // Современное искусство народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Изд-во «Адыгея», 1992. С. 67 – 85.
7. Карданова Б.Б., Зинеева З.З. Досуговые игры и забавы ногайцев // Современная научная мысль: Науч. журнал НИИ истории, экономики и права. 2021. № 5. С. 163 – 169.
8. Карданова Б.Б., Зинеева З.З. Игровые аспекты традиционных ногайских праздников и обрядов // Современная научна мысль. 2023. № 3. С. 234 – 238.

9. Карданова Б.Б., Койлубаева М.С. Этапы становления ногайского драматического театра // Театр тюркского мира: перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году театра в России. 23 декабря 2019 года / сост.: А.Р. Салихова, Н.Х. Нургаянова, Д.Р. Фардеева; науч. ред. Э.М. Галимова. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 119 – 125.

10. Карданова Б.Б., Койлубаева М.С. Этническая музыка в Ногайском драматическом театре // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – грядущему (Материалы Второй: международной научно-практической конференции). Черкесск, 2016. С. 477 – 480.

11. Сикалиев А.И.-М. Устное народное творчество (к характеристике жанров) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии (Жанр и образ): сборник научных трудов. Черкесск: издательство «Адыгея», 1988. С. 40 – 67.

References

1. Kalmykov B.H. Samobytnye fizicheskie uprazhnenija i igry u tjurkskih narodov. Poloveckaja luna. 1994. № 1/8. S. 129 – 134.

2. Kanokova F.Ju. Iskusstvo nogajcev: jevoljucija hudozhestvenno-obraznoj celostnosti: dis. ... d-ra iskusstvoved. M., 2019.

3. Kanokova F.Ju. Kompleksy tradicionnogo muzhskogo i zhenskogo kostjuma nogajcev. Chelovek i kul'tura. 2017. № 1. S. 80 – 87.

4. Kanokova F.Ju. Prikosnovenie k vechnosti» v tvorchestve Jurija Karasova. Aktual'nye problemy hudozhestvennogo obrazovanija i jesteticheskogo vospitanija v kontekste kul'tury i iskusstva. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 50-letiju Instituta kul'tury i iskusstv (hudozhestvennograficheskogo fakul'teta). Karachaevsk, 2018. S. 88 – 94.

5. Kardanova B.B. Nogajskaja muzyka. «Vozrozhdenie». 2006. № 9. S. 144 – 145.

6. Kardanova B.B. Sovremennoe bytovanie muzykal'nogo iskusstva nogajcev. Sovremennoe iskusstvo narodov Karachaevo-Cherkessii. Cherkessk: Izd-vo «Aдыгея», 1992. S. 67 – 85.

7. Kardanova B.B., Zineeva Z.Z. Dosugovye igry i zabavy nogajcev. Sovremennaja nauchnaja mysl': Nauch. zhurnal NII istorii, jekonomiki i prava. 2021. № 5. S. 163 – 169.

8. Kardanova B.B., Zineeva Z.Z. Igrovye aspekty tradicionnyh nogajskih prazdnikov i obrjadov. Sovremennaja nauchna mysl'. 2023. № 3. S. 234 – 238.

9. Kardanova B.B., Kojlubaeva M.S. Jetapy stanovlenija nogajskogo dramaticheskogo teatra. Teatr tjurkского mira: perspektivy razvitija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj Godu teatra v Rossii. 23 dekabrja 2019 goda. sost.: A.R. Salihova, N.H. Nurgajanova, D.R. Fardeeva; nauch. red. Je.M. Galimova. Kazan': IJaLI, 2019. S. 119 – 125.

10. Kardanova B.B., Kojlubaeva M.S. Jetnicheskaja muzyka v Nogajskom dramaticheskom teatre. Nogajcy: XXI vek. Istorija. Jazyk. Kul'tura. Ot istokov – grjadushhemu (Materialy Vtoroj: mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii). Cherkessk, 2016. S. 477 – 480.

11. Sikaliyev A.I-M. Ustnoe narodnoe tvorchestvo (k harakteristike zhanrov). Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii (Zhanr i obraz): sbornik nauchnyh trudov. Cherkessk: izdatel'stvo «Adygeja», 1988. S. 40 – 67.

*Gagua L.A., Senior Lecturer,
Koylubaeva M.S.,
U.Dzh. Aliyev Karachay-Cherkess State University*

The current state of the ethnoartistic culture of the Nogais

Abstract: the article examines the current state of artistic culture, both traditional and modern, of Nogais living in different regions of the Russian Federation and beyond. It is noted that the artistic culture of the people is the guardian of its cultural code – national traditions, moral and ethical, aesthetic, mythological, religious and philosophical views. The factors that determined the specifics of the artistic culture of the Nogais are identified, which include: the dispersion of their residence, ethnic heterogeneity, proximity to different ethnic cultures, geographical and climatic features of the regions of their residence, etc. Information about different types and genres of the artistic culture of the people is contained in various publications of domestic and foreign researchers. However, many of their aspects have remained out of sight of art historians, cultural scientists, ethnologists, folklorists and literary critics, which actualizes the subject of this study. The purpose of the work is a comprehensive consideration of the artistic culture of the Nogais. Research objectives: 1) identify the most common types and genres of artistic culture among the people; 2) consider the features of each type and genre of artistic culture; 3) identify the current state of their existence. The conclusions of the study are as follows: 1) the artistic culture of the Nogais is represented by numerous types of crafts, decorative and applied, visual, musical, poetic, choreographic, theatrical art, etc.; 2) the factors uniting all types of artistic culture and art of the Nogais were: the presence of national (ethnic) and local-regional components; reflection of the predominantly nomadic (nomadic and semi-nomadic) way of life of the people.

Keywords: Nogais, traditional, modern, artistic culture, art, types and genres

For citation: Gagua L.A., Koylubaeva M.S. The current state of the ethnoartistic culture of the Nogais. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 50 – 57.

Received: June 10, 2023; Revised: August 12, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Каракаев Ю.И., кандидат филологических наук, доцент,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева*

Историческое развитие ногайского языка и письменности

Аннотация: в статье рассматриваются различные аспекты ногайского языка, являющегося национальным языком свыше 114,3 тыс. ногайцев (самоназвание – ногай), дисперсно проживающих в разных регионах Российской Федерации (Республика Дагестан и Чечня, Карачаево-Черкесия, Ставропольский край, степная часть Крымского полуострова, Нижнее Поволжье, Урал и др.). Кроме того, он является государственным языком в Дагестане и Карачаево-Черкесии. Отмечается, что до XX в. ногайский язык назывался «языком татар ногайского поколения», «языком ногайских татар» или «татарским языком». Сведения о месте ногайского языка в общей системе тюркских языков содержатся в многочисленных трудах отечественных и зарубежных исследователей разных столетий. Однако до настоящего времени многие вопросы ногайского языковедения не получили достаточного освещения: нет исследований по многочисленным языковым архаизмам и диалектам в сравнительном аспекте, не подготовлены и не изданы диалектные словари по этим направлениям и многое другое. Актуальность данной статьи обусловлена недостаточностью научных публикаций по отдельным аспектам ногайского языка. Целью исследования является историческое рассмотрение ногайского языка и письменности в общетюркском контексте. Задачи исследования: 1) определить групповую принадлежность ногайского языка к тюркским языкам; 2) рассмотреть историческую хронологию использования ногайцами различных систем письменности; 3) составить историческую периодизацию ногайского языка и охарактеризовать их. Ретроспективное рассмотрение материалов по ногайской письменности, показывает, что ногайцы на протяжении более пяти столетий использовали как среднеазиатский, поволжско-уральский, так и северокавказский «тюрки».

Ключевые слова: ногайцы, язык, письменность, алфавит, периодизация, историческое развитие

Для цитирования: Каракаев Ю.И. Историческое развитие ногайского языка и письменности // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 58 – 65.

Поступила в редакцию: 3 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 5 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Ногайский язык является национальным языком свыше 114,3 тыс. ногайцев (самоназвание – ногай), дисперсно проживающих в разных регионах Российской Федерации (Республика Дагестан и Чечня, Карачаево-Черкесия, Ставропольский край, степная часть Крымского полуострова, Нижнее Поволжье, Урал и др.). Кроме того, он является государственным языком в Дагестане и Карачаево-Черкесии, а до XX в. ногайский язык назывался «языком татар ногайского поколения», «языком ногайских татар» или «татарским языком». Сведения об этом языке можно найти в многочисленных трудах отечественных и зарубежных ис-

следователей разных столетий: Й.Х. Аделунга (Adelung, 1806), Ф.П. Аделунга (Adelung, 1815), А. Бальби (Balbi, 1826), А. Палмблада (Palmlblad, 1827), И.Н. Березина (Berezin, 1849), Г. Вамбери (Vambery, 1885), А.Н. Самойловича (Самойлович, 1922), Н.А. Баскакова (Баскаков, 1940; 1963; 1969), С.Е. Малова (Малов, 1951, 1966), А.М. Щербака (Щербак, 1994), Ю.И. Каракаева (Каракаев, 1989; 1993; 1999; 2001; 2003; 2017; 2018 и др.), Д.М. Шихмурзаева (Шихмурзаев, 1978; 2000) и др.

В соответствии с разработанными отечественными языковедами классификациями (С.А. Малов, К. Менгес, Н.А. Баскаков, А.Н. Самойлович, Г. Текин, А.М. Щербак и др.), ногайский язык принято относить к канглынской (арало-каспийской) подгруппе кыпчакской группы тюркских языков.

Предки современных ногайцев исторически пользовались различными системами письма:

- орхоно-енисейское или «руническое» письмо, возникшее, по мнению ученых, в VII-VIII вв. н.э.;
- уйгуро-найманское письмо – VIII-XIII вв., по данным Клапрота, до XVIII в.;
- манихейское письмо – VII-XIII вв.;
- латинское письмо (памятник Кодекс Куманикус) – XIII в.;
- арабское письмо с одновременным распространением исламской религии – X-XX вв.;
- латинское письмо – 1928 г.;
- кириллическое письмо (кириллица) – 1938 г.

Созданием ногайской национальной письменности в 1920-1930-е годы занимались Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, работники центрального научного учреждения, такие как Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, М.К. Милых, а также местные кадры в лице А.-Х.Ш. Джанибекова, М.К. Курманалиева, М.С. Садинова, З.А. Кайбалиева и др.

Как и любой из языков, ногайский язык – явление историческое. Он обособился как самостоятельный с присущими ему оригинальными и глубоко самобытными чертами на определенной стадии развития тюркских народов. Следовательно, история современного ногайского языка начинается со времени образования ногайской народности и подразделяется на несколько этапов:

- первый этап, исходя из сообщений письменных источников конца XIII – начала XIV в., связывается с улусом золотоордынского темника Ногая, население которого русские летописи называли мангитами;
- второй этап – конец XIV – 80-е годы XV в., когда улус Ногая выделился из Золотой Орды как самостоятельная политическая единица;
- третий этап – конец XV – первая половина XVII столетия, когда этноним ногай обозначал народ;
- четвертый этап – вторая половина XVIII – начало XX в. и характеризуется полнейшим принятием всеми ногайскими ордами подданства России;
- пятый этап – советский и постсоветский периоды – с 1917 по 1991 г.

С момента возникновения собственно ногайского языка прослеживается три основных периода его развития:

- «староногайского языка» (эски ногай тили) – XIV-XVI вв.;
- «средненогайского языка» (орта ногай тили) – XVI – 30-е годы XX в.;

– «новоногайского языка» (яңгы ногай тили), 30-е годы XX в. по настоящее время.

Каждый из этих периодов развития данного языка имеет свои характерные особенности. Эпоха староногоайского языка связана с формированием ногоайского этноса в недрах Золотой Орды на базе в основном кыпчакских племен. Лексика «староногоайского языка», как и некоторых других западнотюркских языков, прежде всего, кодифицирована в известном латино-персидско-куманском словаре «Codex Cumanicus», (1294-1295 гг., г. Солхат). При написании данного словаря впервые использован латинский алфавит для тюркских языков. Приведем отрывок молитвы «Отче наш» из этого словаря, перевод с византийского (новогреческого) языка по просьбе темника Ногай и опубликованная в Codex Cumanicus в 1303 г. и уже в XX в. в 1993 г. в книге «Судьба гвардейцев Сеюмбеки» [1, с. 277] на староногоайском (половецком) языке: *«Атамыз, ким коьктаь соьн, алгышылыг болсун саьнинь атынъ! Канлыкынъ каьлсин! Болсун Саьнинь тилаьмаьгинь, наьцик кинъ коьктаь, алай йаьрдаь! Куьндаьге оьтмаькимизни бизгаь буьгуьн баьргил! Дагы йазыкларымызны бизгаь бошаткыл, наьцик биз бошатырбыс бизгаь йаман аьткаьнларгаь! Дагыь аькнинь сынамакына бизни курмагыл! База барцай амандан куткаргыл! Амен».* Заметим, что текст этой молитвы для нас понятен без перевода. При сравнении с современным ногоайским языком наблюдаются некоторые фонетические изменения: *коькте* «на небе», *йерде* «на земле», *куьндеги* «ежедневный», *оьтпегимизди* «наш хлеб», *келсин* «пусть придет» и др. Таким образом, староногоайский язык является наследником как этого памятника Codex Cumanicus, так и других кыпчакско-огузских памятников письменности XIII-XIV вв., созданных на территории Золотой Орды, Сирии и Египта.

Эпоха «средненогайского языка», прежде всего, связана с периодом расцвета и распада Ногоайской Орды (XV-XVII вв.). Исконно ногоайскими письменными памятниками, написанными арабской графикой на староногоайском и средненогайском литературном языках «тюрки», на наш взгляд, являются: 1) ногоайские исторические документы, дипломатическая переписка ногоайских князей и мурз с русскими царями (XV-XVIII вв.); 2) дошедшие до нас как письменным, так и устным путем произведения ногоайских поэтов-йырагов (XV – начало XX в.); 3) язык переводов Библии на ногоайский язык (XVIII-XIX вв.); 4) язык жалоб и прошений ногоайцев, хранящихся в архивах Ставрополя, Астрахани, Махачкалы и др. (XIX в.); 5) язык публикаций образцов ногоайского фольклора, осуществленных И.Н. Березиным (1862), М.-Э. Османовым (1883), А.И. Умеровым (XIX – начало XX в.) (1912); 6) язык публикаций Наджиба Гасри (20-е годы XX в., 1926).

Ногоайский фольклорист и литературовед А.И.-М. Сикалиев писал: «Первые литературные памятники на ногоайском языке относятся к XIV в. – ко времени становления ногоайского государства. С самого начала развитие ногоайской литературы шло двумя путями, на двух литературных языках: старом литературном языке и разговорном» [11].

Обширная дипломатическая переписка великих русских князей и царей с ногоайскими ханами и мурзами XV-XVIII вв. сохранилась в архивных материалах Посольского приказа в РГАДА под названием «Ногоайские дела». Большая часть их в русском переводе опубликована в целой серии томов, начиная с конца XVIII в [9, 10]. Языком этих грамот восхищался русский историк и писатель Н.М. Карамзин: «Сии ногоай-

ские грамоты, писанные высокопарным слогом восточным, показывают некоторое образование ума, замечательное в народе, кочующем» [5, с. 20, 21].

Говоря о языке грамот и посланий ногайских князей и мурз, историк Г.И. Перетяткович в XIX в. писал: «Князья и мурзы ногайские грамоты свои в Москву писали обыкновенно на своем языке, и они для государя переводились толмачами в посольском приказе» [8 с. 136]. Однако трудность заключается в том, что «...дошедшие до нас грамоты XVI-XVIII вв. мурз и биев обозначены как грамоты, написанные на татарском языке, под этим названием они и хранятся в архивах», – писал профессор Б.Б. Кочекаев [6, с. 22].

Эту мысль поддержал и северокавказский исследователь арабописьменной тюркоязычной деловой переписки на Северном Кавказе и Дагестане Г.М.-Р. Оразаев [7, с. 35]. Что же касается оригиналов ногайских исторических документов, которыми мы располагаем, любезно предоставленных нам Б.-А.Б. Кочекаевым, то на наш взгляд, следует сказать, что они написаны языком документов эпохи Ногайской Орды XV–XVII вв., с одной стороны, они сохраняют старые традиции разновидностей литературного языка тюрки, несущие в себе признаки караханидского, уйгурского, чагатайского (староузбекского) литературных языков, с другой – в них значительное место занимают народно-разговорные элементы.

Как и всякий литературный язык, носящий наддиалектный характер, по ногайским текстам трудно определить их диалектную принадлежность. В них немало особенно огузско-кыпчакских языковых элементов, которые анализируются на материале Ярлыка ногайского верховного князя Юсуфа Великому русскому царю Ивану IV, датированного 1549 г.

С точки зрения изучения истории ногайского языка XVIII–XIX вв., значительный интерес представляют переводы на этот язык отдельных текстов Ветхого и Нового Завета. Как свидетельствуют ногайские княжеские грамоты, Евангелие было знакомо ногайцам еще в XVI в. В одной из грамот князя Юсуфа Ивану IV (1549 г.) читаем: «Наши книжники так сказывают: что от смерти никому не избыть. Писано в нашем Куране. А в вашем Евангилье есть. Ваши книжники во Евангилье то видят, что есть на сем свете животного – тому всему померети» [10 с. 306, 307; 3, с. 394-399]. Кроме того, арабографические ногайские документы XVII-XIX вв., деловая переписка, различные прошения и жалобы, по данным историков, хранящиеся также в архивах Астрахани, Ставрополя, Махачкалы, Кизляра и др., написаны на северокавказском тюрки, в котором Г.М.-Р. Оразаев выделяет три основных варианта: северо-восточный (или кумыкский), северо-западный (или ногайский) и южный (или азербайджанский).

Г.М.-Р. Оразаев в своей монографии «Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв.» впервые исследовал три документа, написанных на ногайском языке и хранящихся в Ставропольском и Дагестанском госархивах: это прошение и дополнительное прошение бештаво-кумских ногайцев следователю Кавказского линейного № 3 батальона подполковнику Лойвису (1 и 3 марта 1839 г.) и прошение кумыкских ногайцев, поданное в Комитет, учрежденный для определения личных и поземельных прав населения кумыкского округа Терской области (1860 г.). Автор при этом дал внешнее описание документов, копии оригиналов и перевод на русский язык, прочитал эти документы с комментариями, сделал некоторые заметки об их языке и орфографии [7, с. 191-238, 284-292]. Язык этих прошений Г.М.-Р. Оразаев определяет как «ногайский письменный» или «ногайский вариант северокавказского тюрки» [7, с. 191, 198]. Он же

видит общими для среднеазиатского, поволжско-уральского и северокавказского «тюрки» следующие черты: смешанный характер лексики и морфологии, смешанный характер стилей, внутри каждого из региональных письменных языков выделяется несколько вариантов, каждый из названных региональных письменных языков представлен памятниками различных жанров [7, с. 53-56].

До нас дошли произведения ногайских поэтов Шал-Кийиза (XV в.), Асана Кайгылы, Досманбета Азавлы (XVI в.), Казтувгана (XVII в.), оказавшие влияние также и на формирование литературного языка других тюркских народов. Язык произведений ногайских поэтов остается до сих пор неисследованным ногайскими лингвистами, хотя первые попытки в этом направлении уже предпринимались. Так, Д.М. Шихмурзаев, анализируя дестан (поэму) «Гуьл-Фердевс» известного ногайского поэта-лирика XIX в. Сыдыкбая Алхайдара, пришел к выводу, что она написана на смешанном кыпчакско-огузском языке, состоит из тысячи слов, арабо-персидские заимствования составляют около 150 слов, с преобладанием арабизмов.

В первой половине XIX в. возник интерес к фольклорным произведениям, которые стали фиксироваться учеными и публиковаться. Так, И.Н. Березин во втором томе «Турецкая хрестоматия» (1862) ошибочно под рубрикой «Туркменское наречие» поместил три ногайских эпических произведения: «Предание о Тохтамыш хане», «Предание о Нарике и Чоре» и «Орак – Мамай», а также песни астраханских ногайцев: карагачей, кундровцев и юртовских татар. Касаясь истории публикаций различных национальных версий эпоса «Идеге», академик В.М. Жирмунский, в частности, заметил, что «ногайские варианты печатались в оригинале в хрестоматиях М. Османова (Османов, 1883) и И. Березина...» [2, с. 352]. О том, что эти эпические песни собраны в записанном виде, как мы полагаем, у астраханских ногайцев, косвенно свидетельствуют некоторые слова, которые даны И.Н. Березиным в сносках. В пользу того, что эти песни ногайские, свидетельствуют топонимические названия, встречающиеся в текстах – это Дагыстан «Дагестан», р. Кылавыз (р. Калаус в Ставропольском крае), р. Манашы (р. Маныч-Гудило, левый приток Дона), Аштаркан «Астрахань» и др., т.е. в местах проживания ногайцев.

Фольклорные тексты ногайских песен, опубликованные А.И. Умеровым, сохранили реликтовые черты более древнего состояния ногайского языка в фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, а также отражают некоторые особенности диалекта астраханских ногайцев, литературного языка тюрки Нижнего Поволжья и в то же время сохраняют основные черты общенародного ногайского языка и являются значительным литературным памятником, хранящим в себе особенности нижеволжского или поволжско-уральского регионального, тюрки [4, с. 138-141]. Последние арабографические памятники ногайского языка были изданы уже в советское время в середине 1920-х годов ногайским просветителем, публицистом, литературным критиком Наджибом Гасри.

Таким образом, согласно классификации тюркологов, ногайский язык относится к канглытской (арало-каспийской) подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Ногайцы использовали различные системы письма: орхоно-енисейское или руническое, уйгуро-найманское, манихейское, латинское, арабское письмо, латинское и кириллическое письмо. Все эти процессы охватывали довольно длительный период – с VII в. н.э. до настоящего времени. История формирования ногайского языка подразделяется на 5 этапов: 1-й – связывается с улусом золотоордынского темника Ногая (мангитами); 2-й – конец XIV – 80-е годы XV в., с

момента выделения улуса Ногай в самостоятельную политическую единицу; 3-й – конец XV – пер. пол. XVII в. – с момента появления этнонима *ногай*, обозначающего народ; 4-й – втор. пол XVIII – нач. XX в. – принятие ногайцами подданства России; 5-й - советский и постсоветский периоды – с 1917 по 1991 г. Также выделяется три основных периода развития ногайского языка: «староногайского языка» (*эски ногай тили*) – XIV-XVI вв.; «средненогайского языка» (*орта ногай тили*) – XVI – 30-е годы XX в.; «новоногайского языка» (*янъы ногай тили*), 30-е годы XX в. по настоящее время.

Литература

1. Глухов-Ногайбек М. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань: изд-во Ватан, 1993. 254 с.
2. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.
3. Каракаев Ю.И. Историзмы и архаизмы ногайского и русского языков на материале Посольских книг по связям России с Ногайской Ордой (1489-1549) // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе (Материалы международной научно-теоретической конференции). 28-31 октября 1997 г. Черкесск; Архыз. Черкесск: КЧИГИ, 1999. Ч. 1. С. 394 – 398.
4. Каракаев Ю.И., Каракаева Э.Ю. О лексике ногайского фольклора (на материалах «Ногайских песен» А.И. Умерова) // Языковая ситуация в поликультурной среде и вопросы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: Мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения И.Х.-М. Урусбиева. Карачаевск, 2010. С. 138 – 145.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 8. С. 20 – 21.
6. Кочекаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1988. 272 с.
7. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX в. (Исследования, тексты и комментарии). Махачкала: Изд-во, тип. ДНЦ РАН, 2007. 324 с.
8. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках: (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.
9. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. 391 с., илл.
10. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489-1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.
11. Сикалиев А.И.-М. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы // Советская тюркология. 1970. № 4. С. 131 – 135.
12. Сикалиев А.И.-М. Устное народное творчество (к характеристике жанров) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии / Жанр и образ): сборник научных трудов. Черкесск: издательство «Адыгея», 1988. С. 40 – 67.

References

1. Gluhov-Nogajbek M. Sud'ba gvardejcev Sejumbeki. Kazan': izd-vo Vatan, 1993. 254 s.
2. Zhirmunskij V.M. Tjurkskij geroicheskiy jepos. L.: Nauka, 1974. 728 s.
3. Karakaev Ju.I. Istorizmy i arhaizmy nogajского i russkogo jazykov na materiale Posol'skih knig po svjazjam Rossii s Nogajskoj Ordoj (1489-1549). Kul'turno-istoricheskaja obshhnost' narodov Severnogo Kavkaza i problemy gumanizacii mezhnacional'nyh otnoshenij na sovremennom jetape (Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii). 28-31 oktjabrja 1997 g. Cherkessk; Arhyz. Cherkessk: KChIGI, 1999. Ch. 1. S. 394 – 398.
4. Karakaev Ju.I., Karakaeva Je.Ju. O leksike nogajского fol'klora (na materialah «Nogajskih pesen» A.I. Umerova). Jazykovaja situacija v polikul'turnoj srede i voprosy sohraneniya i razvitija jazykov i literatur narodov Severnogo Kavkaza: Mat-ly Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvjashh. 90-letiju so dnja rozhdenija I.H.-M. Urusbieva. Karachaeusk, 2010. S. 138 – 145.
5. Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. SPb., 1819. T. 8. S. 20 – 21.
6. Kochekaev B.B. Nogajsko-russkie otnosheniya v XV-XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1988. 272 s.
7. Orazaev G.M.-R. Tjurkojazychnaja delovaja perepiska na Severnom Kavkaze XVII – XIX v. (Issledovanija, teksty i kommentarii). Mahachkala: Izd-vo, tip. DNC RAN, 2007. 324 s.
8. Peretjatkovich G. Povolzh'e v XV i XVI vekah: (ocherki iz istorii kraja i ego kolonizacii). M., 1877. 331 s.
9. Posol'skie knigi po svjazjam Rossii s Nogajskoj Ordoj. 1551-1561 gg. Publikacija teksta. sost. D.A. Mustafina, V.V. Trepavlov. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 2006. 391 s., ill.
10. Posol'skie knigi po svjazjam Rossii s Nogajskoj Ordoj. 1489-1549 gg. Mahachkala: Dag. kn. izd-vo, 1995. 360 s.
11. Sikaliev A.I.-M. Drevnetjurkskie pis'mennye pamjatniki i nogajcy. Sovetskaja tjurkologija. 1970. № 4. S. 131 – 135.
12. Sikaliev A.I.-M. Ustnoe narodnoe tvorcestvo (k harakteristike zhanrov). Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii. Zhanr i obraz): sbornik nauchnyh trudov. Cherkessk: izdatel'stvo «Adygeja», 1988. S. 40 – 67.

*Karakaev Yu.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University*

Historical development of the Nogai language and writing

Abstract: the article discusses various aspects of the Nogai language, which is the national language of over 114.3 thousand Nogais (self-name – Nogai), dispersed living in different regions of the Russian Federation (the Republic of Dagestan and Chechnya, Karachay-Cherkessia, Stavropol Territory, the steppe part of the Crimean Peninsula, the Lower Volga region, the Urals, etc.). In addition, it is the official language in Dagestan and Karachay-Cherkessia. It is noted that until the XX century the Nogai language was called "the language of the Tatars of the Nogai generation", "the language of the Nogai Tatars" or "the Tatar language". Information about the place of the Nogai language in the general system of Turkic languages is contained in numerous works of domestic and foreign researchers of different centuries. However, to date, many issues of Nogai linguistics have not received sufficient coverage: there are no studies on numerous linguistic archaisms and dialects in a comparative aspect, dialect dictionaries in these areas have not been prepared and published, and much more. The relevance of this article is due to the lack of scientific publications on certain aspects of the Nogai language. The purpose of the study is the historical consideration of the Nogai language and writing in the general Turkic context. Research objectives: 1) to determine the group affiliation of the Nogai language to the Turkic languages; 2) to consider the historical chronology of the Nogai use of various writing systems; 3) to compile a historical periodization of the Nogai language and characterize them. A retrospective review of the materials on the Nogai script shows that the Nogais have been using both Central Asian, Volga-Ural, and North Caucasian "Turks" for more than five centuries.

Keywords: Nogais, language, writing, alphabet, periodization. historical development

For citation: Karakaev Yu.I. Historical development of the Nogai language and writing. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 58 – 65.

Received: June 3, 2023; Revised: August 5, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Лутфуллина Г.Ф., доктор филологических наук, профессор,
Казанский государственный энергетический университет*

Кореферентность и одновременность глагольно имплицированных и неглагольно эксплицированных интервалов (на материале татарского языка)

Аннотация: цель настоящей статьи – выявить особенности сочетания неглагольно выраженного временного отрезка с имплицированным глагольным интервалом как реализация их кореферентности. Научная новизна заключается в обнаружении строгих правил сочетаемости обстоятельств ограниченного интервала с глагола, детерминированных его семантикой. В результате получил подтверждение факт о том, что в татарском языке эксплицированный временной отрезок и имплицированный глаголом интервал чаще всего кореферентны и одновременны. Одновременность в языке тесно связана с понятием кореференции. Кореферентность – это соотносительности с одним интервалом времени, при чем соотносительность может быть как интервала ситуации, выраженного глаголом, так и интервала ситуации, выраженного обстоятельством времени. Если два интервала кореферентны с одним и тем же отрезком на оси времени, то они одновременны с ним и друг с другом. Неглагольный маркер ограниченного длительного интервала обнаруживает преференциальную сочетаемость с глаголами неопределенной семантики, даже в случае его заполненной валентности. Для татарского языка неопределенность семантики часто акцентируется вспомогательным глаголом в составе сложного, а для объектного дополнения форма множественного числа не обязательна.

Ключевые слова: одновременность, кореферентность, глагол, неглагольный интервал

Для цитирования: Лутфуллина Г.Ф. Кореферентность и одновременность глагольно имплицированных и неглагольно эксплицированных интервалов (на материале татарского языка) // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 66 – 70.

Поступила в редакцию: 21 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 19 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения корреляции глагольно и неглагольно выраженных интервалов в целях создания темпоральной структуры текста, а именно обстоятельства времени *весь день* в репрезентации кореферентности и одновременности в татарском языке. Исследование категории кореферентности во взаимосвязи с одновременностью представляется перспективным.

Предпринятое исследование предполагает решение ряда задач: во-первых, анализ категорий кореферентности и одновременности; во-вторых, выявление потенциала сочетаемости обстоятельства *весь день* с глаголами предельной и неопределенной семантики; в-третьих, определение особенностей выражения коре-

ферентности и одновременности в татарском языке.

Методы исследования, примененные в работе – это корпусный метод, методы семантического и контекстного анализов.

В качестве материала исследования был использован:

Письменный корпус татарского языка (далее ПКТЯ).

Практическая значимость в развитии концепции темпоральности и таксиса, в разработке моделей сочетаемости глаголов с неглагольными временными маркерами. Результаты исследования могут пополнить разделы теоретической и практической грамматик татарского языка, а также использоваться при написании учебных пособий.

Теоретико-методологические подходы

Теоретическую базу составили труды ученых, занимавшихся контекстуальными системными значениями временных форм. Алгоритм анализа временной структуры высказывания как комбинации значений неглагольных маркеров и глагольных форм разработан Г.Ф. Лутфуллиной [1, с. 45]. Традиция изучения одновременности в лингвистике связана с категорией таксиса. Принято разграничивать разные виды одновременности. Д.Б. Цыбикова выделяет два вида отношений одновременности: строгая (полная, сильная) и нестрогая (частичная, слабая) [2, с. 124]. А.С. Ефимова, Е.А. Данилова дают определение одновременности как общности срединного фиксируемого периода основного и второстепенного процессов [3, с.24].

Ряд ученых исследует как семантику глаголов, задействованных в репрезентации одновременности. А.С. Гаврилова пишет, что основное, и сопутствующее события могут быть выражены глаголами, относящимися к аспектуальному классу процессов [4, с. 57]. Н.Л. Кудинова средствами зависимого таксиса именуется три базовых компонента: именную и глагольную составляющие, а также временные выражения [5, с. 35]. Е.Н. Радченко разбирает особенности лингвистической репрезентации одновременности в сегменте зависимого таксиса [6, с. 139]. Ее точку зрения разделяет Н.А. Козинцева [7, с. 25].

Одновременность в языке тесно связана с понятием кореферентности. Принято толковать кореферентность только в отношении функционирования местоимений. В этом случае кореферентность предполагает соотнесенность к одному и тому же объекту действительности. Если же говорить о кореферентности предикатов, то подразумевается, что они должны описывать одну и ту же ситуацию действительности. Однако в этом случае мы имеем дело с синонимией *отправиться, пуститься в путь*, с разными точками эмпатии *дал, взял в долг*, с генерализацией или конкретизацией *отправиться в путь = ултыть, улететь*. Часто подобные случаи трактуются как псевдоодновременность. Корректнее говорить не о кореферентности к одной ситуации действительности, а о соотнесенности с одним интервалом времени, при чем соотнесенность может быть как интервала ситуации, выраженного глаголом, так и интервала ситуации, выраженного обстоятельством времени. Традиционно приводят пример Ж. Клебера соотношения интервалов времени и ситуации [8, с. 9]: *Вчера шел дождь*.

(1) Тышта көне буе яңгыр коя. На улице весь день идет дождь (Г. Эпсэлэмов. ПКТЯ).

Если интервал времени вчерашнего дня был полностью заполнен дождем, то глагольно и неглагольно

выраженные интервалы совпадают, в противном случае дождь занимал только часть дня. Заданный обстоятельством интервал *вчера* и выраженный предикатом интервал *шел дождь* соотносятся с одним отрезком на оси времени, то есть они кореферентны ему или одновременны с ним.

Понятие кореферентности и одновременности тесно связаны с друг другом. Если два интервала кореферентны с одним и тем же отрезком на оси времени, то они одновременны с ним и друг с другом.

Результаты и обсуждение

Для анализа мы выбрали обстоятельство времени *көне буе / весь день*, которое эксплицирует ограниченный и длительный интервал времени. Нами был проведен анализ 50 примеров сочетаемости методом сплошной выборки из корпуса. (2) Укыту сэгатылэре беткэнче мин көне буе мэктэптэ учительская да буталам. Я весь день болтаюсь в учительской в школе, пока не закончатся учебные часы (А.Б.Хэсанов, ПКТЯ). (Здесь и далее перевод автора).

(3) Көне буе океан *шаулады*. Весь день бушевал океан (А.Толстой. ПКТЯ).

(4) Көне буе елга ярыннан кайтмыйча *балык тоттык*. Целый день мы ловили рыбу, не возвращаясь с берега (А. Нәжми, ПКТЯ).

(5) Бүген болай да көне буе *төрле можжиза* күрдек. Сегодня весь день мы видели разные чудеса (А. Гаддел. ПКТЯ).

(6) Каланча янындагы лапаста Лотфулла көне буе корсак *кыздырып ята*. В лапаса у вышки Лутфулла целый день греется лежит (А. Гыйләжев ПКТЯ).

(7) Тулы ихтыяр биреп, көне буе сүзсез *кайттылар*. Отдав все свои силы, они весь день возвращались молча. (В. Имамов ПКТЯ)..

(8) Көне буе *тамагың ачкандыр*. Наверное, весь день проголодался (Г. Әпсәләмов ПКТЯ).

Сочетаемость обстоятельства целый день преимущественно предикатами в форме настоящего времени *буталам / болтаюсь* (2), *ята / лежит* (6) и глаголами неопределенной семантики *шаулады / бушевал* (3). В случае заполненной валентности глагол неопределенной семантики приобретает значение завершенности (причем наличие формы множественного числа в татарском языке не обязательно), происходит сегментация отрезка времени, например, *балык тоттык / ловили рыбу* (по одной) (4). Значение может иметь прилагательное при данном существительном, заполняющем валентность *төрле можжиза / разные чудеса* (5).

Для татарского языка с данным обстоятельством характерны сочетания со сложным или составным глаголом, где вспомогательный глагол неопределенной семантики акцентирует значение протяженности во времени *төрле можжиза / греется лежит* (6). Даже в случае сочетания с глаголом предельной семантики *кайттылар / возвращались* доминирующее значение неглагольного обстоятельства растягивает интервал времени, имплицитный глаголом, на весь отрезок времени (7). Интересна фраза с глаголом предельной семантики, при чем интервально ограниченное действие не может быть растянуто на целый день - нереально *тамагың ачкан / проголодался* (8).

При анализе примеров нужно учитывать и значение временной формы. В примерах (3)-(5), (7) определенное прошедшее время выражает значение исчерпанности во времени, которое нейтрализуется неопределенной семантикой глагола, однако согласуется с ограниченным интервалом обстоятельства.

Заключение

Одновременность в языке тесно связана с понятием кореференции. Кореферентность - это соотносительность с одним интервалом времени, при чем соотносительность может быть как интервала ситуации, выраженного глаголом, так и интервала ситуации, выраженного обстоятельством времени. Если два интервала кореферентны с одним и тем же отрезком на оси времени, то они одновременны с ним и друг с другом.

Неглагольный маркер ограниченного длительного интервала обнаруживает преференциальную сочетаемость с глаголами неопределенной семантики, даже в случае его заполненной валентности.

Для татарского языка неопределенность семантики часто акцентируется вспомогательным глаголом в составе сложного, а для объектного дополнения форма множественного числа не обязательна.

Дальнейшая перспектива исследования видится нам в рассмотрении случаев сочетаемости обстоятельств времени в корреляции с временной формой глагола.

Литература

1. Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительный анализ средств выражения способов действия кратности во французском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань 2004.
2. Цыбикова Д.Б. Способы грамматического выражения категорий разновременности и одновременности в китайском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6. С. 123 – 127.
3. Ефимова А.С., Данилова Е.А. Конструкции с зависимым таксисом с семантикой одновременности в русском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 28. С. 23 – 26.
4. Гаврилова А.С. Таксисные конструкции с семантикой одновременности в русском и английском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2019. № 3. С. 56 – 61.
5. Кудинова Н.Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №7. С. 34 – 39.
6. Радченко Е.Н. “Одновременность процессов” в сегменте зависимого таксиса в русском языке. Варианты их реализации в немецком // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. 1. С. 138 – 141.
7. Козинцева Н.А. Таксисные конструкции в русском языке: одновременность // Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Oldenburg: BIS, 2001. P. 23 – 29.
8. Kleiber G. Entre les deux mon coeur balance ou L'imparfait entre aspect et anaphore // Langue française. 2003. № 138. P. 8 – 20.

References

1. Lutfullina G.F. Sopostavitel'nyj analiz sredstv vyrazhenija sposobov dejstvija kratnosti vo francuzskom i tatarskom jazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan' 2004.
2. Cybikova D.B. Sposoby grammaticheskogo vyrazhenija kategorij raznovremennosti i odnovremennosti v kitajskom jazyke. Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 6. S. 123 – 127.

3. Efimova A.S., Danilova E.A. Konstrukcii s zavisimym taksisom s semantikoj odnovenno-sti v russkom jazyke. Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2017. T. 28. S. 23 – 26.
4. Gavrilova A.S. Taksisnye konstrukcii s semantikoj odnovennosti v russkom i anglijskom jazykah. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 3. S. 56 – 61.
5. Kudinova N.L. Realizacija taksisnoj semantiki odnovennosti sredstvami zavisimogo taksisa v russkom i anglijskom jazykah. Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №7. S. 34 – 39.
6. Radchenko E.N. “Odnovennost' processov” v segmente zavisimogo taksisa v russkom jazyke. Varianty ih realizacii v nemeckom. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 5. Ch. 1. S. 138 – 141.
7. Kozinceva N.A. Taksisnye konstrukcii v russkom jazyke: odnovennost'. Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Oldenburg: BIS, 2001. P. 23 – 29.
8. Kleiber G. Entre les deux mon coeur balance ou L'imparfait entre aspect et anaphore. Langue française. 2003. № 138. P. 8 – 20.

*Lutfullina G.F., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kazan State Power Engineering University*

**Coreference and simultaneity of verbally implicated and non-verbally
explicated intervals (based on the material of the Tatar language)**

Abstract: the purpose of this article is to identify the features of the combination of a non-verbally expressed time segment with an implied verbal interval as a realization of their coreference. Scientific novelty lies in the discovery of strict rules for the compatibility of circumstances of a limited interval with a verb, determined by its semantics. As a result, the fact was confirmed that in Tatar language the explicated time segment and the interval implied by the predicate are most often coreferential and simultaneous. Simultaneity in language is closely related to the concept of coreference. Coreference is a correlation with the interval of the situation, expressed by the verb, and the interval expressed by the circumstance of time. If two intervals are coreferential to the same segment on the time axis, they are simultaneous with it and with each other. The non-verbal marker of a limited long interval reveals preferential compatibility with verbs of non-limiting semantics, even if there is a direct object. For Tatar language, the unlimited semantics is often accentuated by an auxiliary verb within a compound verb form and by the object complement which plural form is not required.

Keywords: simultaneity, coreference, verb, non-verbal interval

For citation: Lutfullina G.F. Coreference and simultaneity of verbally implicated and non-verbally explicated intervals (based on the material of the Tatar language). Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 66 – 70.

Received: May 21, 2023; Revised: July 19, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Балута А.А., доктор филологических наук, профессор,
Михайлов М.К., аспирант,
Государственный университет просвещения*

История изучения греческого койне как языка Нового Завета

Аннотация: в данной статье представлен краткий обзор истории изучения греческого койне в качестве первого языка Нового Завета. Известно, что Новый Завет дошел до нас в рукописях на греческом койне, который был распространенным разговорным и письменным языком в течение сотен лет в Палестине и Римской империи до времен Иисуса и Его апостолов. Греческий был универсальным языком торговли. Это язык, которым пользовались Иисус, апостолы и ранняя Новозаветная церковь. Установлено, что во времена Нового Завета на греческом говорила не только элита Иерусалима, но и те, кто переписывал рукописи в скрипториях, торговцы среднего класса, которые управляли базарами, и банкиры, которые служили менялами в храме. Денежный обмен, который был сосредоточен в храме, и все деловые операции в Иерусалиме требовали говорить по-гречески. Это был язык торговли и коммерции во всех провинциях Римской империи, включая Палестину. Исторические надписи свидетельствуют о том, что Галилея в раннехристианскую эпоху была двуязычным обществом. Распространение греческого языка не ограничивалось только Иерусалимом. Таким образом, значительное еврейское население жило в эллинизированных городах прибрежной равнины. Также некоторые отрывки текста Нового Завета демонстрируют, что проповедь Евангелия велась почти исключительно на греческом языке.

Ключевые слова: Новый Завет, греческий койне, раннехристианская эпоха

Для цитирования: Балута А.А., Михайлов М.К. История изучения греческого койне как языка Нового Завета // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 71 – 77.

Поступила в редакцию: 21 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 22 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Новый Завет дошел до нас в рукописях на греческом койне, который был распространенным разговорным и письменным языком в течение сотен лет в Палестине и Римской империи до времен Иисуса и Его апостолов. Греческий был универсальным языком торговли. Это язык, которым пользовались Иисус, апостолы и ранняя Новозаветная церковь.

Ошибочным было бы предполагать, что Новый Завет первоначально был написан на древнееврейском языке и позже был переведен на греческий. Если хорошо изучить историю Палестины, можно найти доказательства тому, что евреи перестали говорить на библейском иврите за много столетий до эры Нового Завета.

Во времена Вавилонской и Персидской империй, 640-333 гг. до н.э., арамейский язык был хорошо распространен. Труды ученых, которые жили и творили во времена Халдейской и Персидской империй, свидетельствуют о широком влиянии сирийского и халдейского языков, которые были диалектами арамейского. Персы правили Палестиной со времен Даниила и Ездры до вторжения Александра Македонского в 333 году до нашей эры. С этого времени влияние арамейского постепенно заменялось влиянием греческого. Сэмюэл Г. Грин, известный библеист, описал это значительное изменение следующим образом: "...как прямой результат завоеваний Александра Македонского и его преемников, греческий язык был распространен почти во всех странах цивилизованного мира и стал средством торговых сношений, языком знати и, по сути, универсальным литературным языком провинций, а впоследствии был поглощен Римской империей. Уроженцы Александрии и Иерусалима, Эфеса и даже Рима в равной степени приняли его; везде с характерными изменениями, но, по существу, одинаково. Следовательно, возникла необходимость перевести Священные писания Ветхого Завета на греческий язык... Этот перевод, или Септуагинта, естественно, стал основой всей последующей еврейско-греческой литературы и, в частности, Нового Завета" [1, p. 155].

За греческим переводом Ветхого Завета последовала другая еврейская греческая литература. Греческий был языком Иерусалима и во времена Нового Завета. При этом он считался языком не только жреческой аристократии, но и языком торговли. Его влияние было наиболее заметно в Иерусалиме. О важности греческого языка в жизни иудеев свидетельствует тот факт, что в Иерусалимском храме был полностью сформирован греческий секретариат. Такие организации были жизненно важны для дипломатических, коммерческих и банковских интересов страны.

При желании было нетрудно найти грекоязычных иудеев для работы в качестве членов секретариата храма. Многие левитские и священнические семьи имели контакты с грекоязычными районами за пределами Палестины, и некоторые семьи жили в этих районах. Самая аристократическая из жреческих семей, древняя садокитская семья Ониадов, жила в Египте. Первосвященники, которых назначил Ирод, происходили из этой и других грекоязычных семей. Выбор Иродом этих первосвященников иллюстрирует активное общение и свободу передвижения, которые имели место между Палестиной и другими землями.

Первосвященники, вернувшиеся в Иерусалим из Александрии, говорили по-гречески. Город Александрия, названный в честь Александра Македонского, был известен как центр греческой культуры и учености. Именно александрийские иудеи в прежние времена перевели текст Ветхого Завета с библейского иврита на греческий для составления Септуагинты. Когда семьи первосвященников возвращались в Иерусалим, они продолжали говорить по-гречески. По мнению Хенгеля, эти влиятельные семьи высшего класса были не единственными грекоязычными евреями в Иерусалиме: "Как бы то ни было, мы можем предположить, что семьи этих вернувшихся аристократов говорили по-гречески. Также необходимо учитывать то обстоятельство, что греческий язык был не менее распространен среди ведущих семей Иерусалима, чем в скрипториях и на городских базарах, или за столиками менял во дворе храма" [2, p. 14].

Во времена Нового Завета на греческом говорила не только элита Иерусалима, но и те, кто переписывал рукописи в скрипториях, торговцы среднего класса, которые управляли базарами, и банкиры, которые служили менялами в храме. Денежный обмен, который был сосредоточен в храме, и все деловые операции в

Иерусалиме требовали говорить по-гречески. Это был язык торговли и коммерции во всех провинциях Римской империи, включая Палестину.

В то время как Иерусалим был торговым, культурным и банковским центром Палестины, регион Галилея не сильно от него отставал. Галилея была идеально расположена на перекрестке торговых путей, ведущих в Палестину и из нее. Весь регион был занят совершением торговых сделок, и языком этой торговли был греческий.

Ко времени появления Христа в крупных городах в Галилее были известные греческие школы. Будучи плотниками, Иосиф и Иисус, возможно, работали в Сепфорисе, который находился всего в четырех или пяти милях от дома Иисуса. Грекоязычный город Тверия, центр процветающей рыбной промышленности, находился недалеко от их дома. Оба этих города Галилеи были выдающимися в Палестине времен Иисуса. Будучи центрами коммерции, они зависели от купцов и лавочников, свободно говоривших по-гречески. Их школы вошли в число лучших.

Обучение, полученное в этих школах Галилеи, было наравне с крупными высшими учебными заведениями в Антиохии и Александрии.

Историк Иосиф Флавий, принадлежавший к одной из ведущих жреческих семей Рима Иерусалиме, говорил по-гречески. Подобно Иосифу Флавию, все члены священнических семей были обучены как древнееврейскому, так и греческому языкам. На иврите по-прежнему говорили священники в храме и книжники в синагогах только для религиозных мероприятий и дискуссий. Находясь дома со своими семьями или занимаясь бизнесом на рынке, они говорили по-гречески. Простые люди, которые задолго до этого утратили свои знания иврита, в целом говорили по-арамейски, но те, кто занимался коммерцией, также говорили по-гречески.

По словам Хенгеля, «Иудея, Самария и Галилея были двуязычными (или, лучше сказать, трехязычными) районами. В то время как арамейский был родным языком простых людей, а иврит считался языком религиозного поклонения и дискуссий писцов, греческий в значительной степени утвердился в качестве языкового средства для торговли, коммерции и управления» [2, p. 8].

Исторические надписи свидетельствуют о том, что Галилея в раннехристианскую эпоху была двуязычным обществом. В экономическом плане Галилея в значительной степени зависела от полностью эллинизированных финикийских городов, особенно Птолемаиды и Тира. Большое кладбище в Бет-Шеариме между Назаретом и Хайфой, которое датируется периодом между вторым и четвертым веками нашей эры, содержит преимущественно греческие надписи. Некоторые из тех, кто похоронен там, были родом из финикийских метрополий [2, p. 9].

Евангельские повествования подтверждают, что Иисус и Его ученики, которые были галилеянами, говорили на греческом диалекте Галилеи, а не на искаженном иврите; отсюда и слова Иисуса, обращенные к книжникам и фарисеям в храме: «Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слóва Моего» (Иоанна 8:42-43, перевод наш) [3].

Таким образом, записывая слова Иисуса, Иоанн показывает, что книжникам и фарисеям было трудно понимать Его галилейский диалект. У фарисеев была проблема с пониманием греческого диалекта Иисуса и Его апостолов на протяжении всего их служения. В качестве еще одного доказательства этого Матфей комментирует, что именно галилейский греческий выдал Петра во время Испытания Иисуса:

“Петр же сидел снаружи, во дворе; и пришла к нему служанка и сказала: "Ты тоже был с Иисусом Галилеянином". Но он отрицал это перед всеми, сказав: "Я не понимаю, о чем вы говорите". И после того, как он вышел на крыльцо, другая служанка увидела его и сказала находившимся там: "Этот человек тоже был с Иисусом Назореем". Затем он снова с клятвой опроверг это, сказав: "Я не знаю этого человека". Через некоторое время те, кто стоял рядом, подошли к Петру и сказали: "Воистину, и ты один из них, ибо даже твоя речь показывает, что это так" (Мф. 26:69-73, перевод наш) [3].

Сами имена апостолов Иисуса являются греческими: “Среди двенадцати учеников Иисуса Иисус, двое, Андрей и Филипп, носят чисто греческие имена, а в случае двух других первоначальное греческое имя было арамейизировано. Фаддей, вероятно, является сокращенной формой Теодота (или чего-то подобного), а Варфоломей, скорее всего, происходит от (βαρ) Птолема” [2, р. 16].

Евангелист Лука сообщает, что некоторые из самых ранних членов Иерусалимской церкви были Евреи, говорящие по-гречески. В книге Деяний Апостолов Лука дает нам представление об этой ранней общине грекоязычных евреев, из которой были избраны первые евангелисты и от которой Евангелие распространилось по всей Иудее. Лука писал: “Итак, в те дни, когда число учеников умножилось, греки стали жаловаться (слово "греки" относится к евреям, говорящим по-гречески) на евреев (евреев, родным языком которых был арамейский), потому что их вдовами пренебрегали в ежедневном служении. И, призвав к себе множество учеников, двенадцать сказали: "Нам не подобает оставлять Слово Божье для того, чтобы прислуживать за столами". Поэтому, братья, найдите из своей среды семерых мужей с хорошей репутацией, исполненных Святого Духа и мудрости, которых мы могли бы назначить руководить этим делом; но мы будем постоянно посвящать себя молитве и служению Слова. И это заявление понравилось всему народу; и они избрали Стефана, человека, исполненного веры и Святого Духа; и Филиппа; и Прохора; и Никанора; и Тимона; и Пармена; и Николай, который был прозелитом из Антиохии. И они поставили их перед апостолами; и после молитвы они возложили на них свои руки. И распространилось Слово Божие, и число учеников в Иерусалиме чрезвычайно умножилось, и великое множество священников были послушны вере” (Деяния 6:1-7, перевод наш) [3].

Все семеро из тех, кто был выбран в рассказе Луки, носят греческие имена. Эти эллинизированные Евреи предположительно говорили по-гречески как на своем родном языке, и, вероятно, в большинстве своем были билингвами. В христианской литературе третьего-четвертого веков нашей эры термин *Ελλην* и другие термины, связанные с ним, затем обычно стали означать "языческий". До этого оба термина в первую очередь обозначали безупречное владение греческим языком. Это также дает нам довольно четкий критерий для различия в данном исследовании: "эллинистические" евреи и иудео-христиане – это (в реальном, первоначальном значении этого слова) те, чьим родным языком был греческий, в отличие от евреев в Палестине и в вавилонской диаспоре, которые первоначально говорили по-арамейски. Родной (или основ-

ной) язык Ελληνιστοι это греческий и арамейский языки. Однако эти две разновидности можно встретить в самом Иерусалиме, в еврейской столице Святой земли. Следует помнить, что во времена Иисуса греческий койне существовал уже более трехсот лет и имел свою историю. Уже в третьем веке (до н.э.) в разных частях Палестины можно найти целый ряд свидетельств о греческом как о родном языке, и их число медленно, но неуклонно продолжает увеличиваться. Греческий язык уже давно был распространен не только в бывших филистимлянских или финикийских районах на побережье и (в III веке до н.э.) в греко-македонских городах во внутренних районах, но также (хотя и не столь интенсивно) в районах, заселенных евреями и самаритянами. Хенгель считает, что, поскольку на греческом говорили почти исключительно среди этой группы евреев-эллинистов в Иерусалиме, Иисус и Его апостолы, должно быть, проповедовали им по-гречески: “При жизни Иисуса учение Его также достигло Диаспоры Евреев в Иерусалиме, которые почти все говорили по-гречески; именно из их среды была набрана та группа эллинистов, которая отделилась из-за своего богослужения на греческом языке, и как особая группа в общине приобрела большое значение в Иерусалиме с такой удивительной быстротой. Во всяком случае, вполне вероятно, что перевод частей предания об Иисусе на греческий язык и развитие особой теологической терминологии с такими терминами, как: *αποστολος*, *ευαγγελιον*, *εκκλησια*, *χαρις*, *χαρισμα*, *ο υιος του ανθρωπου* и т.д., должно быть, началось очень рано, возможно, как непосредственное следствие деятельности Иисуса, который также привлекал евреев Диаспоры в Иерусалиме, а не, скажем, десятилетия спустя за пределами Палестины в Антиохии или где-либо еще. Другими словами, корни "иудео-христианской/эллинистической" или, точнее, грекоязычной иудео-христианской общины, в которой послание Иисуса было впервые сформулировано на греческом языке, явно восходят к самой ранней общине в Иерусалиме” [2, p. 18].

Семеро, которые были выбраны представлять евреев-эллинистов в Иерусалимской церкви, стали евангелистами, которые проповедовали евреям-эллинистам в других частях Иудеи. Распространение греческого языка не ограничивалось только Иерусалимом. Таким образом, значительное еврейское население жило в эллинизированных городах прибрежной равнины. Филипп, который принадлежал к группе, окружавшей Стефана, возможно, проповедовал в основном на греческом языке на прибрежной равнине и особенно в Кесарии. То, что греческий был основным языком в этих городах, еще раз подтверждается еврейскими эпитафиями и надписями в синагогах.

Очевидно, что Павел, которого Бог избрал проповедовать язычникам, также говорил по-гречески. Лука записал, что вскоре после обращения Савла он ввязался в спор с грекоязычными евреями Иерусалима (Деяния 9:26-31). В своем послании к Филиппийцам Павел описал себя как “еврея из евреев” (Фил. 3:5). Павел обучался у ног Гамалиила, ведущего раввина того периода еврейской истории, и Павел был вполне способен говорить на иврите с иерусалимскими евреями-фарисеями (Деяния 21:40) [3]. Однако обычно Павел не говорил на иврите. Он не смог бы проповедовать по всей Азии без этого умения говорить по-гречески. Таким образом, записи Нового Завета демонстрируют, что проповедь Евангелия велась почти исключительно на греческом языке.

Литература

1. Новый Завет на греческом языке [Электронный ресурс]. URL: БИБЛИЯ онлайн | Читать, скачать Новый Завет, Ветхий Завет – Греческий перевод (azbyka.ru)
2. Handbook to the Grammar of the Greek Testament; Together with a complete Vocabulary, and an Examination of the Chief New Testament Synonyms (Revised and Improved Edition: 1880), by Samuel Gosnell Green. Publisher: London: The Religious Tract Society, 1880. Addeddate. 2021. [Электронный ресурс]. URL: Handbook to the Grammar of the Greek Testament by Rev. Samuel G. Green, DD: Samuel Gosnell Green: Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive
3. The 'Hellenization' of Judaea in the First Century after Christ ["Эллинизация" Иудеи в первом веке после Христа]. Автор: Martin Hengel (Мартин Хенгель). Издательство: SCM Press. Год: 1989. [Электронный ресурс]. URL: The 'Hellenization' of Judaea in the First Century after Christ (eshkolot.ru)

References

1. Novyj Zavet na grecheskom jazyke [Jelektronnyj resurs]. URL: BIBLIJa onlajn. Chitat', skachat' Novyj Zavet, Vethij Zavet – Grecheskij perevod (azbyka.ru)
2. Handbook to the Grammar of the Greek Testament; Together with a complete Vocabulary, and an Examination of the Chief New Testament Synonyms (Revised and Improved Edition: 1880), by Samuel Gosnell Green. Publisher: London: The Religious Tract Society, 1880. Addeddate. 2021. [Jelektronnyj resurs]. URL: Handbook to the Grammar of the Greek Testament by Rev. Samuel G. Green, DD: Samuel Gosnell Green: Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive
3. The 'Hellenization' of Judaea in the First Century after Christ ["Jellinizacija" Iudei v pervom veke posle Hrista]. Avtor: Martin Hengel (Martin Hengel'). Izdatel'stvo: SCM Press. God: 1989. [Jelektronnyj resurs]. URL: The 'Hellenization' of Judaea in the First Century after Christ (eshkolot.ru)

*Baluta A.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Mikhailov M.K., Postgraduate,
State University of Education*

The history of the study of Koine Greek as the language of the New Testament

Abstract: this article provides a brief overview of the history of the study of Koine Greek as the first language of the New Testament. It is known that the New Testament has come down to us in manuscripts in Koine Greek, which was a common spoken and written language for hundreds of years in Palestine and the Roman Empire until the time of Jesus and His apostles. Greek was the universal language of commerce. This is the language used by Jesus, the apostles, and the early New Testament Church. It has been established that during the New Testament, Greek was spoken not only by the elite of Jerusalem, but also by those who copied manuscripts in scriptoriums, middle-class merchants who ran bazaars, and bankers who served as money changers in the temple. Money exchange, which was concentrated in the temple, and all business transactions in Jerusalem required speaking Greek. It was the language of trade and commerce in all provinces of the Roman Empire, including Palestine. Historical inscriptions indicate that Galilee in the early Christian era was a bilingual society. The spread of the Greek language was not limited only to Jerusalem. Thus, a significant Jewish population lived in the Hellenized cities of the coastal plain. Also, some passages of the text of the New Testament demonstrate that the Gospel was preached almost exclusively in Greek.

Keywords: New Testament, Koine Greek, the early Christian era

For citation: Baluta A.A., Mikhailov M.K. The history of the study of Koine Greek as the language of the New Testament. *Philological Bulletin*. 2023. 2 (3). P. 71 – 77.

Received: May 21, 2023; Revised: July 22, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Илова Е.В., кандидат филологических наук,
Готуалт В.С., кандидат филологических наук,
Календр А.А., кандидат филологических наук,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева*

Лингвопрагматические особенности речи педагога-манипулятора в педагогическом дискурсе (на материале английского языка)

Аннотация: данная статья посвящена анализу прагматических характеристик языковых средств, манифестирующих манипулятивный стиль педагогического общения. В основе работы лежат исследования, посвященные характеристикам основных педагогических стилей общения, которые традиционно в педагогике делятся на демократический, авторитарный, манипулятивный и либеральный. Каждый из выбранных стилей общения характеризуется определенным набором средств речевой манифестации.

Данное исследование является актуальным, поскольку, с одной стороны, наблюдается повышенный интерес лингвистов к исследованию разных аспектов педагогического дискурса, а с другой стороны, педагогические стили общения недостаточно изучены с прагмалингвистической точки зрения, в частности манипулятивный стиль педагогического общения. Было установлено, что речь педагога-манипулятора характеризуется определенным набором средств, манифестирующих воздействие на прагмалингвистическом уровне. Выявлены речевые акты, позволяющие охарактеризовать стиль общения педагогов-манипуляторов.

Материалом исследования послужили оригинальные скрипты американских художественных фильмов «The Ron Clark story. Inspired by the true story of a teacher» 2006, «Freedom writers» 2007, «The Mona Lisa Smile», 2003, а также роман английских писателей Мюриэл Спарк «The prime of Miss Jean Brodie».

Ключевые слова: педагогический дискурс, педагогический стиль общения, педагог-манипулятор, речевой акт, языковая манифестация

Для цитирования: Илова Е.В., Готуалт В.С., Календр А.А. Лингвопрагматические особенности речи педагога-манипулятора в педагогическом дискурсе (на материале английского языка) // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 78 – 83.

Поступила в редакцию: 24 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 26 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Исследование педагогического дискурса повлекло за собой детальное изучение коммуникативных особенностей его непосредственных участников: стилей общения учителя с учениками [5, 8], речевые стратегии учителя на уроке [1, 2, 3].

Стиль обычно является показателем и отражением коммуникативных качеств преподавателя. Именно отношение педагога к его профессиональной деятельности лежит в основе стиля его общения. Традицион-

но в педагогике выделяют демократический, авторитарный и либеральный стили. В лингвистике стиль общения участников педагогического дискурса определяется посредством тональности этого типа общения. Выделяются такие разновидности тональности, как общение-урашение (авторитарный стиль), общение-заигрывание (панибратский стиль), дистанцированное общение (подчеркнуто официальный стиль), общение дружеского расположения (дружеский стиль), общение совместной увлеченности (коллегиальный стиль). Этот список, как можно заметить, построен на разных основаниях, но рациональное зерно в нем состоит в том, что существуют типичные статусно-ролевые позиции учителей, проявляющиеся в педагогическом дискурсе.

В свою очередь были рассмотрены авторитарный и демократический стили общения [4, с. 30]. Однако языковая личность педагога-манипулятора осталась незамеченной.

В ходе работы над практическим материалом нами был выявлен особенности манипуляторного стиля поведения педагога, который также выделяется в педагогике. При внешней кажущейся «демократичности» данный стиль проявляется в скрытой централизации учебного процесса [7, с. 360]. Педагог-манипулятор, пытаясь полно и глубоко понять своих подопечных, стремится к тому, чтобы навязать участникам воспитательного процесса свои цели. От авторитарного стиля отличается тем, что имеет скрытую форму диктата [7, с. 360]. Поведение педагога-манипулятора можно наблюдать у Маргарет Кэмпбелл, завуча школы из кинофильма «Писатели свободы». Являясь яркой противницей методов преподавания главной героини Эрин Груэлл Мисс Кэмпбелл ревностно относится к переходу учащихся в ее класс и прибегает к речевым актам манипулирования в речи, чтобы избежать этой возможности:

You're an honour student. If you transfer to Mrs. Gruwell's class, think how that'll reflect on your records

Сначала Мисс Кэмпбелл прибегает к речевому акту похвалы, употребляя эпитет *honour* в субстантивном атрибутивном словосочетании, а затем переходит к предупреждению, что на грамматическом уровне выражается условным придаточным предложением, что по большей части скрывает в себе имплицитную угрозу.

К основным видам манипулятивного поведения лингвисты как правило относят речевые акты с отрицательным эмоциональным зарядом. Такие как требование, угроза упрек и др. [6, с. 24]. Однако манипулятивное поведение также может быть выражено с помощью нейтральных и даже положительных, с позиции эмоционального окраса, речевых актов таких, как совет или обещание [24].

Олицетворением педагога-манипулятора является главная героиня романа английской писательницы Мюриэл Спар богиня и злой гений шести эдинбургских школьниц, учительница Джин Броуди. Рассмотрим прагмалингвистические особенности ее реплик:

If only you small girls would listen to me I would make of you the crème de la crème.

I am putting old heads on your young shoulders, Miss Brodie had told them at that time, and all my pupils are the crème de la crème.

В данном примере мы имеем дело с речевым актом обещание, который относится к типу комиссивов. Цель его заключается в том, что говорящий принимает обещание выполнить нечто полезное для адресата, на деле лишь обнадеживая его и питая ложными надеждами с единственным желанием получить свою выгоду. На грамматическом уровне речевой акт выражается посредством придаточного условного предложения,

а метафора-заимствование *crème de la crème*, что в переводе с французского обозначает «сливки общества» придает реплики нужный эмоциональный эффект. Использование языка оригинал тоже не случайно – как известно, французы славятся утонченностью, изысканностью и стилем. Употребление лексемы *crème de la crème* позволяет создать у девочек идеальный образ, которому они хотели бы соответствовать.

Директивные речевые акты также характерны для реплик Мисс Броуди. К ним можно отнести просьбу и требование.

- I should like you girls to come to supper tomorrow night, -Miss Brodie said. Make sure you are free.

- The Dramatic Society ... murmured Jenny.

- Send an excuse, – said Miss Brodie. “I have to consult you about a new plot which is afoot to force me to resign. Needless to say, I shall not resign. – She spoke calmly as she always did in spite of her forceful words.

Речевой акт просьба выражается на грамматическом уровне языка за счет употребления аналитической формы *should* в конструкциях с подлежащим первого лица единственного числа передает побудительную семантику. Требование же манифестируется за счет императивных конструкций.

Убедительность требованию придает экстралингвистический контекст, а именно спокойная манера речи, противопоставляемая силе ее слов (*She spoke calmly as she always did in spite of her forceful words*). В данном примере автор оперирует антитезой.

Miss Brodie never discussed her affairs with the other members of the staff, but only with those former pupils whom she had trained up in her confidence...

-It has been suggested again that I should apply for a post at one of the progressive schools, where my methods would be more suited to the system than they are at Blaine. But I shall not apply for a post at a crank school. I shall remain at this education factory. There needs must be a leaven in the lump. Give me a girl at an impressionable age, and she is mine for life.

Речевой акт угрозы выражен в речи Мисс Броуди имплицитно.

Пассивные конструкции в неопределенно-личных предложениях, Джин не называет имен, а также использование сослагательного наклонения для создания эффекта альтернативной ситуации направлено на то, чтобы вызвать у девочек страх потери их любимой наставницы. Вторая часть реплики представляет собой противопоставление первой и выражена таким речевым актом как декларатив. Мисс Броуди провозглашает свое намерение остаться верной тому месту, где, по ее мнению, она столь необходима, остаться верной своим преданным воспитанницам. В коммуникативном плане твердость намерения Мисс Броуди реализуется посредством параллельных конструкций *I shall not apply/ I shall remain*, экспрессивность ее речи придает эпитеты *crank/ impressionable*, а также метафоры *educational factory* свидетельствует о том насколько важна роль учительницы в формировании личности ее учеников.

Императивная конструкция в заключительной реплике и как следствие этого утвердительная конструкция с притяжательным местоимением и семантикой принадлежности отражают ее желание властвовать над умами и сознанием своих воспитанников.

Рассмотрим еще пример директивных речевых актов, манифестируемых посредством императивных конструкций:

Hold up your books, said Miss Brodie quite often that autumn, prop them up in your hands, in case of intruders. If there are any intruders, we are doing our history lesson ... our poetry ... English grammar.

Данный речевой акт содержит предупреждение на случай внештатной ситуацией, выраженный придаточным условия, которое усиливается лексическим повтором метафоры intruder, с семантикой «посторонний, чужой». В данном примере имплицитно делит общество на «своих» и «чужих», в котором «свои» – это девочки из клана Мисс Броуди, объединенные общим делом, идеей, а «чужие», выраженные лексемой «intruders» – нарушители их спокойствия. Таким образом педагог-манипулятор сокращает дистанцию между ним и его подопечными с целью получить возможность, оказывать на них все большее влияние.

Таким образом, манипулятивный стиль общения характеризуется определенным набором средств их речевой манифестации. Маркерами манипулятивного стиля на прагмалингвистическом уровне являются речевые акты, характеризующиеся скрытой формой воздействия. Среди проанализированных речевых актов были выделены директивы (требование, предупреждение, просьба, угроза), комиссивы (обещание). Кроме того, в речи педагога-манипулятора были выявлены речевые акты, употребление которых нацелено на сокращение дистанции между педагогом и собеседником и продиктовано желанием расположить к себе лишь с целью иметь возможность оказывать дальнейшее воздействие. Наиболее часто данные речевые акты вербализуются в языке посредством метафор и эпитетов, что добавляет репликам говорящего экспрессивности, а также широким диапазоном использования сложноподчиненных предложений условного наклонения.

Литература

1. Антонова Н.А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 24 с.
2. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: монография. Горловка: Изд-во ГПШИЯ, 2009. 292 с.
3. Габидуллина А.Р. Педагогическая лингвистика: учебное пособие. Горловка: Горловск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 2011. 195 с.
4. Горбачева Е.Н., Прокофьева А.С., Труханова А.Д. Прагмалингвистические характеристики коммуникативного поведения обучающихся (на примере англоязычного педагогического дискурса) // Современное педагогическое образование. 2021. № 12. С. 191 – 195.
5. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3 – 17.
6. Лазебная И.Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Белгород, 2007. 24 с.
7. Подлиняев О.Л., Иванов С.Е. Стиль педагогического общения и проблемы его классификации // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 359 – 362.
8. Цинкерман Т.Н. Лингвопрагматическая специфика стилей общения в англоязычном воспитательном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 22 с.

References

1. Antonova N.A. Pedagogičeskij diskurs: rechevoe povedenie učitelja na uroke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2007. 24 s.
2. Gabidullina A.R. Učebno-pedagogičeskij diskurs: monografija. Gorlovka: Izd-vo GGPIIJa, 2009. 292 s.
3. Gabidullina A.R. Pedagogičeskaja lingvistika: učebnoe posobie. Gorlovka: Gorlovsk. gos. ped. in-t inostr. jaz., 2011. 195 s.
4. Gorbacheva E.N., Prokof'eva A.S., Truhanova A.D. Pragmalingvističeskie harakteristiki kommunikativnogo povedenija obučajušhihsja (na primere anglojazыchnogo pedagogičeskogo diskursa). Sovremennoe pedagogičeskoe obrazovanie. 2021. № 12. S. 191 – 195.
5. Karasik V.I. Harakteristiki pedagogičeskogo diskursa. Jazykovaja ličnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 1999. S. 3 – 17.
6. Lazebnaja I.B. Osobnosti vyražhenija rechevoj agresii v sovremennom anglijskom jazyke: Avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Belgorod, 2007. 24 s.
7. Podlinjaev O.L., Ivanov S.E. Stil' pedagogičeskogo obshhenija i problemy ego klassifikacii. Molodoj učenij. 2018. № 50 (236). S. 359 – 362.
8. Cinkerman T.N. Lingvopragmatičeskaja specifika stilej obshhenija v anglojazыchnom vospitatel'nom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014. 22 s.

*Ilova E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Gotualt V.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kalendr A.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Astrakhan State Tatishchev University*

**Linguistic and pragmatic features of the speech of a teacher – manipulator
in pedagogical discourse (based on the material of the English language)**

Abstract: this article is devoted to the analysis of the pragmatic characteristics of language means that manifest the manipulative style of pedagogical communication. The work is based on studies devoted to the characteristics of the main pedagogical styles of communication, which are traditionally divided in pedagogy into democratic, authoritarian, manipulative and liberal. Each of the chosen communication styles is characterized by a certain set of means of speech manifestation.

This study is relevant, because, on the one hand, there is an increased interest of linguists in the study of various aspects of pedagogical discourse, and on the other hand, pedagogical communication styles are not sufficiently studied from a pragmalinguistic point of view, in particular, the manipulative style of pedagogical communication. It was found that the speech of the manipulator teacher is characterized by a certain set of means that manifest the impact at the pragmalinguistic level. Speech acts have been identified that make it possible to characterize this style of communication of teachers.

The material of the study was the original scripts of American feature films “The Ron Clark story. Inspired by the true story of a teacher” 2006, "Freedom writers" 2007, "The Mona Lisa Smile", 2003, as well as the novel by English writers Muriel Spark "The prime of Miss Jean Brodie".

Keywords: pedagogical discourse, pedagogical style of communication, teacher-manipulator, speech act, language manifestation

For citation: Ilova E.V., Gotualt V.S., Kalendr A.A. Linguistic and pragmatic features of the speech of a teacher – manipulator in pedagogical discourse (based on the material of the English language). Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 78 – 83.

Received: May 24, 2023; Revised: July 26, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Абдуллаева Самира Али,
Азербайджанский государственный аграрный университет, Азербайджан,
Гаджиева Сабина Мубариз,
Гянджинский государственный университет, Азербайджан*

Философия лингвистики

Аннотация: философия языкознания – это философия науки применительно к лингвистике. Это резко отличает ее от философии языка, традиционно занимающейся вопросами значения и референции.

Как и в философии других специальных наук, существуют общие темы, относящиеся к таким вопросам, как методология и объяснение (например, статус статистических объяснений в психологии и социологии или соотношение физики и химии в философии химии), а также более конкретные философские вопросы, которые возникают в рассматриваемой специальной науке (одновременность для философии физики; индивидуализация видов и экосистем для философии биологии). К общим темам первого типа в философии языкознания относятся:

Каков предмет,

Каковы теоретические цели,

Какую форму должны принимать теории и

Что считается данными.

Конкретные темы включают вопросы изучения языка, изменения языка, различия между компетентностью и эффективностью, а также выразительную силу лингвистических теорий.

Ключевые слова: языкознания, экстернализм, эмерджентизм, эссенциализм, философия языка

Для цитирования: Абдуллаева Самира Али, Гаджиева Сабина Мубариз Философия лингвистики // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 84 – 91.

Поступила в редакцию: 15 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Есть также темы, которые лежат на границе между философией языка и философией лингвистики: «лингвистическая относительность», язык против идиолекта, речевые акты (включая различие между локутивными, иллюкутивными и перлокутивными актами), язык мысли, имплицатура и семантика психических состояний. В этих случаях классификацию часто определяет тип данного ответа, а не природа самой темы. Темы, которые, по нашему мнению, больше относятся к философии языка, чем к философии лингвистики, включают интенциональные контексты, прямую ссылку и пустые имена.

1. Три подхода к лингвистическому теоретизированию: Экстернализм, Эмерджентизм и Эссенциализм

Вопросы, которые мы обсуждаем, обсуждались энергично, а иногда и яростно. Некоторые из вовлеченных людей имели знаменитые обмены мнениями в лингвистических журналах, популярной прессе и на общественных форумах. Чтобы понять острые разногласия между сторонниками этих подходов, возможно, будет полезно иметь перед собой набросок действующих лиц, даже если он, несомненно, является чрезмерным упрощением.

Мы видим три тенденции или фокуса, разделенные по тому, что они считают предметом изучения, подходом, который они отстаивают для его изучения, и тем, что они считают объяснением. Мы их грубо охарактеризуем в табл. 1.

Таблица 1

Три подхода к изучению языка

	Экстернализм	Эмерджентизм	Эссенциализм
<i>Первичные явления</i>	Реальные высказывания, произведенные пользователями языка	Факты социального познания, взаимодействия и общения	Интуиция грамматики и буквального значения
<i>Основной предмет</i>	Использование языка; структурные свойства выражений и языков	Лингвистическое общество, познание, вариации и изменения	Абстрактные универсальные принципы, объясняющие свойства конкретных языков.
<i>Цель</i>	Описывать структуру и взаимосвязи подтвержденных выражений, а также прогнозировать свойства непроверенных выражений.	Объяснять структурные свойства языков с точки зрения общих когнитивных механизмов и коммуникативных функций.	Сформулировать универсальные принципы и дать объяснения глубоким и межлингвистически постоянным языковым свойствам.
<i>Лингвистическая структура</i>	Системные конструкции, отличающиеся от устойчивых идиоматических фраз до степени абстрактных продуктивных типов.	Системные конструкции, различающиеся от устойчивых идиоматических фраз до крайне абстрактных продуктивных типов.	Система абстрактных условий, которые могут быть неочевидны из-за опыта типичного использования языка.
<i>Ценности</i>	Точное моделирование языковой формы, согласующееся с эмпирическими данными и позволяющее прогнозировать неучтенные случаи.	Когнитивные, культурные, исторические и эволюционные объяснения явлений, обнаруженных в системах языковой коммуникации.	В высшей степени абстрактные, охватывающие законы объяснения свойств языка, выведенные из лингвистической интуиции.

Продолжение таблицы 1

<i>Детский язык</i>	Зарождающаяся форма языка, сильно отличающаяся от языковой компетенции взрослых.	Ряд стадий онтогенетического процесса развития коммуникативной компетенции взрослых	Очень похожа на языковую компетентность взрослых, хотя и скрыта когнитивными, артикуляционными и лексическими ограничениями
<i>Что приобретается</i>	В основном конвенциональная и культурно передаваемая система языковой коммуникации.	В основном конвенциональная и культурно передаваемая система языковой коммуникации.	Внутренний генеративный механизм, характеризующий бесконечное множество выражений.

В рамках любого из этих подходов можно реализовать широкий и разнообразный спектр различных исследовательских проектов; один сторонник может быть более мотивирован некоторыми частями всего проекта, чем другие. Поэтому тенденции не следует воспринимать как остро отточенные, хорошо разработанные исследовательские программы или теории. Скорее, они создают предпосылки для развития конкретных исследовательских программ – предубеждения, которые иногда перерастают в идеологические позиции или полемические программы или приводят к выделению новых специальностей в отдельные журналы. По мнению Филлипса (2010), «диалог между приверженцами разных подходов встречается тревожно редко».

Имена, которые мы дали этим подходам, – это просто мнемонические теги, а не описания. Экстерналистов, например, вполне можно было бы назвать «структурными дескриптивистами», поскольку они, как правило, особенно озабочены разработкой моделей, которые можно использовать для прогнозирования структуры выражений естественного языка. Эссенциалисты уже давно называют экстерналистов «эмпириками» (а иногда экстерналисты применяют этот термин к себе), хотя это и вводит в заблуждение: термин «эмпирик» сопровождается обвинением в отрицании роли предубеждений, связанных с обучением, в овладении языком, но это не является частью кредо экстерналистов.

Эссенциалисты также иногда называют эмерджентистов «эмпириками», но они либо используют для себя ярлык эмергентистов, либо называют себя лингвистами, «ориентированными на использование» (Barlow and Kemmer 2002, Томаселло 2003) или «строительные грамматики» (Гольдберг 1995, Крофт 2001). Ньюмейер, как и Томаселло, называет эссенциалистов «формалистами» из-за их склонности использовать абстракции и инструменты математики и логики.

Несмотря на эти терминологические несоответствия, мы можем посмотреть, что типичные представители каждого подхода сказали бы о своем видении лингвистической науки и что они говорят об альтернативах. Многие из основных различий между этими подходами зависят от того, что сторонники считают основным проектом лингвистического теоретизирования и что они считают удовлетворительным объяснением.

Многие исследователи – а возможно, и большинство – смешивают элементы каждого из трех подходов. Например, если эмерджентисты хотят объяснить синтаксическую структуру выражений, апеллируя к фактам о природе использования символов в человеческом общении, то они предполагают большую работу экстерналистов по описанию языковых моделей, а также тех экстерналистов, которые работают над Системы вычислительного анализа часто используют (по крайней мере, в качестве отправной точки) системы правил и «структурные» шаблоны, разработанные эссенциалистами. Конечно, нет никаких логических препятствий для исследователя с одной тенденцией одновременно заниматься другой; эти подходы являются лишь общими центрами внимания.

Экстерналисты

Если предположить вместе с экстерналистами, что главная цель лингвистической теории состоит в разработке точных моделей структурных свойств речевых звуков, слов, фраз и других языковых единиц, то к явно привилегированной информации будут относиться корпуса (письменные и устный) – совокупность подтвержденного и зафиксированного использования языка (должным образом идеализированного). Цель состоит в том, чтобы описать, как эти публичные записи демонстрируют определенные (возможно, нефеноменальные) закономерности, которые можно спрогнозировать.

Американская структурная лингвистика 1920-1950-х годов выступала за разработку методов использования корпусов в качестве основы для разработки структурных описаний естественных языков, хотя такая работа была практически невозможна до тех пор, пока не появилась широкая доступность дешевых, мощных и быстрых компьютеров. Андре Мартине (1960: 1) отмечает, что одно из основных предположений структуралистских подходов к лингвистике заключается в том, что «ничто не может быть названо «лингвистическим», что не проявляется или не проявляется тем или иным образом между ртом говорящего и ушами говорящего». слушатель». Однако он тут же отмечает, что «это предположение не означает, что лингвисты должны ограничивать свою область исследований звуковой частью процесса коммуникации – речь можно интерпретировать только как таковую, а не как шум, потому что она означает нечто иное, чем речь».

Американские структуралисты, в частности Леонард Блумфилд, подвергались нападкам, иногда законным, а иногда и нелегитимным, со стороны определенных фракций эссенциалистской традиции. Например, возможно, было оправданно критиковать Блумфилда за принятие номиналистической онтологии, популяризированной логическими эмпириками. Но позже он подвергся нападкам со стороны эссенциалистов за то, что придерживался антименталистских взглядов на лингвистику, хотя можно утверждать, что его фактическая точка зрения заключалась в том, что наука лингвистика не должна связывать себя какой-либо конкретной психологической теорией.

Экстернализм продолжает процветать в компьютерной лингвистике, где американская структуралистская концепция изучения языка посредством автоматического анализа корпусов переживает возрождение, а очень большие корпуса, доступные для компьютерного поиска, используются для проверки гипотез о структуре языков.

Эмерджентисты

Эмерджентисты стремятся объяснить способность к языку с точки зрения нелингвистических человеческих способностей: мышления, общения и взаимодействия. Эдвард Сепир выразил характерную тему эмерджентизма, когда написал:

Язык – это, прежде всего, культурный или социальный продукт, и его следует понимать как таковой... Особенно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют, и обвиняют справедливо, в неспособности выйти за рамки красивых моделей своего предмета, осознали, что их наука может означать интерпретацию человеческого поведения в целом (Сапир 1929: 214).

Высмеиваемые здесь «красивые закономерности» характерны для структуралистского анализа. Социолингвистика, гораздо более близкая по духу проекту Сапира, изучает влияние социальной и языковой структуры друг на друга. Одно особенно влиятельное исследование, Лабов, изучает влияние социального класса на языковое разнообразие. Другие социолингвисты исследуют связь между статусом внутри группы по лингвистическим инновациям. Этот интерес к вариациям внутри языков характерен для эмерджентистских подходов к изучению языка.

Другой вид эмерджентистов, например Томаселло (2003), будет подчеркивать роль теории разума и способности использовать символы для изменения психических состояний представителей своего вида как уникальных человеческих преадаптаций для освоения, использования и изобретения языка. МакУинни (2005) стремится объяснить лингвистические явления (такие как структура фраз и ограничения на зависимость на расстоянии) с точки зрения того, как разговор способствует точному отслеживанию информации и переключению перспективы.

Функционалистские исследовательские программы обычно соответствуют широкой тенденции подходить к изучению языка как эмерджентистский. По словам одного из сторонников:

Функционалистский взгляд на язык [представляет собой] систему коммуникативного социального взаимодействия... С этой точки зрения синтаксис не является радикально произвольным, а, скорее, относительно мотивирован семантическими, прагматическими и когнитивными проблемами.

По словам Рассы Томлина, лингвиста, придерживающегося функционалистского подхода:

Синтаксис не является автономным от семантики или прагматики... отказ от автономии проистекает из наблюдения, что использование определенных грамматических форм тесно связано, даже детерминировано, с наличием определенных семантических или прагматических функций в дискурсе.

Идея о том, что языковая форма автономна, а точнее, что синтаксическая форма (а не, скажем, фонологическая форма) автономна, является характерной темой эссенциалистов. А утверждения Ван Валина и Томлина о том, что синтаксис не является независимым от семантики и прагматики, могут побудить некоторых думать, что эмерджентизм и эссенциализм логически несовместимы. Но это было бы ошибкой, поскольку существует большое количество безэквивалентной автономии форм тезисов.

Даже в контексте попытки объяснить, что такое тезис автономии, Ньюмейер (1991: 3) говорит о пяти формулировках тезиса, каждую из которых можно найти в трудах некоторых эссенциалистов, не осознавая (очевидно), что они не являются эквивалент. Одним из них является относительно сильное утверждение,

что центральные свойства языковой формы не должны определяться с существенной ссылкой на «концепции вне системы», что предполагает, что никакие примитивы в лингвистике не могут быть определены в психологических или биологических терминах. Другой считает автономию формы нормативным утверждением: лингвистические понятия не следует определять или характеризовать в терминах неязыковых понятий. Третья и четвёртая версии являются онтологическими: одна отрицает необходимость онтологической редукции центральных языковых концептов к неязыковым, другая отрицает, что это возможно. А в пятой версии автономия синтаксиса используется для того, чтобы отрицать возможность объяснения синтаксических структур с точки зрения значений или дискурсивных функций.

Для каждой из этих версий автономии есть эссенциалисты, которые с ней согласны. Вероятно, парадигматический эссенциалист согласен со всеми ними. Но эмерджентистам не обязательно соглашаться со всеми ними. Парадигматические функционалисты, такие как Томлин, Ван Валин и МакУинни, могли бы в принципе считать, что объяснение синтаксической формы, например, в конечном итоге будет осуществляться с точки зрения дискурсивных функций и семантики, но при этом признать, что синтаксические категории не могут быть сведены к нелингвистическим.

Эссенциалисты

Если Леонард Блумфилд – интеллектуальный предок экстернализма, а Сапир – отец эмерджентизма, то Ноам Хомский – интеллектуальный предок эссенциализма. Исследователь с преимущественно эссенциалистскими наклонностями стремится выявить внутренние свойства языка, которые делают его таким, какой он есть. Для подавляющего большинства практиков этого подхода – исследователей традиции порождающей грамматики, связанной с Хомским, – это означает постулирование универсалий человеческой языковой структуры, неизученных, но молчаливо известных, которые позволяют детям овладевать человеческими языками и помогают им овладевать ими. Этот генеративный эссенциализм предпочитает находить удивительные характеристики языков, которые нельзя вывести из данных об использовании и которые невозможно предсказать с помощью человеческого познания или требований общения.

Вместо того, чтобы впечатляться языковыми вариациями, как эмергентистов и многих экстерналистов, генеративные эссенциалисты чрезвычайно впечатлены идеей о том, что очень маленькие дети практически любого уровня интеллекта и практически любого социального воспитания овладевают языком с одинаково высокой степенью мастерства. Из этого делается вывод, что должны быть неизученные особенности, общие для всех языков, которые каким-то образом помогают в овладении языком.

Большое количество современных эссенциалистов, которые следуют учению Хомского по этому вопросу, утверждают, что семантика и прагматика не являются центральной частью изучения языка. По мнению Хомского, «возможно, что естественный язык имеет только синтаксис и прагматику» (Хомский 1995: 26); то есть только «интерналистские вычисления и производительные системы, которые имеют к ним доступ»; семантические теории – это просто «часть уровня интерфейса» или «форма синтаксиса».

Таким образом, в то время как Блумфилд понимал, что это разумное практическое решение отнести семантику к какой-либо области, отличной от лингвистики, из-за неразвитости семантических исследований, Хомский, похоже, думает, что семантика в ее стандартном понимании не является частью сущности языко-

вой способности в школе. все. (В общих чертах, это исключение семантики из лингвистики согласуется с точкой зрения Сепира, согласно которой форма является языковой, а содержание – культурной.)

Хотя Хомский в своем подходе к изучению языка является эссенциалистом, исключение семантики как центральной части лингвистической теории явно не следует из лингвистического эссенциализма. Сегодня многие эссенциалисты считают, что семантика является компонентом полноценной лингвистической теории.

Например, многие лингвисты сегодня интересуются интерфейсом синтаксиса и семантики – взаимосвязью между поверхностной синтаксической структурой предложений и их семантической интерпретацией. Эта область интересов вообще совершенно чужда философам, которые в первую очередь занимаются только семантикой, и она также выходит за рамки синтаксоцентрического кругозора Хомского. Лингвисты, работающие над семантикой, предложенной Монтегю (1974), безусловно, сосредотачивают внимание на существенных особенностях языка (большинство их открытий, по-видимому, имеют универсальное значение, а не ограничиваются семантическими правилами конкретных языков). Полезные работы, к которым стоит обратиться, чтобы получить представление о современном стиле исследования интерфейса синтаксиса-семантики, включают Partee (1975), Jacobson (1996), Szabolcsi (1997), Chierchia (1998), Steedman (2000).

Литература

1. Adger David Core Syntax: A Minimalist Approach, New York: Oxford University Press. 2003.
2. Bickerton Derek Language evolution: A brief guide for linguists” // *Lingua*. 2007. № 117. P. 510 – 526.
3. Culicover Peter W., Jackendoff Ray S. Quantitative methods alone are not enough: Response to Gibson and Fedorenko // *Trends in Cognitive Science*. 2010. № 14 (6). P. 234 – 235.
4. Haspelmath Martin The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // *Folia Linguistica*. 2011. № 45 (1). P. 31 – 80.
5. Mallory Fintan Linguistic types are capacity-individuated action-types // *Inquiry*. 2020. № 63 (9-10). P. 1123 – 1148.

References

1. Adger David Core Syntax: A Minimalist Approach, New York: Oxford University Press. 2003.
2. Bickerton Derek Language evolution: A brief guide for linguists”. *Lingua*. 2007. № 117. P. 510 – 526.
3. Culicover Peter W., Jackendoff Ray S. Quantitative methods alone are not enough: Response to Gibson and Fedorenko. *Trends in Cognitive Science*. 2010. № 14 (6). P. 234 – 235.
4. Haspelmath Martin The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*. 2011. № 45 (1). P. 31 – 80.
5. Mallory Fintan Linguistic types are capacity-individuated action-types. *Inquiry*. 2020. № 63 (9-10). P. 1123 – 1148.

Abdullayeva Samira Ali,
Azerbaijan State Agrarian University, Azerbaijan,
Gadzhiyeva Sabina Mubariz,
Ganja State University, Azerbaijan

Philosophy of linguistics

Abstract: the philosophy of linguistics is the philosophy of science in relation to linguistics. This sharply distinguishes it from the philosophy of language, which traditionally deals with issues of meaning and reference.

As in the philosophy of other special sciences, there are general topics related to issues such as methodology and explanation (for example, the status of statistical explanations in psychology and sociology or the relationship of physics and chemistry in the philosophy of chemistry), as well as more specific philosophical issues. which arise in the special science under consideration (simultaneity for the philosophy of physics; individualization of species and ecosystems for the philosophy of biology). The general topics of the first type in the philosophy of linguistics include:

What is the subject,

What are the theoretical goals,

What form should theories and

What counts as data.

Specific topics include language learning, language change, differences between competence and effectiveness, and the expressive power of linguistic theories.

Keywords: linguistics, externalism, emergence, essentialism, philosophy of language

For citation: Abdullayeva Samira Ali, Gadzhiyeva Sabina Mubariz Philosophy of linguistics. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 84 – 91.

Received: June 15, 2023; Revised: August 17, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Черкасова И.П., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)*

**Лингвоаксиологические характеристики поэтического метасмысла
«ангел» в творчестве М.И. Цветаевой и Р.М. Рильке**

Аннотация: статья посвящена изучению репрезентации метасмысла «ангел» в поэтическом дискурсе, который рассматривается как сложное образование, аксиологическая система, обладающая определенной функциональной перспективой. Поэзия формирует метасмысловой континуум, базирующийся на палитре контекстуальной многозначности слова и философском содержании бытийных смыслов в соответствии с характером и своеобразием материальной, духовной и социальной культуры, в тесной связи с лингвистическими и прагматическими составляющими. Структурно-семантическая организация поэтического текста как стройного гармоничного целого опирается на аксиологические доминанты индивидуально-авторского поэтического мира. Текст иерархичен по своей сути, и «ангел» появляется на разных уровнях внутренней структуры, определяя тем самым смысловое наполнение текста. Обосновывается возможность рассмотрения «ангела» как метасмысла, аксиологической доминанты, наполняющейся многогранным смысловым содержанием в зависимости от особенностей культуры и рефлексивной реальности личности автора. Выявлены смыслы, в совокупности образующие метасмысл. Способствуя формированию специфического процесса и результата осмысления непосредственного концептуального смысла каждого стихотворения, «ангел» одновременно предстает как отдельный неповторимый феномен авторского мира и диалогического поэтического пространства в целом. В поэтическом контексте «ангел» содействует формированию специфических координат индивидуально-авторского поэтического мира, включающих сопряжение вертикальной плоскости и исторической перспективы. Метасмысловое пространство «ангела» М.И. Цветаевой и Р.М. Рильке при всей уникальности и неповторимости обнаруживает общие черты. Приведенные примеры иллюстрируют освещаемые утверждения. Анализ проводился с помощью контекстуального и лингвогерменевтического методов. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных результатов в курсах теории дискурса, стилистики, интерпретации текстов.

Ключевые слова: ангел, поэзия, аксиология, мышление, образ, смысл, метасмысл, текст

Для цитирования: Черкасова И.П. Лингвоаксиологические характеристики поэтического метасмысла «ангел» в творчестве М.И. Цветаевой и Р.М. Рильке // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 92 – 103.

Поступила в редакцию: 15 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Интегративные парадигмы современного научного познания и диалогическое пространство мышления, определяемые аксиологическими приоритетами бытия, вновь и вновь заставляют исследователей обращаться к комплексному рассмотрению явлений с точки зрения отношения языка к действительности. В данной связи лингвоконцептология и когнитивная лингвистика, теория дискурса и филологическая герменевтика нацелены на изучение аксиологических оснований, формирующих дискурсивные пространства, отражающие мировые процессы и одновременно воздействующие на них.

Поэзия, формирующая метасмысловой континуум, базирующийся на палитре контекстуальной многозначности слова, образует статичное пространство, апеллирующее к вечности и всеобщности взаимосвязей и взаимопроникновений на основе уникальных и всеобщих ценностей бытия. Прежде всего, поэзия рассматривается как уникальный вид искусства (А.А. Потебня, Ю.М. Лотман, В.М. Жирмунский, Р. Якобсон, К.Э. Штайн и др.), парадоксальный феномен [10, с. 35-36], обладающий специфическим языком. Поэтический текст, как отмечает А.А. Потебня, демонстрирует особый способ мышления, предполагающий сгущение мысли [11, с. 74, 211], понимание которой оказывается возможным только в мире дискурса [21, с. 81]. Изучение полифонии смыслового континуума многоаспектного текста зачастую требует междисциплинарного подхода, учитывающего опыт литературоведения, структурной и аксиологической лингвистики, семиотики, филологической и философской герменевтики и др.

В.И. Карасик высказывает мнение о том, что поиск аксиологических координат культуры является достаточно сложной задачей культурологии; в качестве аксиологических координат, релевантных для понимания специфики русской ментальности, автор называет противопоставление земного и небесного миров, смеха и плача, мнимого и действительного, закона и благодати [7, с. 199-200], что, пожалуй, характеризует поэтическое мышление в целом. В данной связи представляются важными идеи И.В. Фоменко, акцентирующего внимание на ключевых словах, обладающих количественными и качественными характеристиками и определяющих процессы смыслообразования, и ключевых понятиях, актуализирующихся в сознании читателя как концепты [12, с. 50-51], которые находятся в тесной взаимосвязи и формируют основу аксиологической системы авторской картины мира.

Одним из ключевых слов/понятий художественного пространства выступает в поэтическом контексте *ангел*, сохраняющий тесную связь с религиозным дискурсом в целом, но приобретающий дополнительную специфическую совокупность смыслов, обусловленную органичной целостностью литературного произведения, проникнутого эмоциями и читательской рефлексией. Вербальный и ментальный контексты в совокупности с процессами кристаллизации определяют формирование сложных смыслов, предполагающих перерастание коммуникативной ситуации в относящееся к миру культуры коммуникативное событие [8, с. 13]. В этой связи поэтическое искусство зачастую требует глубинного понимания, являющегося результатом интерпретации как искусства истолкования [4, 20], учитывающего как интерпретации поэтом собственного творчества (метапоэтические тексты) [19, с. 32], так и способность толкователя, согласно формулировке, которую приводит Е.Н. Шульга, «понимать автора лучше, чем он понимал себя сам» [20, с. 55-56], т.е. находить в тексте дополнительные смыслы и интертекстуальные связи. Контекстуальные смыслы, взаимодействуя и кристаллизуясь, образуют сложные метасмыслы, трактуемые как «знания о совокупно

усматриваемых частных смыслах, наращиваемых и/или растягиваемых в процессе» [4] в пространстве индивидуально-авторского мира, диалогического пространства «автор/текст – читатель», художественного метaprостранства определенного исторического периода.

Несмотря на обширную библиографию, включающую значительное количество научных работ, посвященных творчеству М.И. Цветаевой (В.Г. Адмони, В.Ю. Александров, Н.Г. Бабенко, Т. Венцлова, М.Л. Гаспаров, Л.В. Зубова, Ю.М. Каган, О.А. Клинг, Е.Л. Кудрявцева, Е.Л. Лаврова, Н.О. Осипова, О.Г. Ревзина, Е. Эткинд и др.) и Р.М. Рильке (В.Г. Адмони, К.М. Азадовский, В.Н. Ахтырская, А.Г. Березена, Т.П. Гуляева, Г.М. Засеева, Н.С. Литвинец, Е.А. Лысенкова, М. Рудницкий и др.), ангел как поэтический метасмысл и художественный концепт не получил достаточного освещения. Мы попытались выявить наиболее частотные смыслы, формирующие совокупный метасмысл, выступающий в творчестве М.И. Цветаевой и Р.М. Рильке как одна из авторских аксиологических доминант поэтического мира, а также установить инвариантную составляющую метасмыслового пространства художественного мира поэтов. Изучение в данном ключе представляется интересным в связи со знаковостью творчества данных авторов в свете отражения основных тенденций мировой культуры и воздействия на мировую литературу. Так, В. Адмони констатирует, что «по Марине Цветаевой, по ее стихам, можно понять, что же это такое – поэзия XX века. Поэзия не только русская, но и мировая» в ее неразрывности с прошлыми столетиями и чертами, демонстрирующими ее как новую, необыкновенную [1, с. 17]. В свою очередь, А.И. Демченко, рассуждая о творчестве Р.М. Рильке, справедливо называет его «гражданином мира» в связи с тем, что поэт провел детство и юность в Праге, затем жил в Берлине, Париже, Швейцарии, бывал в России, писал стихи на немецком, французском, итальянском и русском языках [6, с. 21].

Текст иерархичен по своей сути, и *ангел* появляется на разных уровнях внутренней структуры, определяя тем самым смысловое наполнение текста. Способствуя формированию специфического процесса и результата осмысления непосредственного концептуального смысла каждого стихотворения, *ангел* одновременно предстает как отдельный неповторимый феномен авторского мира и диалогического поэтического пространства в целом. В первую очередь, следует назвать строки, апеллирующие к религиозным контекстам, аллюзии, позволяющие рассматривать человеческие отношения в свете божественного дара, демонстрирующие искренность и трепетность чувств:

*Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор [14, с. 123].*

Параллелизм благоприятствует, с одной стороны, акцентированию идеи райской гармонии и покоя, а с другой – актуализации беспокойной сущности поэтической души.

В поэтическом контексте *ангел* (*архангел*) способствует формированию специфических координат поэтического мира, включающих сопряжение вертикальной плоскости (высокий – низкий, небо – земля) и исторической перспективы (сиюминутный – вечный):

С архангельской высоты седла

Евангельские творить дела [15, с. 40].

Как часть метасмысловой дихотомии «Добро – Зло» (белый – черный), *ангел* предстает царящим во Вселенной, где *Белый полк* (*Ангел, Белизна, Белый храм, Бледный праведник*) с *Господином* во главе, всегда выходит победителем:

Белизна – угроза Черноте.

Белый храм грозит гробам и грому.

Бледный праведник грозит Содому

Не мечом – а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!

Чан крестильный! Веице седины!

Червь и чернь узнают Господина

По цветку, цветущему из рук.

Только агнца убоится – волк,

Только ангелу сдается крепость.

Торжество – в подвалах и в вертепах!

И взойдет в Столицу – Белый полк! [14, с. 410]

Параллелизм и анафора выступают как фоновое усиление и актуализация антитезы *белый – черный*, апеллирующей к концептуальным смыслам *добро-зло*. Аллитерационные соединения *червь и чернь, цветку, цветущему* активизируют идею победы *добра* над *злом*. В данной связи, как отмечал Ю.М. Лотман, возникновение художественного эффекта основывается на сопоставлении текста с комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений [10, с. 24-25]. *Ангел* в контексте характеризуется как сила и несокрушимость совершенства, символ абсолютного всепобеждающего добра, абстракция духовного света.

Д.С. Лихачев, размышляя о культуре, пишет о сакральности поэзии, которая пришла на смену молитве, сохраняя молитвенное прошлое и «высокий настрой» [9, с. 357]. Поэтический *ангел* Цветаевой соединяет миры посредством поэтической молитвы: прошлое и настоящее, мир земной и пространство небесное. Божественной предстает материнская любовь к детям, априори готовая к жертвенности, реализуемая в стихотворных строках, восходящих к молитвенному дискурсу:

Сохрани

Дочку голубоглазую!

В светлой мудрости

Просвети, направь

По утерянному пути – Блага.

Дай здоровья ей,

К изголовью ей

Отлелевшего от меня

Приставь – Ангела [14, с. 263].

Как справедливо отмечает Э.М. Афанасьева, в соответствии с традицией молитвенного дискурса происходит воссоздание особого типа взаимоотношений между молящимся и сакральным источником бытия, лирическая традиция с опорой на религиозную «осваивает просительную и благодарственную природу молитвословий», при этом устанавливается иерархия ценностей между жизнью человека и законами мироздания [3, с. 819]. Разрыв грамматических единств, резкие ударные переносы, глагольные формы, синтаксические средства дополнительно усиливают как идею зова, просьбы, так и акцентуацию идеи помощи и защиты.

Ангел выступает как символ взаимоотношений в семье, семейной любви, заботы и защиты:

*«Если хочешь ты папе советом помочь»,
Шепчет папа любимице-дочке,
«Будут целую ночь, будут целую ночь
Над тобою летать **ангелочки**» [14, с. 105].*

Ангел олицетворяет божественное совершенство окружающего мира природы, автор проводит мысль о его неразрывном единстве с миром небесным посредством параллелизма и фольклорных мотивов:

*И ладанное облако углы
Уньлой обволакивает ризой,
И яблони – **что ангелы** – белы,
И голуби на них – **что ладан** – сизы [14, с. 265].*

Поэтический дар М. Цветаева преподносит как особый мир, одновременно сопричастный земному и ангельскому:

*Не сердись, мой Ангел Божий,
Если **правда** выйдет ложью.
Встречный ветер не допрашивают,
Правды с соловья не спрашивают [14, с. 474].*

Дихотомия «*правда-ложь*» разрешается путем повтора лексической единицы «*правда*», характеризующей первостепенную роль права поэтического пространства репрезентации духовного мира поэта. М.В. Цветкова называет мотив избранности поэта одним из центральных в творчестве М.В. Цветаевой, при этом, суть творчества предстает неоднозначной, дуальная природа творческого процесса, по мнению исследователя, «даёт Цветаевой одновременное ощущение своей греховности и невинности», представляющей в поэтических произведениях переплетение творчества с любовью [18, с. 140].

Ангел выступает олицетворением духовного полета, выраженного в поэтическом слове. Говоря об Александре Блоке или Анне Ахматовой, М. Цветаева неизменно обращается к образу ангела:

*Нечеловечески мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то [14, с. 305].*

Архангелом-тяжелоступом называет она В. Маяковского:

*Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир [15, с. 54].*

Динамичная гармония [1] поэзии М. Цветаевой, базирующаяся на разрыве грамматических единств, отсутствии глаголов, резких ударных переносах, формирует эмоционально-экспрессивное поэтическое пространство текста, нацеленное на репрезентацию поэтической языковой личности, отчасти сопричастной божественному совершенству ангела. В данном контексте использование лексической единицы *ангел* добавляет оценочное значение, эквивалентное, по сути, превосходной степени.

Ангелы (посланники Бога), природа, поэзия и любовь формируют пространство духовного бытия человека:

*Оперением зим
Овевающий шаг наш валок – Херувим
Марий годовалых! [15, с. 169]*

Сложная взаимосвязь между земным и духовным миром, основанным на любви, представлена в пьесе «Каменный ангел». Находясь в сильной позиции (заголовок), *ангел* являет собой ключевую доминанту текста.

Ангел рассматривается как символ женской веры, надежды и спасения вне зависимости от происхождения и уровня достатка

*Пресветлый ангел! Я твоя раба,
Пресветлый ангел, речь моя груба,
Румянец груб, и голос груб, и смех.
Но ты ведь ангел — и вода для всех [15, с. 418].*

Посредством повтора и параллелизма получает репрезентацию дихотомия любви земной и небесной:

*Кто земное божество
Возлюбил, кому небесный
Ангел снился – тот любить
Земнородного не может.
Роза, здесь тебе не цвести!
Слушай Ангельскую Весть [16, с. 456].*

Одновременно в диалоге «поэт – ангел» происходит постепенная трансформация бесстрастного ангела [2, с. 44] в ангела-спасителя.

И все же божественная любовь рождается из земной, смирение из преодоления страстей и бурь.

Понимание поэтического слова созвучно пониманию *ангела*, символизирующего: дихотомию Бытия: жизни и смерти, любви и нелюбви, мига и вечности, восхождения и статики, «Ничего» и «Всего», Ангела – хранителя небесного и земного. Обращаясь к Р.М. Рильке, М. Цветаева писала: «Чего я от тебя хочу, Райнер? Ничего. Всего. Чтобы ты позволил мне каждый миг моей жизни подымать на тебя взгляд – как на гору, которая меня охраняет (словно каменный ангел-хранитель!)» [17, с. 57]. Предложение, воссоединяющее

в поэтическом контексте посредством аллюзий поэмы «Каменный ангел-хранитель» и «Дуинские элегии», символизирует зов к ангелу о преображении и спасении.

Следует отметить, что основные темы, идеи, смыслы, присутствующие в творчестве М. Цветаевой и входящие в систему авторских смыслов, нашли отражение и в поэтическом наследии Р.М. Рильке. Прежде всего, в творчестве Р.М. Рильке *ангел* – это дух и душа, хранитель и помощник в жизни, находящийся рядом, оберегающий в детские годы.

Ангел – вестник, сила, помогающая осуществлению мечты, решению проблем:

*Er möchte wieder aus armen Tagen
über Wälder rauschendem Ragen
meine blassen Gebete tragen
in die Heimat der Cherubim.
Dorthin trug er mein frühes Weinen
und Bedanken, und meine **kleinen**
Leiden wuchsen dorten zu **Hainen**,
welche flüstern über ihm...[22].*

Разрыв грамматических структур позволяет изменить акцентуацию.

Ангел – это небожитель, которому подвластны звездные миры:

*...kann er frei seine Flügel entfalten
und die Stille der Sterne durchspalten [22].*

Ангел одновременно соединяет и разделяет противостоящие миры: небесный мир духа и земной мир сущности:

*Wenn ich einmal im Lebensland,
im Gelärme von Markt und Messe -
meiner Kindheit erblühte Blässe:
meinen **ernsten Engel vergesse** -
seine Güte und sein Gewand,
die betenden Hände, die segnende Hand...[22].*

Образы крыльев, птиц, рук ангела напоминают о его связи с Библейским ангелом:

*Seine **Hände** blieben wie blinde
Vögel, die, um Sonne betrogen...[22].*

Аллитерационные структуры и повторы формируют образ гармонии и счастья духовного бытия:

*Um die **vielen** Madonnen sind
viele ewige Engelknaben,
die **Verheißung** und **Heimat** haben
in dem **Garten**, wo **Gott** beginnt.
...Und sie **winken** mit den **weißen**
Flügeln festlich im Hallenhofe,*

*und sie **heben** aus den **heißen**
Herzen höher die eine **Strophe**:
Alle, die in **Schönheit** gehn,
werden in **Schönheit** auferstehn... [22].*

Это символ просьбы и молитвы, мелодичности звуковой организации которых также способствует прием аллитерации:

*Gebet
Ernster **Engel** aus **Ebenholz**:
Du riesige **Ruh**.
Dein **Schweigen** **schmolz**
noch nie in **den Bränden**
von **Büßerhänden** [22].*

Ангел – символ любви, душевного покоя, внутренней тишины:

*Die Stille
Hörst du **Geliebte**, ich hebe die **Hände** -
hörst du: **es rauscht**...
Zu meinen **Lippen** kommen die **Düfte** zur **Tränke**,
und ich erkenne die **Handgelenke**
entfernter **Engel** [22].*

Die Stille в сильной позиции заголовка определяет точку рефлексии, осмысления текста: тишина предстает как символ душевного покоя, единения с земным и небесным мирами в пространстве любви, рассматриваемом как синестезийно-метафорическое и символическое. *Ангел* – единство предметов и явлений мира, вещественно-конкретного и отвлеченно-абстрактного, в нем теряется разграничение между реальным и чувственным мирами:

*Der Schutzengel
Du: der von **Wundern** redet wie vom **Wissen**
und von den **Menschen** wie von **Melodien**
und von den **Rosen**: von **Ereignisse**...,
Ангелы управляют поэтическим словом:
Schön sind sie, **die Engel** des **Wortes**
und zum **Kampfe** immer **bereitet**.
Darum tragen sie auch **Schwerter**
in **goldenen Scheiden**, **schlangenverziert**... [22].*

Ангелы объединяют мир божественный и мир земной, мир небесный и мир природы. Дуализм мира невероятным образом прослеживается не только на смысловом, но и на фонетическом уровне:

*Engel
Sie haben alle **müde Münde***

*und helle Seelen ohne Saum.
Und eine Sehnsucht (wie nach Sünde)
geht ihnen manchmal durch den Traum [22].*

В «Дуинских элегиях» ангелы занимают одно из наиболее важных мест. И.А. Воробей выделяет контексты, репрезентирующие образ ангела в данном цикле в особую группу на основании того, что цикл представляет философскую концепцию, итог творческих и духовных исканий поэта [5, с. 86]. Как представляется, это целесообразно сделать также в связи с тем, что в «Дуинских элегиях» представлена динамика мировоззрения творческой личности, проходящая этапы становления: от человека, взывающего о помощи, до человека творца. Совершенство ангелов статично в полном соответствии с христианской концепцией, благодаря духовной динамике лирического героя диалог проходит трансформацию от противостояния до сближения и единомыслия.

Ангел – это символ веры, так как к нему взывает поэт о помощи, но оппозиция *ich – Engel* формирует контраст:

Wer, enn ch chriee, hörte ich den aus der Engel Ordnungen? Und gesetzt selbst, es nähme einer mich plötzlich ans Herz: ich verging von seinem stärkeren Dasein [22].

Сочетание *die Engel Ordnungen* (сонмы ангелов) указывает на то, что в небесном универсуме отношения подчинены иерархии и определенному порядку. Эти строки предполагают, что прорыв человека к свободе начинается с осознания ограниченности и неудовлетворенности бытием.

Необъяснимо и непонятно звучат следующие строки поэта:

Ein jeder Engel ist schrecklich. [22].

Далее противостояние «человек – ангел» усиливается. И на вопрос:

Wer seid ihr? [22]

звучит неожиданный неоднозначный, формирующий богатую смысловую палитру – ответ, построенный на метафоризме: неповторимые метафоры и сравнения, перетекая друг в друга, образуют неожиданные образы невообразимого совершенства, и в результате во всей полноте и многогранности возникает интегрированное сверхзначение [10, с. 93]:

Frühe Geglückte, ihr Verwöhnten der Schöpfung, Höhenzüge, morgenrötliche Grate aller Erschaffung, –Pollen der blühenden Gotheit... [22].

Таким образом, преодолевается контрасты, палитру многозначности и возможность многочисленных трактовок, ангел предстает как воплощение интеллектуального бытия, высшей духовности.

Прежде всего, ангел господствует там, где существует, живет любовь:

Engel!: Es wäre ein Platz, den wir nicht wissen, dorten, auf unsäglichem Teppich, zeigten die Liebenden, die's hier bis zum Können nie bringen [22].

Но есть еще одна сторона дихотомии «духовное-материальное», точка рефлексии, позволяющая переосмыслить понятие Ding, одна их важнейших позиций поэтической философии Р.М. Рильке [13]. Лишь ангел может оценить в полной мере совершенство творения человеческих рук. Вещи Рильке выступают материализацией человеческой души, вбирая тем самым частицы ангела.

В результате процессов кристаллизации смысла возникает пространство взаимодействия *ангела* и *человека*, проявляющееся в единстве и созвучии их голосов:

*Daß ich dereinst, an dem Ausgang der grimmigen Einsicht,
Jubel und Ruhm aufsinge zustimmenden Engeln* [22].

В этой связи можно говорить о том, что «ангел» в «Дуинских элегиях» и в творчестве Р.М. Рильке в целом выступает как сложный противоречивый метасмысл, представляющий одну из граней насыщенного художественного мира поэта.

Таким образом, диалогическое пространство понимания и взаимопонимания в широком смысле (М.М. Бахтин, В.П. Литвинов и др.) основано на признании единых ценностей, которые зачастую имплицитны и проявляются в структуре образов и смыслов. Метасмысловое пространство *ангела* М.И. Цветаевой и Р.М. Рильке при всей уникальности и неповторимости обнаруживает общие черты, принадлежность Логосу, согласно обсуждать разнообразное только под эгидой универсального начала [8, с. 8]. Параллелизм, синергия, синестезия, лежащие в основе метасмыслового континуума *ангела*, динамичная гармоничность, основанная на переносе, способствуют акцентуации первичности духовного мира, связанного с земным, и реализующего идею духовного восхождения человека к совершенству, базирующуюся на динамике перехода от непонимания к пониманию, от отверженности – благодаря творчеству – к диалогичности «земля – небо». Поэтический мир и слово, готовые к смирению, молитве и преображению, способны разгадать загадку дихотомии бытия и противодействовать силам внутреннего разрушения. *Ангел* как метасмысл являет собой противоречивое и многогранное метапространство самопостижения поэтической души.

Литература

1. Адмони В. Марина Цветаева и поэзия XX века // Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 32. Wien: Verlag Otto Sagner, 1992. P. 17 – 28.
2. Айзенштейн Е. Воздух над шелком. Неизвестное о Цветаевой: стихи, рукописи, тайны, факты, гипотезы. СПб: Литагент Ридеро, 2017. 320 с.
3. Афанасьева Э.М. Молитвенный дискурс в лирике Сергея Есенина (на материале 1 тома собрания сочинений 1925 г.) // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения. 2018. С. 819 – 823.
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001. 731 с.
5. Воробей И.А. «Бог» и «ангел» в поэзии Р.М.Рильке. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 120 с.
6. Демченко А.И. Траектория исканий (Райнер Мария Рильке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9. Ч. 2. С. 21 – 30.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
8. Литвинов В.П. Полилогос: проблемное поле. Опыт первый. Опыт второй. Тольятти: МАБИБД, 1997. 180 с.
9. Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.

10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
11. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.
12. Фоменко И.В. Введение в практическую поэтику. Тверь: ТГУ, 2003. 176 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
14. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.
15. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2.: Стихотворения. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 592 с.
16. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения. М.: Эллис Лак, 1994. 816 с.
17. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Письма. М.: Эллис Лак, 1995. 800 с.
18. Цветкова М.В. Поэт, поэзия и творческий дар в художественном мире Марины Цветаевой // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки 2017, Т. 159. С. 138 – 153.
19. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Ставрополь: СГУ, 2006. 646 с.
20. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. 236 с.
21. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
22. Rilke R.M. Gedichte. [Электронный ресурс]. URL: [http://rainer-maria-rilke.de/\(7.04.2023\)](http://rainer-maria-rilke.de/(7.04.2023))

References

1. Admoni V. Marina Cvetaeva i poezija XX veka. Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 32. Wien: Verlag Otto Sagner, 1992. P. 17 – 28.
2. Ajzenshtejn E. Vozduh nad shelkom. Neizvestnoe o Cvetaevoj: stihi, rukopisi, tajny, fakty, gipotezy. SPb: Litagent Ridero, 2017. 320 s.
3. Afanas'eva Je.M. Molitvennyj diskurs v lirike Sergeja Esenina (na materiale 1 toma sobranija sochinenij 1925 g.). Slavjanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chtenija. 2018. S. 819 – 823.
4. Bogin G.I. Obretnenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologičeskiju germenevtiku. Tver', 2001. 731 s.
5. Vorobej I.A. «Bog» i «angel» v poezii R.M.Ril'ke. Pjatigorsk: PGLU, 2007. 120 s.
6. Demchenko A.I. Traektorija iskanij (Rajner Marija Ril'ke). Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 9. Ch. 2. S. 21 – 30.
7. Karasik V.I. Jazykovye ključy. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s.
8. Litvinov V.P. Polilogos: problemnoe pole. Opyt pervyj. Opyt vtoroj. Tol'jatti: MABIBD, 1997. 180 s.
9. Lihachev D.S. Russkaja kul'tura. M.: Iskusstvo, 2000. 440 s.
10. Lotman Ju.M. Analiz pojetičeskogo teksta: Struktura stiha. L.: Prosveshhenie, 1972. 271 s.
11. Potebnja A.A. Teoretičeskaja pojetika. M.: Vyssh. shk., 1990. 344 s.
12. Fomenko I.V. Vvedenie v praktičeskiju pojetiku. Tver': TGU, 2003. 176 s.
13. Hajdegger M. Bytie i vremja. Har'kov: «Folio», 2003. 503 s.
14. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 1 Stihotvorenija. M.: Jellis Lak, 1994. 640 s.
15. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 2.: Stihotvorenija. Perevody. M.: Jellis Lak, 1994. 592 s.
16. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 3: Pojemy. Dramaticheskie proizvedenija. M.: Jellis Lak, 1994. 816 s.
17. Cvetaeva M.I. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 6. Pis'ma. M.: Jellis Lak, 1995. 800 s.

18. Cvetkova M.V. Pojet, pojezija i tvorcheskij dar v hudozhestvennom mire Mariny Cvetaevoj. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki 2017, T. 159. S. 138 – 153.
19. Shtajn K.Je. Garmonija pojeticheskogo teksta. Stavropol': SGU, 2006. 646 s.
20. Shul'ga E.N. Kognitivnaja germenevtika. M.: IF RAN, 2002. 236 s.
21. Jakobson R. Raboty po pojetike: Perevody. M.: Progress, 1987. 464 s.
22. Rilke R.M. Gedichte. [Elektronnyj resurs]. URL: [http://rainer-maria-rilke.de/\(7.04.2023\)](http://rainer-maria-rilke.de/(7.04.2023))

*Cherkasova I.P., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management*

Linguo-axiological characteristics of the meta-meaning "angel" in the poetry of M.I. Tsvetaeva and R.M. Rilke

Abstract: the article is devoted to the study of the representation of the meta-meaning "angel" in poetic discourse, which is considered as a complex formation, an axiological system with a certain functional perspective. Poetry forms a metasemantic continuum based on the contextual ambiguity of the word and the philosophical content of existential meanings in accordance with the nature and originality of material, spiritual and social culture, in close connection with the linguistic and pragmatic components. The structural-semantic organization of the poetic text is based on the axiological dominants of the individual author's poetic world. The text is a hierarchical unity, and the "angel" appears at different levels of the internal structure and determines the semantic content of the text. The author of the article substantiates the possibility of considering the "angel" as an axiological dominant, filled with a multifaceted semantic content, depending on the characteristics of the culture and reflective reality of the author. The article reveals the meanings that form the meta-value. Contributing to the formation of a specific process and result of understanding the immediate conceptual meaning of each poem, the "angel" at the same time appears as an unique phenomenon of the author's world and dialogic poetic space. In the poetic context, the "angel" contributes to the formation of specific coordinates of the individual author's poetic world, including the conjugation of the vertical plane and historical perspective. The poetic spaces of the author's "angel", despite their originality, reveal common features. The given examples illustrate the statements under consideration. The analysis was carried out by means of contextual and linguistic-hermeneutic methods. The practical value of the paper consists of the application of the results in the course of discourse theory, stylistics, text interpretation.

Keywords: angel, poetry, axiology, thinking, image, meaning, meta-meaning, text

For citation: Cherkasova I.P. Linguo-axiological characteristics of the meta-meaning "angel" in the poetry of M.I. Tsvetaeva and R.M. Rilke. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 92 – 103.

Received: June 15, 2023; Revised: August 13, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Буряковская В.А., доктор филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет*

Массовая журналистика: психологические блоги как часть дилетантского дискурса

Аннотация: целью данной статьи является рассмотреть и проанализировать такое явление современного медиапространства, как массовая журналистика, в частности, один из её жанров – психологический блог. Социально-экономические изменения, произошедшие в нашей стране после распада СССР, привели к значительным изменениям и в медиапространстве. Журналистика расширила свои границы так, что любой человек может претендовать на роль журналиста или инфлуенсера. В связи с этим автор предлагает понятие дилетантского дискурса, под которым понимается дискурс, порождаемый непрофессионалами и существующий в медиапространстве, который характеризуется смешением научного и ненаучного (бытового) знания, которое выражается неправильным употреблением научной терминологии, употреблением псевдотерминологии и эмоционально нагруженной лексики. Одним из ярких примеров дилетантского дискурса служит медиажанр «психологический блог». Автор делает вывод о том, что «психологический блог» в рамках дилетантского дискурса ведет к искажению психологических знаний о человеке и, как следствие, порождению интеллектуальной фальши.

Результаты исследования могут найти применение в спецкурсах по медиакоммуникации и журналистике, психолингвистике.

Ключевые слова: медиапространство, массовая журналистика, дилетантский дискурс, популярная психология, блог, блогер

Для цитирования: Буряковская В.А. Массовая журналистика: психологические блоги как часть дилетантского дискурса // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 104 – 109.

Поступила в редакцию: 10 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 12 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Основная трансформация журналистики, которая произошла ввиду политических, социальных и технологических изменений в обществе, по нашему мнению, связана с появлением непрофессиональных журналистов/блогеров и, как результат, с появлением новых медиажанров и дискурсов. Блог как интернет-жанр уже неоднократно исследовался – были выделены характерные для этого жанра черты, описаны функции и его особенности [2, 3, 4].

Так, появление такого явления как блогинг в медиапространстве привело к тому, что люди, пишущие в жанре «блог», сознательно или неосознанно начали претендовать на роль выразителей идей, гуру или даже истины в последней инстанции. Появились так называемые инфлуенсеры, люди, считающие, что они могут воздействовать и влиять определенным образом на выбор, мнения, вкусы других людей.

В медиапространстве на данный момент существует огромное количество блогов, разнящихся не только своей тематикой, но и способом подачи – начиная от простых текстовых блогов с фото или картинками и заканчивая видеоблогами.

Объектом нашего исследования являются психологические блоги. Психологические темы являются очень популярными в современном медиапространстве: анализируются «токсичные» отношения и способы избавления от них, коучи предлагают всевозможные идеи по развитию своей личности, улучшения кармы, быстрого избавления от проблем и т.д. и т.п.

Материалом исследования послужили 20 каналов на платформе «Яндекс Дзен» (статьи и посты), посвященные тематике человеческих взаимоотношений, которые можно условно объединить в одну большую тематическую группу: «Психология». На платформе представлены материалы профессиональных психологов – сайты журналов, например, Psychologies или индивидуальные блоги известных психологов (А. Курба-тов, А. Шахов и др.). Количество подписчиков профессионального контента колеблется от 18 тысяч до 282 тысяч. Гораздо меньшим числом подписчиков представлены именно непрофессиональные психологи или блогеры, претендующие на роль экспертов в области человеческих отношений (от 1 подписчика до 5 тысяч). Именно эти блоги являются предметом нашего исследования. Как заявлено на самой платформе, «Дзен» реализует технологии специализированного искусственного интеллекта: для анализа интересов и предпочтений пользователя интернета используются данные о посещаемых сайтах, указанный пользователем круг интересов, анализируются любимые ресурсы пользователя и другие особенности поведения с целью создания уникальной модели его предпочтений. С увеличением объёма данных о пользователе система предлагает ему всё более актуальные и релевантные публикации, адаптируясь под изменяющиеся интересы пользователя» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Дзен>).

При проведении исследования применялись общий гипотетико-дедуктивный метод, метод сплошной выборки и метод контекстного анализа.

Авторы блогов сами заявляют о себе – о своем образовании, профессии и тематике блога или об уже опубликованных ими книгах. Однако такого рода информация может быть и не представлена – автор блога полагается только на тот контент, который выкладывает, отказываясь от дополнительной саморекламы. В любом случае, наличие или отсутствие такой информации не может достоверно свидетельствовать о принадлежности блогера к числу профессиональных психологов или психиатров, за исключением известных и дипломированных специалистов, количество которых ничтожно мало по сравнению с остальной массой блогеров.

Приведем примеры саморепрезентации блогеров:

Автор канала – консультант по матрице судьбы, журналист, продюсер, видеомейкер, a little bit психо-аналитик

Присоединяйтесь и начните свой путь к самосовершенствованию и успешным отношениям с помощью наших уникальных статей и экспертных советов!

Всем привет. Данный канал посвящён психологии, так же Вы узнаете все о психоматике и почему наше тело болеет.

Стилистика и тональность психологических блогов предопределена идеей «популярной» психологии, понимание которой доступно всем. Авторы блогов, даже если они являются профессиональными психологами, вынуждены менять регистр общения с научного на научно-популярный или даже разговорный. Простота и доступность пониманию массовой аудиторией диктуют свои правила преподнесения информации в блоге: «записи в сетевых дневниках являются стилистически разнородными (...), могут носить кодифицированный характер и относиться к одному конкретному стилю (например, публицистическому или деловому), однако чаще имеют контаминированный статус, совмещая в себе черты различных функциональных стилей (например, публицистического и разговорного, делового и разговорного)» [4, с. 142]. Очевидно, что блоги характеризуются смешением функциональных стилей, тональность блогов стремится к дружеско-фамильярной, неформальной, апеллирующей в большей степени к эмоциям, нежели к разуму.

Проанализировав дискурсивные характеристики fashion-блогинга, Н.А. Ахренова и А.А. Орлова выявили его следующие функции:

1. Перформативная функция, которая заключается в том, что авторы выполняют типичные графические действия участников: блогер выбирает тему поста, собирает материал по данной теме, представляет его в виде заметки / видео / фото, публикует, читатель знакомится с представленной информацией, оценивает её, пишет свой отзыв в комментариях;

2. Прескриптивная функция устанавливает и регулирует нормы и правила поведения в процессе общения в рамках данного института и выражается в отношениях между авторами блога и его командой, блогером и его читателями;

3. Визитная функция, цель которой – создать и поддерживать имидж института моды, реализуется в дискурсе fashion-блогов в представлении основного продукта – материала блога, способного привлечь внимание читателя, побудить его к покупке того или иного товара.

4. Словесная функция в дискурсе fashion-блогов реализуется в специальной лексике, используемой автором блога и его читателями [1, с. 11].

Полагаем, что психологический блог, так же, как и fashion-блог выполняет все эти функции и, кроме того, обладает большой степенью влияния на массовую аудиторию, выполняя **персуазивную функцию**, – побуждая читателей не только к написанию комментариев, но и к обращению за индивидуальной консультацией к автору блога.

Приведем примеры:

Психология – это фигня? Как ни удивительно, но каждый третий мой клиент когда-то думал также. Пока не припёрло... или пока невролог не дал выбор – волшебные таблеточки или психотерапевт. Последнее - часто после какой-то непонятной для человека фигни с ощущением, что вот-вот отдаст концы, сойдёт с ума, задохнётся или всё разом. Автор пытается убедить читателя в опасности обращения к неврологу или психотерапевту с помощью разговорной лексики *фигня*, *отдать концы* и диминутивной формы *таблеточки* в сочетании с эпитетом *волшебные*, что создает пренебрежительную экспрессивную окраску.

В следующем примере эпитеты *хреновый*, *скучно*, *непонятно*, *дешёвый* демонстрируют негативное отношение автора к научным знаниям, автор не дифференцирует между психологами, которые не являются

врачами и не могут прописывать медикаменты, и психиатрами, у которых такое право есть: *У психологии в России долго был хреновый PR: это дешёвый популизм с уклоном в веды или астрологию. Другая сторона: научная часть - скучно, непонятно, неприменимо в повседневной жизни. И, наконец, работа самой прекрасной установки: "меня загипнотизируют или посадят на таблетки – буду овощем". Сейчас всё стало несколько лучше.*

В этом примере мы видим упрощенный, по сути, примитивный взгляд на человеческие отношения. Многие блоги как раз этим и характеризуются – предложить простое, лежащее на поверхности, решение какой-либо проблемы, не вдаваясь в её суть или её критическое осмысление: *Деструктивных убеждений столько, что можно написать о них десятки книг и ни разу не повториться. Но для понимания сути здоровых отношений между мужчиной и женщиной это и не требуется. Есть один простой тест – задайте себе вопрос "меня всё устраивает в этих отношениях?". Если нет, значит их пора завершать.*

Анализ материала исследования позволяет сделать несколько выводов:

Поскольку наряду с профессиональной журналистикой, в современном медиапространстве распространяются тексты, авторами которых являются люди, претендующие на роль профессиональных психологов, полагаем, что такого рода тексты можно отнести к так называемому дилетантскому дискурсу, который может быть охарактеризован следующим образом:

1. Отсутствие верификации контента. Желание быть ближе к воспринимающей аудитории, и как следствие, отказ от профессионального (научного) дискурса в пользу ненаучного неформального стиля изложения. Помимо общеупотребительной лексики, лексическое наполнение непрофессиональных психологических блогов представлено разговорной, псевдо терминологической и эмоционально нагруженной лексикой;

2. Превращение психологии из науки в некую форму бытовой и упрощенной интерпретации явлений, событий, внутренней жизни человека. Скатывание к простым, однозначным и готовым рецептам по решению той или иной жизненной проблемы.

Таким образом, массовая журналистика сегодня представлена прежде всего дилетантским дискурсом и соответственно жанром «блог». Ярким примером дилетантского дискурса в современном медиапространстве является психологический блог.

Популяризация научного знания призвана переводить полученные наукой данные, известные профессиональному меньшинству, на язык непрофессионального большинства. Это уже давно является устоявшейся практикой по многим научным отраслям. Однако, проведенный анализ психологических блогов показал, что популяризация психологических знаний сопряжена с непростительным упрощением и искажением знаний о человеке, бесконтрольным смешением научного и ненаучного знания.

Так называемая популярная психология носит коммерческий характер и вредна тем, что человеку на самом деле не хотят помочь и не помогают, а просто монетизируют свои услуги «психолога». Тот факт, что искусственный интеллект отслеживает интересы и предпочтения пользователя, говорит о том, что пользователь рано или поздно становится «клиентом» определенных «психологов».

Безусловно, свобода самовыражения является одной из достижений современного общества, а понятие цензуры стало архаичным. Каждый пользователь интернета вправе выбирать, что ему читать, слушать и

смотреть. Опасность, которую таит в себе дилетантский дискурс, заключается, по нашему мнению, в некритичном и безоглядном следовании советам и рекомендациям блогеров, которые не являются специалистами в той предметной области, в которой они с легкостью раздают советы и рекомендации массовой аудитории.

Литература

1. Ахренова Н.А., Орлова А.А. Дискурсивные характеристики fashion-блогинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 6 – 19.
2. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125 – 131.
3. Горошко А.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1 С. 105 – 124.
4. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016 № 2 (14). С. 96 – 104.

References

1. Ahrenova N.A., Orlova A.A. Diskursivnye harakteristiki fashion-bloginga. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2021. № 6. S. 6 – 19.
2. Bazhenova E.A., Ivanova I.A. Blog kak internet-zhanr. Vestnik permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2012. Vyp. 4 (20). S. 125 – 131.
3. Goroshko A.I., Zhigalina E.A. Virtual'noe zhanrovedenie: ustojavsheesja i spornoe. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologija. Social'nye kommunikacii. 2011. T. 24 (63). № 1. Ch. 1 S. 105 – 124.
4. Kolokol'ceva T.N. Dialogichnost' v zhanrah internet-kommunikacii (chat, forum, blog). Zhanry rechi. 2016 № 2 (14). S. 96 – 104.

*Buryakovskaya V.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University*

Mass journalism: psychological blogs as part of dilettante discourse

Abstract: the purpose of this article is to consider and analyze such a phenomenon of the modern media space as mass journalism, in particular, one of its genres – psychological blog. The socio-economic changes that took place in our country after the collapse of the USSR led to significant changes in the media space. Journalism has expanded its boundaries so that anyone can claim to be a journalist or an influencer. In this regard, the author proposes the concept of dilettante discourse, which is understood as a discourse generated by non-professionals and existing in the media space, which is characterized by a mixture of scientific and non-scientific (everyday) knowledge, which is expressed by the incorrect use of scientific terminology, the use of pseudo-terminology and emotionally loaded vocabulary. One of the most striking examples of dilettante discourse is the media genre "psychological blog". The author concludes that the "psychological blog" within the framework of dilettante discourse leads to intellectual falsehood.

The results of the study can be used in special courses on media communication and journalism, psycholinguistics.

Keywords: media space, mass journalism, dilettante discourse, popular psychology, blog, blogger

For citation: Buryakovskaya V.A. Mass journalism: psychological blogs as part of dilettante discourse. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 104 – 109.

Received: June 10, 2023; Revised: August 12, 2023; Accepted: September 20, 2023.

*Джалилова Туркан Музадил, преподаватель,
Асланова Малейка Исфандияр, старший преподаватель,
Гянджинский государственный университет, Азербайджан*

Язык как инструмент коммуникации и раскрытие культурной реальности

Аннотация: язык – это инструмент общения, используемый каждым в повседневной жизни как средство передачи информации и аргументов другим. В этом случае язык не может быть отделен от культуры, поскольку язык представляет свою нацию и имеет тесную связь с отношением или поведением групп носителей языка. Роль языка как инструмента выражения культурной реальности можно увидеть из: 1) Язык является частью культуры, 2) Даже язык и культура различны, но имеют очень тесную связь, 3) Язык находится под сильным влиянием культуры и 4) язык существенно влияет на культуру и образ мышления людей, живущих внутри. В общении язык, используемый людьми, влияет на их культуру и наоборот. Если использовать притчи, то культура и язык подобны сиамским близнецам – две вещи, которые невозможно разделить. Или как монета; одна сторона – это язык, а другая – культура.

Ключевые слова: языковое общение, культурная реальность, природа языка, роль языка

Для цитирования: Джалилова Туркан Музадил, Асланова Малейка Исфандияр Язык как инструмент коммуникации и раскрытие культурной реальности // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 3. С. 110 – 117.

Поступила в редакцию: 10 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 20 сентября 2023 г.

Язык указывает каждому свой народ, как-то притчей так и сказано. Если над его значением задуматься глубже, это может сделать нас мудрее в понимании и рассмотрении всех случаев, связанных между языком и отношением или поведением групп носителей языков [2, с. 3]. Мудрость, вероятно, укрепит веру в роль языка в развитии культуры.

Существует несколько теорий о взаимосвязи языка и культуры. Некоторые говорят, что даже язык является частью культуры, но они разные, но в плане отношений они очень близки друг другу, поэтому их нельзя разделить. Некоторые говорят, что язык находится под сильным влиянием культуры, поэтому все, что есть в культуре, будет отражено в языке. И наоборот, существует поговорка, что язык влияет на культуру и образ мышления человека или его носителей. Целью этой статьи было обсуждение природы языка, природы культуры и того, как язык может выражать культурную реальность пользователей языка.

Природа языка

Лингвисты предлагали различные определения языка. Язык – это форма, а не субстанция [4, с. 31] упоминает характеристики, составляющие сущность языка как символа звуковой системы, они произвольны, продуктивны, динамичны, разнообразны и гуманны.

Язык как система, то есть состоящая из ряда компонентов, которые фиксированы и могут быть структурированы. Как система, помимо систематического, язык имеет еще и системный характер. Систематическое значение, язык организован по определенному образцу, а не случайно или произвольно. При этом систематический означает, что язык представляет собой единую систему, а скорее состоит из нескольких подсистем, отличающихся от других языков. Подсистема языка состоит из фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики. Поэтому язык также обычно считается уникальным, но в то же время универсальным. Уникальный означает наличие характеристик или свойств, которыми не обладают другие языки, а универсальный означает наличие тех же черт, которые существуют во всех языках.

Если сравнивать с животными, у которых разнообразные формы общения, то люди просто используют язык. В основном существует два типа систем общения животных: во-первых, системы общения, обнаруженные у пчел. Во-вторых, все системы связи существуют у обезьян и птиц. Человеческие языки имеют нечто похожее на это общение, но имеют существенные различия по сравнению с обоими [5, с. 38]. Пчелы могут сообщать членам своей группы о наличии нектара, например, о расстоянии нектара, направлении к месту и количестве найденного нектара, используя определенный танец. Джи назвал танец пчел, чтобы сообщить о присутствии нектара в виде пошаговой системы. Помимо пчел, способ общения есть у обезьян и птиц. Африканские обезьяны-верветки способны издавать 36 видов звуков в различных ситуациях. Среди них был другой звук для одной и той же ситуации, поэтому система связи Vervet могла доставлять 22 вида сообщений. Кроме того, у птиц также есть способ общения, хотя словарный запас для передачи сообщений очень ограничен [1, с. 249].

Более того, Чаер и Агустина предлагают 16 видов отличительного человеческого языка, а именно:

1) В языке используются гласные слуховые пути. В этом случае наблюдается сходство между системами связи, принадлежащими многим животным, включая сверчков, лягушек и птиц.

2) Язык может распространяться во всех направлениях; однако приемы направлены. Звуки разговорной речи можно услышать во всех направлениях из-за шума или звуков языка, которые распространяются по воздуху, но получатель или слушатель может точно сказать, с какого направления пришли звуки языка.

3) Языковой символ в виде звука, который может исчезнуть после произнесения. Это контрастирует с другими символами, такими как следы животных и героические статуи, которые могут сохраняться долгое время. Из-за быстрой утраты люди всегда стараются сохранить этот символ языка в письменной форме и звукозаписях.

4) Участники общения с помощью языка могут общаться друг с другом. Это означает, что говорящий может быть одновременно отправителем символа и получателем символа.

5) Символ языка может быть полной обратной связью. Говорящий как отправитель может слышать символы своего языка. В то время как в некоторых кинетических коммуникациях (движениях) и визуальных (взглядах), таких как танец пчел, отправитель информации не может видеть важные части танца [3, с. 429]

6) Языки общения имеют свою особенность. Люди могут говорить без необходимости совершать физические движения для поддержания процесса общения. При общении у пчел их физически заставляли танцевать, чтобы донести предназначенные им сообщения.

7) Звуковые символы в языке общения означают и обозначают определенные вещи. Например, слово «лошадь» относится к четвероногим животным, на которых можно ездить верхом. Предложение «Чаедар ударить по мячу» означает, что кто-то по имени Чаедар выполняет действия, при которых мяч ударяется ногой. 1) Участники общения с помощью языка могут общаться друг с другом. Это означает, что говорящий может быть одновременно отправителем символа и получателем символа.

8) Символ языка может быть полной обратной связью. Говорящий как отправитель может слышать символы своего языка. В то время как в некоторых кинетических коммуникациях (движениях) и визуальных (взглядах), таких как танец пчел, отправитель информации не может видеть важные части танца.

9) Языки общения имеют свою особенность. Люди могут говорить без необходимости совершать физические движения для поддержания процесса общения. При общении у пчел их физически заставляли танцевать, чтобы донести предназначенные им сообщения.

10) Звуковые символы в языке общения означают и обозначают определенные вещи. Например, слово «лошадь» относится к четвероногим животным, на которых можно ездить верхом. Предложение «Чаедар ударить по мячу» означает, что кто-то по имени Чаедар выполняет действия, при которых мяч ударяется ногой.

11) Связь языкового символа с его значением не определяется наличием связи между ними, а определяется соглашением или соглашением между носителями языка.

12) язык как инструмент человеческого общения можно разделить на определенные единицы: предложения, слова, морфемы и фонемы.

13) Ссылка или что-то обсуждаемое на языке не всегда находится в настоящем месте и времени. Человеческий язык может использоваться для чего-то в прошлом, будущем или в отдаленных местах. Даже это только в фантазии.

14) Язык открытый. Это означает, что символы речи могут быть созданы в соответствии с потребностями человека. Пока язык животных закрыт, неизменен с самого начала.

15) Навыки и ловкость в освоении правил и обычаев человеческого языка возникают в процессе обучения, а не через врожденные гены. Язык животных обычно бывает врожденным.

16) Язык можно выучить. Тот, кто родился и вырос в определенном языковом сообществе, сможет выучить другие языки, которые не используются в его сообществе.

17) Язык может использоваться для выражения истинного и ложного или логически бессмысленного. Люди могут использовать язык, чтобы говорить правильные вещи, но это неправда. Только люди, которые могут использовать язык, чтобы лгать или обманывать других.

18) Язык имеет две подсистемы, а именно звуковую подсистему и смысловую подсистему, которые позволяют языку выполнять экономическую функцию. Экономика разнообразна благодаря функциональным значимым единицам, которые можно сгруппировать и перегруппировать в значимые единицы, например: фонемы в слова.

19) Язык можно использовать, чтобы говорить о самом языке.

Язык как средство общения

После обсуждения языка, связанного с его природой и функциями, язык либо осознается, либо нет, он имеет важное значение среди его носителей. Язык – это средство общения между членами сообщества в виде звуковых символов, вырабатываемых органом речи. Язык также является инструментом самовыражения и инструментом проявления своей идентичности [8, с. 27].

Через язык мы можем показать нашу точку зрения, наше понимание вопроса, происхождение нации и нашего государства, наш уровень образования и даже наш характер. Язык становится зеркалом нас, как нации, так и как личности. Чтобы общение проходило хорошо с обоими, отправитель и получатель должны владеть своим языком.

По мнению Гориса Керафа, язык – это средство общения между членами сообщества в форме звукового символа, производимого органом речи. Возможно, возразят, что язык – не единственный инструмент общения. Они утверждают, что два человека или стороны общаются посредством определенных согласованных способов, например, посредством картин, дыма, звука барабана или бочек и так далее. Но им также следует признать, что по сравнению с языком все предыдущие средства общения имели множество слабых сторон.

В основном язык имеет определенные функции, которые используются в соответствии с потребностями человека, т. е. как инструмент самовыражения, как средство общения, как инструмент организации и адаптации к социальной интеграции в окружающую среду или обстоятельства. и как инструмент социального контроля [6, с. 351].

Здесь представлена роль языка как средства общения:

1) Язык как инструмент взаимодействия с другими людьми. Условием того, чтобы общение произошло, является необходимость участия двух или более лиц, ведущих беседу друг с другом. В этом случае акцент делается на процессе взаимодействия, чтобы обеспечить возможность обмена обратной связью между говорящим и его собеседником, и наоборот.

2) Язык отражает уровень образования человека. Образованные люди запоминаются лучше, чем необразованные. Чем выше образование человека, тем выше его речевая мудрость. Возникновение этого мнения связано с тем, что взаимодействие часто осуществляют люди хорошо образованные, находящиеся под влиянием среды проживания, а также школьной среды или рабочей среды. Таким образом, образованные люди склонны взаимодействовать со средой, поддерживающей использование языковых качеств, чем менее образованные.

3) Указывает на власть. Лидер должен уметь хорошо говорить с вознаграждаемыми подчиненными. Это связано с владением языком: если лидер может хорошо говорить, то он может выражать свои идеи ясно и прямо, что показывает авторитет лидера.

4) Как сила закона. С помощью языка человек может определить язык самообороны или соперника. Тот, кто говорит, даже легко ускользает от обращенного к нему дела. Это говорит о том, что язык может быть реализован как способность/навык общения.

5) Привлечь клиента. Язык хорошей и интересной рекламы заинтересует потребителей попробовать ваш продукт. В коммуникациях рекламный язык входит в сферу рекламы. Стремясь донести преимущества и

эффективность продукта, процесс коммуникации не может быть отделен от распространения продукта среди потребителей.

б) Указывает на социальное положение человека. С помощью языка можно размышлять о своем положении в обществе. Разнообразие языков, которыми владеет человек, безусловно, будет отличаться от одного к другому, на это влияет усвоение языка из окружающей среды. Таким образом, люди, говорящие на разных языках и умеющие хорошо общаться, считаются привилегированными в обществе [7, с. 91].

Связь между коммуникацией, языком и культурой

Связь между общением и культурой можно увидеть из нашей повседневной практики общения или взаимодействия между людьми и группами. На язык, который мы используем, должно быть, повлияло то место, где мы живем, а также этнические районы вокруг нас.

В данном случае культура по отношению к образу жизни человека. Люди учатся, думают, чувствуют, верят и ищут то, что соответствует культуре. Язык, дружба, обычаи, практика общения, социальные действия, экономическая деятельность, политика и технологии – все это основывалось на культурных моделях. Что касается тех, кто говорит на макасарском, горонтальском, сунданском, яванском, малайском и английском языках. Это все потому, что они родились или, по крайней мере, выросли в культуре, содержащей эти элементы. Что они делают, как они действуют, реакция на культурные функции [9, с. 48].

Это означает, что коммуникация и культура не могут быть разделены, потому что культура не только определяет, кто с кем говорит, о чем и где происходит общение, но культура также помогает определить кодирование сообщения, смысл и сообщение, которое он имел для условий. отправить, обратить внимание, интерпретировать сообщение. Собственно, весь репертуар поведения, от которого мы очень зависим, культура, в которой мы выросли, соответствует ранее раскрытому в начале обсуждения. Следовательно, культура является основой общения. Если культурное разнообразие, то это еще и разнообразие коммуникативных практик.

Язык как средство раскрытия культурной реальности

Существование различных теорий о взаимосвязи языка и культуры. Некоторые говорят, что язык является частью культуры, а другие говорят, что язык и культура различны, но имеют очень тесную связь, поэтому их нельзя разделить. Некоторые утверждают, что язык находится под сильным влиянием культуры, поэтому все, что есть в культуре, будет отражено в языке. И наоборот, существует поговорка, что язык и культура влияют на мышление человека или ораторов [10, с. 18].

Один из вопросов, интересующих специалистов-лингвистов, заключается в том, существует ли связь языка и мышления носителей другой культуры? С изменением языка часто связано присутствие разных культур. Во многом на эту точку зрения повлияли работы антропологов, которые склонны рассматривать язык как часть культуры, определяемой как социально приобретенное знание. Мнение утверждает, что языковое разнообразие тесно связано с существованием разных культур.

Джи утверждает, что человеческий язык является результатом длительной эволюции человека. Человеческий язык отличается, потому что человеческие культуры различны, но язык и культура имеют глубокое сходство, потому что люди по сути одинаковы. У них одинаковые глаза, одинаковый мозг, одна и та же

биологическая основа. Эволюция человека привела к тому, что люди овладели и используют определенный язык.

Чтобы существенно определить взаимосвязь между языком и культурой, мы должны игнорировать уровень слов, которым обладает язык. Вопрос в том, влияет ли культура на язык культурно значимее, чем определяет, сколько или каких слов будет в языке [12, с. 456]?

Язык связан культурным контекстом. Иными словами, язык можно рассматривать как продолжение культуры. Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, часто называемой лингвистической теорией относительности, на самом деле каждый язык представляет собой типичный символический мир, который отображает реальность разума, внутреннего опыта и потребности пользователей думать, смотреть на окружающую среду и вселенную вокруг. Это по-разному, и поэтому ведут себя по-разному.

Гипотеза, выдвинутая Бенджамином Ли Уорфом и популяризирующая и подтверждающая точку зрения учителя Эдварда Сепира, утверждает, что (1) язык влияет на восприятие, и (2) язык влияет на образ мышления. Таким образом, в языке были освоены способы мышления и действия человека. В качестве иллюстрации можно привести тот факт, что у эскимосов есть около 20 слов для описания снега, что указывает на то, что они более чутко воспринимают реальность снега, поскольку снег является важным фактором в их жизни. Существуют специальные слова, обозначающие падающий снег, снег, принесенный ветром, образующий линию мягкого снега на земле и так далее. В этом случае классификация снега так важна для них, потому что снег может повлиять на жизнь и безопасность даже их самих. Так же и в классическом арабском языке предположительно есть слово, описывающее 6000 верблюдов, варианта, строение тела, пол, возраст, движение, состояние и снаряжение [11, с. 37].

Таким образом, из-за тесного родства языков этой культуры есть эксперты, которым нравятся их отношения как близнецов, эти две вещи неразделимы. Или как монета; одна сторона – это язык, а другая – культура

Литература

1. Ackermann E. K. Experiences of Artifacts // Key Works in Radical Constructivism. Rotterdam: Sense Publishers. P. 249 – 257.
2. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition. 2009. № 12 (1). P. 3 – 11.
3. Evans N., Levinson S.C. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // Behavioral and Brain Sciences. 2009. № 32 (5). P. 429 – 448.
4. Hakuta K., Bialystok E., Wiley E. Critical evidence: A test of the critical-period hypothesis for second-language acquisition // Psychological Science. 2003. № 14 (1). P. 31 – 38.
5. Mayberry R.I., Lock E., Kazmi H. Development: Linguistic ability and early language exposure // Nature, 2002. № 417 (6884). P. 38.

6. Halas E. Symbolism and Social Phenomena: Toward the Integration of Past and Current Theoretical Approaches // European Journal of Social Theory. 2011. № 5 (3). P. 351 – 366. URL: <http://club.fom.ru/books/halas.pdf>
7. Sitti Rabiah. Language as a Tool for Communication and Cultural Reality Discloser [Electronic resource]. Mode of access: <https://osf.io/preprints/inarxiv/nw94m/> (date of access: 05.11.2021)
8. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистике к лингвосинергетике. М.: Ком Книга, 2007. С. 27.
9. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академический проект, 2004. С. 49.
10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2003. С. 18.
11. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект-Пресс, 2003. С. 37.
12. Шутц А. Символ, реальность, общество // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия («РОССПЭН»), 2004. С. 456 – 532.

References

1. Ackermann E. K. Experiences of Artifacts. Key Works in Radical Constructivism. Rotterdam: Sense Publishers. P. 249 – 257.
2. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent. Bilingualism: Language and Cognition. 2009. № 12 (1). P. 3 – 11.
3. Evans N., Levinson S.C. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science. Behavioral and Brain Sciences. 2009. № 32 (5). P. 429 – 448.
4. Hakuta K., Bialystok E., Wiley E. Critical evidence: A test of the critical-period hypothesis for second-language acquisition. Psychological Science. 2003. № 14 (1). P. 31 – 38.
5. Mayberry R.I., Lock E., Kazmi H. Development: Linguistic ability and early language exposure. Nature, 2002. № 417 (6884). P. 38.
6. Halas E. Symbolism and Social Phenomena: Toward the Integration of Past and Current Theoretical Approaches. European Journal of Social Theory. 2011. № 5 (3). P. 351 – 366. URL: <http://club.fom.ru/books/halas.pdf>
7. Sitti Rabiah. Language as a Tool for Communication and Cultural Reality Discloser [Electronic resource]. Mode of access: <https://osf.io/preprints/inarxiv/nw94m/> (date of access: 05.11.2021)
8. Borbot'ko V.G. Principy formirovanija diskursa: ot psiholingvistike k lingvosinergetike. M.: Kom Kniga, 2007. S. 27.
9. Kravchenko A.I. Kul'turologija: Slovar'. M.: Akademicheskij proekt, 2004. S. 49.
10. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij Proekt, 2003. S. 18.
11. Erasov B.S. Social'naja kul'turologija. M.: Aspekt-Press, 2003. S. 37.
12. Shutc A. Simvol, real'nost', obshhestvo. Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija («ROSSPJeN»), 2004. S. 456 – 532.

*Dzhalilova Turkan Muzadil, Lecturer,
Aslanova Maleika Isfandiyar, Senior Lecturer,
Ganja State University, Azerbaijan*

Language as a communication tool and disclosure of cultural reality

Abstract: language is a communication tool used by everyone in everyday life as a means of transmitting information and arguments to others. In this case, the language cannot be separated from the culture, since the language represents its nation and has a close connection with the attitude or behavior of groups of native speakers. The role of language as a tool for expressing cultural reality can be seen from: 1) Language is part of culture, 2) Even language and culture are different, but they have a very close connection, 3) Language is strongly influenced by culture and 4) language significantly affects the culture and way of thinking of people living inside. In communication, the language used by people affects their culture and vice versa. To use parables, culture and language are like Siamese twins – two things that cannot be separated. Or like a coin; one side is language and the other is culture.

Keywords: language communication, cultural reality, the nature of language, the role of language

For citation: Dzhalilova Turkan Muzadil, Aslanova Maleika Isfandiyar Language as a communication tool and disclosure of cultural reality. Philological Bulletin. 2023. 2 (3). P. 110 – 117.

Received: June 10, 2023; Revised: August 9, 2023; Accepted: September 20, 2023.